

№ 2(13)
Июнь 2015

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**Развитие городов
и социальные технологии**

/ Политика памяти
и символичный дизайн
в городе

/ Реализация социальной миссии
в предпринимательстве

/ Потенциал
протестной активности
молодёжи

/ Теория социальной ренты

Состав международного редакционного совета

Председатель:

ЯДОВ Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований ИС РАН, декан социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия);

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор, директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета (Тюмень, Россия);

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН (Москва, Россия);

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН (Москва, Россия);

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета, Почётный доктор ИС РАН (Хельсинки, Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии образования ИС РАН (Москва, Россия);

КОССЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Варшава, Польша);

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД РФ (Москва, Россия);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН (Москва, Россия);

КРУММ Райнхардт – доктор философии, руководитель Российского филиала Фонда им. Ф. Эберта (Берлин, Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии ИФ РАН (Москва, Россия);

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета (Казань, Россия);

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Ниш, Сербия);

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор, председатель национальной комиссии ЮНЕСКО, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Ноттингем, Ноттингемшир, Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия);

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Шанхай, Цзянсу, Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и Ординарный профессор НИУ ВШЭ (Москва, Россия);

ЛИ Пэй Лин – профессор, директор Института социологии Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород, Россия);

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии и проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия);

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, заместитель Председателя Учёного совета ИС РАН (Москва, Россия);

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования» (Москва, Россия);

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Монгольской АН, профессор, директор Академии управления Монголии (Улан-Батор, Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

YADOV Vladimir A., Ph.D., Professor, Head of the center of the theoretical, historical and sociological studies of the Institute of Sociology, RAS (Russia);

CHULUUNBAATAR Gelegpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director of the Academy of Management MPR (Mongolia);

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center of the Interethnic Relations, Institute of Sociology, RAS (Russia);

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Director of the Institute of Humanitarian Sciences, Tyumen State Oil and Gas University (Russia);

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director of the Institute of Sociology of RAS;

KIVINEN Markku, professor of sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Finland;

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Sociology of Education of the Institute of Sociology of RAS;

KOŚŁA Krzysztof, the Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, University of Warsaw (Poland);

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Chief Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) (Germany);

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of RAS, Head of the Department of axiology and philosophical anthropology of the Institute of Philosophy of RAS (Russia);

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Prorector of the Kazan Federal University (Russia);

MITROVIĆ Ljubilja, Professor, Director of the Institute of Sociology of University of the city of Nish (Serbia);

MORGAN John, Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK);

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology of the Siberian Federal University (Russia);

PAILIN Li, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Chinese Academy of Social Sciences (China);

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian studies of SASS

POKROVSKY Nikita E., Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Sociology, High School of Economy (Russia);

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Head of the Department of Sociology and social work, Nizhni Novgorod State University (Russia);

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University;

TAMASH Pal, Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary);

TIKHONOVA Natalia Ye., Ph.D. (Soc.), Professor, a Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding member of RAS, Dean of the Department of Sociology of the Russian State University for the Humanities, Editor in chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia);

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; заместитель директора ИС РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора ИС РАН;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, заведующая сектором по изучению социокультурного развития регионов России ИС РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник ИС РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – научный сотрудник ИС РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, проф.; главный научный сотрудник ИС РАН, профессор Социологического факультета НИУ ВШЭ;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат философских наук, заведующая отделом теоретического анализа социальных трансформаций ИС РАН;

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов ИС РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЗУБОК Ю. А. – д.социол.н.; профессор, заведующая отделом социологии молодежи ИСПИ РАН;

КЛЮЧАРЁВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки ИС РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, проф.; руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии ИС РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований ИС РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН.

Editorial Board

Editor in Chief:

GORSHKOV Mikhail K., Academician;

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology, RAS;

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Sociol.), deputy director of the Institute of Sociology, RAS, Director of the Center of Longitude Studies of the National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Dr. Sci., (Sociol.), Head of sector for the study of socio-cultural development of Russian regions of the Institute of Sociology of RAS.

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Editor:

AMEL'KINA Olga A., Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations of the Institute of Sociology, RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Research;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology, RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture of the Institute of Sociology, RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology of the Institute of Sociology, RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology, RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading researcher of the Institute of Sociology of RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P. , Dr. Sci. (Hist.), Professor, Senior Researches of the Institute of Sociology of RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading researcher if the Institute of Sociology of RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia);

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	9
Тема номера: «Развитие городов и социальные технологии»	11
<i>Рабинович Е. И.</i> Вместо предисловия к теме номера. Прогнозное социальное проектирование.....	11
<i>Шныренков Е. А.</i> Развитие городов на основе реализации интересов социальных групп	17
<i>Капицын В. М.</i> Политика памяти и символичный дизайн в городе	30
<i>Товмасьян Э. О.</i> Москве нужны полноценные социально-градостроительные обследования	43
<i>Богданов В. С. Просьянюк Д. В.</i> Территориальное расширение Москвы – стратегия развития или необоснованная необходимость?	53
Социальная активность в современной России	71
<i>Климова С. Г., Климов И. А., Щербакова И. В.</i> Сообщества социальных предприятий.....	71
<i>Щербакова И. В.</i> Видоизменения коллективности: между востребованностью и распадом.....	98
<i>Шлыкова Е. В.</i> Потенциал протестной активности молодёжи в условиях риска: анализ случая	117
К методологии научных исследований.....	137
<i>Давыдов Д. А.</i> Всегда ли социальный капитал – капитал? К теории социальной ренты.....	137
Онлайн приложение. <i>Красин Ю. А.</i> Прорыв – в эпоху реформации	154

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue.....	9
The Theme of the Issue: Cities' Development and Social Technologies	11
<i>Rabinovich E. I.</i> Instead of Introduction to the Theme of the Issue. Forecasting Social Projection	11
<i>Shnyirenkov E. A.</i> Meeting the Interests of Various Social Groups as a Basis for Urban Development.....	17
<i>Kapitsyn V. M.</i> Politics of Memory and the Symbolic Design of the Urban Environment.....	30
<i>Tovmasyan E. O.</i> Moscow Needs Proper Social and Urban Planning Research	43
<i>Bogdanov V. S., Prosyanyuk D. V.</i> Moscow's Territorial Expansion: a Development Strategy or an Unjustified Necessity?	53
Social Activity in Modern Russia	71
<i>Klimova S. G., Klimov I. A., Shcherbakova I. V.</i> Social Enterprise Communities	71
<i>Shcherbakova I. V.</i> Changes in Teamwork: Between Demand and Breakup	98
<i>Shlykova E. V.</i> Young People's Protest Potential in a High-Risk Environment: Case Study	117
On the Methodology of Scientific Researches	137
<i>Davydov D. A.</i> Is Social Capital Actually Capital? Thoughts on the Theory of Social Rent.....	137
Online application. <i>Krasin Yu. A.</i> The Breakthrough in the Era of the Reformation.....	154

И. А. Халий,
заместитель главного редактора
журнала «Вестник Института социологии»

Представляю номер

Тема номера «Развитие городов и социальные технологии» сегодня не слишком часто возникает в научном социологическом дискурсе. Как подчёркнуто в одной из статей этого выпуска журнала, экономическая и политическая проблематика перенесла на периферию общественного и исследовательского внимания все остальные аспекты. Однако в жизни любого сообщества качество среды проживания – один из важнейших вопросов, что свидетельствует о неизменной его актуальности. Помимо этого, подбор статей для размещения в данном номере осуществлялся по результатам XIV Дридзеvских чтений «Современные проблемы развития территориально-поселенческих объектов и социальные технологии». В связи с этим публикуется Предисловие к теме номера (Рабинович Е. И. «Вместо предисловия к теме номера. Прогнозное социальное проектирование»), которое содержит информацию о том, чему были посвящены чтения и какие теоретические подходы были базисом представленных докладов.

О теоретических подходах речь также идёт в первой статье рубрики (Шныренков Е. А. «Развитие городов на основе реализации интересов социальных групп»), в которой автор на исторических и современных примерах рассматривает процесс формирования городской среды как результат взаимодействия различных социальных групп, являющихся субъектами городской жизни.

Отдавая должное внимание современным подходам, в статье В. М. Капицына «Политика памяти и символичный дизайн в городе» используется визуальный анализ консолидирующих символов. Автор рассматривает политику памяти в городах с учётом различий жизненных сфер как универсальных структур жизнедеятельности сообществ, в которых индивидуальные и коллективные статусные знаки согласуются или расходятся, подчиняясь определённому ценностному коду.

Две последние статьи номера посвящены социальным проблемам градостроительства в Москве и особенно – расширению мегаполиса в виде формирования Новой Москвы. Э. О. Товмасьян в статье «Москве нужны полноценные социально-градостроительные обследования» доказывает, что принятие решений как в сферах экономической, так социальной и даже региональной политики, должно быть обусловлено

глубинными закономерностями урбанизации, проанализированными через своеобразную призму городской политики. [Богданов В. С.](#) и [Просьянюк Д. В.](#) в статье [«Территориальное расширение Москвы – стратегия развития или необоснованная необходимость?»](#) рассматривают проектные подходы и реальные проблемы сегодняшнего дня в ходе запланированного Правительством Москвы развития новых территорий.

Вторая рубрика данного выпуска [«Социальная активность в современной России»](#) включает в себя статьи, связанные с проявлением означенной активности как внутри трудовых коллективов, так и на уровне городского сообщества, как в связи с определённой профессиональной деятельностью, так и с актуальным сюжетом в городе или регионе, вызывающим протестную реакцию граждан. Формированию профессиональных сообществ посвящены две статьи, рассматривающие различные аспекты этого явления. Авторы статьи [«Сообщества социальных предприятий»](#) ([Климова С. Г.](#), [Климов И. А.](#), [Щербакова И. В.](#)) описывают сети, которые возникают вокруг социальных предприятий. Делается вывод, что кооперативная стратегия предполагает капитализацию сети – использование возможностей партнёра для достижения целей предприятия так, чтобы и партнёры получали свои выгоды от участия. Тему развивает статья [И. В. Щербаковой «Видоизменения коллективности: между востребованностью и распадом»](#), в которой на примере отношений в трудовом коллективе предприятия энергетической отрасли (Москва) анализируются изменения основных признаков коллективности на протяжении последних десятилетий. Показано, что правила взаимодействия непосредственных исполнителей работ с их руководством (менеджментом) подверглись наибольшей трансформации по сравнению с другими признаками коллективности. [Шлыкова Е. В.](#) в последней статье рубрики [«Потенциал протестной активности молодёжи в условиях риска: анализ случая»](#) предпринимает попытку расширить социологическое представление о риске как одном из факторов, формирующих протестный потенциал и способствующих протестной активности. Протестная активность интерпретируется с позиций социологии риска как ответ на неблагоприятное воздействие среды, проявление недостаточной защищённости от этого воздействия.

Завершает номер рубрика [«К методологии научных исследований»](#), в которой размещена статья нашего молодого коллеги из Екатеринбурга [Д. А. Давыдова «Всегда ли социальный капитал – капитал? К теории социальной ренты»](#). Автор подвергает анализу «человеческий капитал» как понятие современной социологии, пытаясь его уточнить и доказать недостаточную чёткость его интерпретации. Как сказал по поводу этой статьи один из наших рецензентов, на то они и молодые, чтобы без опасений критиковать авторитеты.

К 30-летию перестройки – событию, вызывающему сегодня неоднозначные оценки и в обществе, и в науке, в Онлайн приложении помещена статья [Ю. А. Красина «Прорыв – в эпоху реформации»](#).

Т е м а н о м е р а : Р а з в и т и е г о р о д о в и с о ц и а л ь н ы е т е х н о л о г и и

**Вместо предисловия к теме номера.
Прогнозное социальное
проектирование**

Рабинович Евгений Иосифович – старший
научный сотрудник, Институт социологии
Российской академии наук, Москва

E-mail: rabin@migmail.ru

Вместо предисловия к теме номера. Прогнозное социальное проектирование

Представленные в теме номера материалы составляют часть дискуссии, развернувшейся в октябре 2014 г. на XIV Дридзеvских чтениях, посвящённых 20-летию второго издания коллективной монографии «Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы» [Прогнозное социальное... 1994], подготовленного Межотраслевым научным коллективом под руководством Тамары Моисееvны Дридзе. В связи с таким посвящением и своеобразным юбилеем, юбилеем книги, хотелось бы вспомнить и сказать кое-что об особенностях этого издания и условиях, в которых оно создавалось.

Воспоминания пробуждаются уже от взгляда на титульный лист, на котором значится, что ответственный редактор монографии – доктор психологических наук и профессор социологии. Обычно ограничиваются в подобных случаях указанием учёной степени и наличием звания профессора, без уточнения специальности по профессуре.

Т. М. Дридзе, будучи социологом по сути, но по личностно-ситуационным обстоятельствам, то есть по внутриинститутской конъюнктуре, защищала докторскую диссертацию по дисциплине «психология» (специальность «социальная психология»). Сама же она постоянно подчёркивала, что она профессор социологии. Это обстоятельство характеризует обстановку, в которой приходилось работать и готовить книгу.

Второе издание выросло из первого [Прогнозное социальное... 1989]. По свидетельству работников издательства «Наука», выпускавшего книгу, это редкий случай, когда коллективная монография была повторно утверждена к печати Учёным советом института и выходила вторым изданием, получив при этом рекомендацию Государственного комитета РФ по высшему образованию в качестве учебного пособия по специальностям «социология» и «социальное управление». Каких трудов стоило редактору получить этот официальный гриф!

Чем же была вызвана необходимость второго издания всего через пять лет? Довольно небольшой срок.

Работа над первым изданием проходила ещё в условиях существования тоталитарного общества, хотя уже и находившегося в фазе упадка, деградации и экономического коллапса (шла «перестройка» – «косметический ремонт» режима), что имело первостепенное значение для исследования и решения проблем (развитие территориально-поселенческих объектов), которым была посвящена книга, и даже для их простого обсуждения, так как ещё существовала идеологическая цензура («Главлит»). Все суждения, оценки делались с оглядкой на этот охранительный «орган», а в каждом «идеологическом» институте (Институт социологии АН СССР считался сугубо идеологическим учреждением), существовал так называемый «первый» отдел, подчинявшийся КГБ, без визы которого ни одна бумага, предназначавшаяся для публикации, не могла выйти в свет. Первое издание начиналось с обязательной «молитвы», уже на первой странице текста [Прогнозное социальное... 1989: 3] содержалась цитата и ссылка на «сакральный текст»: «Материалы XIX конференции КПСС». Справедливости ради надо сказать, что в это время авторы и редактор старались уже по возможности избегать подобного рода «обоснования» мыслей, сказывалась утрата авторитета большевистско-советского варианта коммунистической идеологии. Но в начале и в конце труда подобные отсылки к «священным» текстам были ещё обязательны [Прогнозное социальное... 1989: 238–239, 246–247]. Во втором издании все эти материалы, цитаты, отсылки были удалены. Остальная часть текста сохранилась без изменений, была перепечатана слово в слово. В тексте Заключения вместо четырёх цитат и ссылок на Маркса и Горбачёва осталась одна (на Маркса). Весь остальной текст Заключения перепечатан без изменений. Из главы «Система «человек – жизненная среда» как объект социального воспроизводства» были убраны все цитаты, ссылки на Маркса и целые абзацы, в которых рассуждалось о «высшей цели социалистического общества», а «исходным пунктом анализа» становилась теперь не цитата из Маркса, а **«методологическая платформа прогнозного социального проектирования»** (... в соответствии с методологической платформой прогнозного социального проектирования... мы рассматриваем подход «от индивида» в качестве отправной точки при изучении социально-воспроизводственных процессов» [Прогнозное социальное... 1994: 64–65]). Прежде подобное «своеволие» рассматривалось бы как абсолютно недопустимая подмена, как идеологический «срыв». Очевидно, что все эти отсылки, «обоснования», цитаты, помещённые в первом издании, были следствием существовавшего общественно-политического режима, обосновывавшего своё существование апелляцией к марксизму-ленинизму.

Почему сейчас об этом? Нынешняя общественная ситуация, попытки вновь насадить общеобязательную идеологию, настойчиво предпринимаемые властью по разным

поводам и под разными предложениями, понуждают вспомнить об обстоятельствах двадцатипятилетней давности. Подобное «повторение пройденного» ни к чему хорошему привести не может.

Обстановка, в которой готовилось второе издание (начало 1990-х гг.), была радикально иной, изменился не только политический режим в стране, изменились социально-экономические условия, в которых теперь действовал «управленец», муниципальный работник, разрабатывавший и принимавший решения о развитии территориально-поселенческих объектов, складывалась рыночная экономика. Появился новый субъект социального действия – частный инвестор, существенно изменивший ситуацию на территории, условия существования территориально-поселенческих комплексов. Этим было вызвано появление во втором издании новой главы «Человек в реформируемой экономике», открывавшейся параграфом «На пути к подлинной рыночной реформе для человека». Стал слышен и становился всё более громким голос населения, не только выходявшего на общеполитические митинги и демонстрации, но всё громче заявлявшего о своих требованиях при решении местных, локальных вопросов; возникало местное внеадминистративное самоуправление. В книге появилась глава «Местное население как субъект социального участия». Пришлось существенно переработать некоторые, особенно методические, «технологические» главы (например, главу «Опрос в прогнозном социальном проектировании» и др.) Второе издание не просто «исправленное и дополненное» (стандартное выражение), но и «основательно переработанное» (с этих слов начинается Введение ко второму изданию).

Во втором издании в целом усилена методологическая и теоретическая направленность. Это видно уже из названий книг. Первое издание называлось «Прогнозное социальное проектирование: методологические и методические проблемы», оно более конкретное, с бóльшим количеством эмпирических материалов. Второе – «Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы» – с преобладанием методологии и обобщений, более отстранённое от конкретики. Сравнивая совпадающие по проблематике главы первого и второго изданий, можно текстуально проследить эти изменения (см., например, главу «Опрос в прогнозном социальном проектировании», особенно её параграфы «Технология опроса экспертов и должностных лиц» в первом издании [Прогнозное социальное... 1989: 77–86] и параграф «О технологии экспертных опросов» – во втором [Прогнозное социальное... 1994: 107–115]. В первом издании подробно излагалась организация и технология опросов должностных лиц и независимых экспертов,

во втором отмечалась только методологическая значимость экспертных опросов как способа получения информации. Исследования, проведенные за эти годы, позволили также проверить подходы и методику, показали необходимость уточнения некоторых положений.

Но основная направленность и особенность труда (обоих изданий), его «человекоориентированность» и комплексный подход к исследованию территориально-поселенческих объектов, сохранялись. В монографии были изложены концепция, методология и методика социально-диагностической работы на территории и примеры социально-проектных разработок; технология перехода от социальной диагностики к выработке социально приемлемых управленческих решений и прогнозу их последствий. К работе были привлечены исследователи разных специальностей: социологи, экономисты, архитекторы, урбанисты, специалисты по городской инфраструктуре и инженерным коммуникациям, экологи, психологи, праведы, специалисты по муниципальной администрации, по историческому и социокультурному краеведению, охране историко-культурного наследия. Вопросам исторического, социокультурного развития уделено значительное внимание. Была разработана методика исторического (историко-краеведческого) социокультурного исследования. Это объясняется, помимо комплексного характера труда, актуальными того времени. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. широко обсуждались вопросы исторической преемственности, проблема развития территории на современном уровне, с современной инфраструктурой и сохранение при этом памятников истории и культуры. Среди проблем, освещавшихся в книге (и в первом, и во втором изданиях), значительное место занимали организационно-методические вопросы: рассматривались особенности опроса населения и должностных лиц в исследованиях характера территориального развития, технология анализа документов и материалов местных СМИ на основе информативно-целевого анализа текстов (метод, ранее разработанный Т. М. Дридзе) и др.

Из комплексного подхода вырос затем ряд самостоятельных направлений исследований. Из изучения экологических вопросов – экоантропоцентрический подход к исследованию социальных проблем. Из проблемы муниципального администрирования – вопросы территориального (регионального и местного) управления и самоуправления, их истории.

Коллективный труд, юбилей которого отмечаем, был заметной вехой в развитии теории и обобщении практики прогнозного социального проектирования и предпроектной диагностики.

Библиографический список

Прогнозное социальное проектирование: Методологические и методические проблемы / Отв. ред. Т. М. Дридзе. М.: Наука, 1989. 255 с.

Прогнозное социальное проектирование: Теоретико-методологические и методические проблемы / Отв. ред. Т. М. Дридзе. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1994. 238 с.

Труды Тамары Моисеевны Дридзе: Реферативная библиография / Отв. ред. Е. М. Акимкин. М.: ИС РАН, 2005. 176 с.

Instead of Introduction to the Theme of the Issue. Forecasting Social Projection

Rabinovich Evgeniy Iosifovich

Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: rabin@migmail.ru

Abstract. Article is devoted to comparison of the first and second edition of the collective work «Forecasting Social Projection: Theoretical and Methodological Problems».

Keywords: forecasting social projection, methodology, political regime, economic conditions, «perestroika» (reorganization)

References

Prognoznoe social'noe proektirovanie: Metodologicheskie i metodicheskie problemy [Forecasting Social Projection: Theoretical and Methodological Problems]. Ed. by T. M. Dridze. Moscow, Nauka, 1989. 255 p.

Prognoznoe social'noe proektirovanie: Teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy [Forecasting Social Projection: Theoretical and Methodological Problems]. Ed. by T. M. Dridze. Second edition. Moscow, Nauka, 1994. 238 p.

Trudy Tamary Moiseevny Dridze. Referativnaja bibliografija [The Works of T. M. Dridze. Abstracts Bibliography]. Ed. by E. M. Akimkin. Moscow, IS RAN, 2005. 176 p.

Т е м а н о м е р а : Р а з в и т и е г о р о д о в и с о ц и а л ь н ы е т е х н о л о г и и

Р а з в и т и е г о р о д о в н а о с н о в е р е а л и з а ц и и и н т е р е с о в с о ц и а л ь н ы х г р у п п

Шныренков Евгений Анатольевич – доцент
кафедры социальных, психологических
и правовых коммуникаций МГСУ, Москва

E-mail: KafSPPK@mgsu.ru

Развитие городов на основе реализации интересов социальных групп

Аннотация

В статье на исторических и современных примерах рассматривается процесс формирования городской среды как результат взаимодействия различных социальных групп, являющихся субъектами городской жизни. Автор статьи предлагает классифицировать субъекты городской жизни как агентов первой или второй категории. Агенты городской жизни первой категории оказывают непосредственное влияние на формирование городской застройки, развитие инженерной инфраструктуры и социальной структуры городского населения. Агенты второй категории – это горожане, различные социальные группы и общественные объединения, заинтересованные в определённом развитии городской среды для удовлетворения своих потребностей. Агенты второй категории могут оказывать опосредованное воздействие на развитие городской среды через демократические механизмы формирования органов представительной власти, либо через систему слушаний и референдумов. Несмотря на то, что интересы агентов первой и второй категории могут носить противоречивый характер, представители социальных групп и высших органов государственной власти, относящихся к агентам первой категории, вынуждены учитывать в своей деятельности интересы тех, кого автор статьи считает возможным отнести к агентам городской жизни второй категории. В статье приводятся примеры, как на протяжении практически всей истории существования городов агенты первой категории, используя контролируемые ими различные материальные ресурсы, создавали значительные градостроительные и инженерные объекты, удовлетворяющие потребности жителей городов в различных материальных и социальных благах. Произошедшие в XX столетии изменения в понимании роли государства в удовлетворении социальных потребностей населения, в совокупности с преобразованиями в политических системах, определили новые способы реализации функционального предназначения городской среды. Процессы урбанизации, происходившие в XX столетии, привели к появлению новых возможностей и потребностей городских жителей, учёт и реализация которых является в современных условиях способом разрешения противоречия между жизненными интересами миллионов граждан и экономическими интересами государственной и городской элиты. Результатом разрешения данного противоречия является социальный мир и возможность дальнейшего экономического, культурного социального и политического развития.

Ключевые слова: формирование городской среды, социальные потребности, социальные функции государства, социальные функции города, городская структура, городская застройка, архитектурно-планировочные решения, городское население

В XX веке процесс урбанизации охватил все страны, особенно индустриально развитые, и это привело к тому, что большинство населения земного шара сосредоточилось в городских поселениях. Ракеш Мохан, заместитель управляющего Резервным банком Индии, в своей статье «Урбанизация и глобализация в XXI веке» пишет о том, что «...темпы урбанизации в XX веке были беспрецедентными, и можно лишь удивляться, что мир оказался в состоянии с этим совладать. В первой половине XX столетия общий прирост городского населения в мире составил 500 миллионов. В течение последующих 50 лет – с 1950 по 2000 г. – число жителей городских районов выросло уже на 2,1 миллиарда» [Мохан 2009]. В настоящее время численность городского и сельского населения в развитых странах стабилизировалось и с небольшими изменениями варьируется в соотношении 80 и 20%. В XXI веке основной прирост городского населения ожидается в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки [Мохан 2009].

Наиболее привлекательными и благополучными для жизни являются города, обратившие в середине XX столетия первостепенное внимание на интересы и потребности горожан в плане создания комфортной среды жизнедеятельности. По данным анализа Глобального индекса благоустроенности городов, опубликованного в журнале «World Review of Science, Technology and Sustainable Development», рейтинг из 64 обследованных городов мира возглавили Женева, Цюрих, Сингапур, Копенгаген, Хельсинки, Люксембург, Стокгольм, Берлин, Гонконг и Окленд. Москва заняла 62-е место в рейтинге, а на последнем месте оказался индонезийский город Джакарта [Giar, Thye, Aw 2014].

Город обладает определёнными функциями и способами их реализации. Являясь сложным конгломератом инженерных, архитектурно-пространственных и социальных решений в концентрированном виде, он отражает в своей структуре стихийность и осознанность подходов в формировании городской среды. Мы сознательно не будем использовать понятие «целенаправленность» применительно к процессу формирования городской среды, так как любой процесс, имплицитный городской среде, будет направлен на достижение определённой экономической или социальной цели. Насколько данная цель соответствует объективным условиям развития города или же она отражает чьи-либо субъективные интересы – отдельных социальных групп или конкретных индивидов – будет определять стихийность или осознанность в формировании городской среды. Стихийность и осознанность – два основных вектора формирования городской среды. Каждый из векторов связан с определёнными функциями города и возможностью их реализации в конкретных исторических и материальных условиях.

Формирование городской среды – многоплановый процесс, который, с одной стороны, определяется потребностями индивидов, социальных групп и социальных институтов, с другой – необходимостью использования оптимальных способов реализации функций городской среды, отражающих эти потребности. Говоря о различных социальных субъектах, интересы которых оказывают влияние на формирование городской среды, предполагаем, что будет целесообразно применительно к ним ввести понятие агентов городской среды. Попробуем поделить их на две категории. К первой категории будут отнесены агенты, непосредственно влияющие на формирование городской среды. Ими станут политические и социальные институты, социальные группы и отдельные личности, принимающие решения, реализация которых связана с изменением архитектурно-планировочной составляющей городской среды или приводит к изменению её функций. Иными словами, к агентам первой категории можно отнести государство, церковь, политическую и экономическую элиту, непосредственно связанную с городом, представительные и исполнительные органы городской власти. Агенты второй категории – большинство горожан и многообразные социальные группы, заинтересованные в создании условий для удовлетворения своих различных социальных, экономических, культурных и иных потребностей. Они не принимают непосредственного участия в формировании городской среды. Агенты второй категории для реализации своих потребностей и интересов делегируют властные полномочия определённым институтам, используя современные механизмы формирования органов представительной власти.

В данном контексте возникает вопрос: к какой категории агентов городской среды можно отнести различные проектные институты, архитектурные бюро, строительные фирмы? Наверное, на этот вопрос можно ответить, исходя из целей и задач, которые они ставят перед собой и реализуют в процессе своей деятельности. Профессиональные организации, которые являются всего лишь средством для реализации решений, принимаемых органами городской представительной и исполнительной власти, будут относиться к агентам второй категории. Различные строительные и проектные организации, девелоперские фирмы, чья деятельность направлена на достижение и реализацию собственных целей и задач (что часто происходит в ущерб интересам развития городской среды), будут отнесены к агентам первой категории.

Необходимо отметить, что статья посвящена анализу социально-политических аспектов формирования городской среды и её функционирования и не ставит своей задачей изложение инженерно-технических решений и подходов, обеспечивающих реализацию конкретных функций, присущих городу,

Формирование городской среды – многоплановый процесс, который, с одной стороны, определяется потребностями индивидов, социальных групп и социальных институтов, с другой – необходимостью использования оптимальных способов реализации функций городской среды, отражающих эти потребности.

за исключением тех, которые по своей сущности имеют двойственный характер. К таким решениям мы будем относить те инженерно-технические и архитектурно-пространственные разработки, через которые реализуются основные функции городской среды и которые определяют сложную социальную структуру города.

Как происходило становление в различные исторические периоды функций государства по созданию городской среды, и какими предпосылками была вызвана данная потребность? Каковой была степень влияния светской и религиозной власти на процесс развития городов? Как соотносились интересы власти и горожан? В чём проявлялись элементы стихийности и плановости в формировании городской среды? Обращение к истории поможет не только изучить историю развития городской среды, но и окажет практическую помощь в обогащении опытом регулирования городских процессов.

Практически на протяжении всей истории существования городов активно формируются органы городского самоуправления. Даже в столичных городах, где постоянно присутствуют представители высшей государственной власти, пробивали себе дорогу инициативы горожан. И в столичных, и в провинциальных городах население имело автономные по отношению к центральной власти интересы, связанные с возможностью получать определённый доход от ремесла и торговли или обеспечения и создания условий для повседневной жизни. В зависимости от исторического периода функции местного самоуправления могли расширяться или ограничиваться минимальным набором решаемых ими задач. Однако выполнение подобных функций всегда находилось в прямой зависимости от материальных и финансовых средств, которыми данные органы городского самоуправления обладали, и от активности самих горожан, от степени их вовлечённости в работу органов городского самоуправления. Основные функции, которые возлагались на органы местного самоуправления или на горожан в виде повинностей или подряда, были связаны с поддержанием определённого санитарного состояния городской среды и с ремонтом городской крепостной стены. М. Вебер, анализируя формирование города как самостоятельной административной и политической единицы, отражающей интересы горожан как единой общины, пишет, что такими признаками обладали лишь города античности и средневекового Запада [Вебер 1994]. Несмотря на то, что античные и средневековые города Европы представляли собой «общественную организацию официального характера, обладающую особыми органами», местное самоуправление в течение долгого исторического периода оказывало лишь незначительное влияние на формирование городской среды [Вебер 1994]. Городская община, имея определённое имущество, которым

располагались органы городского самоуправления, не имела достаточных финансовых средств, чтобы влиять на формирование городской застройки. Правильнее было бы говорить о поддержании местным самоуправлением определённого уровня состояния городского пространства. Значительную роль в формировании городской среды играли социальные группы, объединённые по профессиональным признакам: гильдии, касты, сословия. Обособленная зона расселения внутри городского пространства, наличие в ней наряду с жилой застройкой строений, необходимых для осуществления ремесленной или иной хозяйственной деятельности, формировало особый облик тех городских районов, а в России – слобод, где проживали представители соответствующих гильдий или сословий.

Древние города имели не только внешние признаки, отличавшие их от крестьянских поселений, но и ряд функций, находивших своё отражение в архитектурно-планировочном решении города. Появление этих функций было обусловлено, в большей мере, спецификой государственной жизни, чем городской.

Что же можно отнести к визуальным и функциональным признакам древних городов? Наличие определённого административного центра, зависящего от формы правления, существующей в данное историческое время. Царский дворец, здание сената составляли не только сердцевину политической жизни государства, но и являлись архитектурным центром города. Наличие же городского административного центра, самостоятельно выполняющего функции организации внутренней жизни города, связано с появлением древнегреческих городов-государств. Однако власть в таких городах позиционировала себя в первую очередь как государственную, и только во вторую очередь, как городскую, и в том объёме, насколько это было необходимо для нормального функционирования города-государства. Сохранение политического суверенитета, обеспечивающего независимость власти, достигалось в городах-государствах через создание условий для проживания горожан-граждан, на чью поддержку в случае внешнего или внутреннего военного конфликта рассчитывали политики.

Функции архитектурного центра города выполняли также и религиозные сооружения. Храм являлся если не равным, то вторым по значимости городским объектом и как архитектурное сооружение, и как социальный институт после дворца – центра общегосударственной политической власти. В городах, не являвшихся столицами государства, храм чаще оказывался господствующим в архитектурном и в политико-экономическом смысле. Конечно, речь идёт о крупных культурных центрах, имевших общегосударственное значение. Сама религиозная жизнь, за исключением разве что иудаизма, для формирования религиозного мировоззрения и поддержания

религиозной веры предполагает наличие множества крупных религиозных центров, что естественным образом приводит к её укреплению. В то же время центральная политическая власть, стремясь сохранить своё господствующее положение, никогда не допустит наличие иных политических центров, равных ей по своему уровню и влиянию. На протяжении всей человеческой истории, особенно в обширных империях, до появления средств связи по необходимости существовали многочисленные места постоянного или временного пребывания носителей высшей власти (царские дворцы, резиденции) и их официальных представителей. Эти места приобретали особое значение в момент физического присутствия в них правителей или их представителей. Таким образом, храм как центр религиозной жизни в большинстве древних, и как показывает история, не очень древних городов, становился архитектурным центром города.

Следующим признаком древнего города, непосредственно связанным с его архитектурно-планировочным развитием, можно считать пространство, формирующееся около дворца или храма. Застройка в этой зоне проводилась в соответствии с принципами социальной иерархии. Высокопоставленные чиновники и военачальники, самые богатые купцы строили своё жильё возле центра по высочайшему соизволению. Вокруг этой зоны строили свои дома и служилые люди, ремесленники, средние и мелкие торговцы. Застройка в этих зонах могла осуществляться как стихийно, так и на основе регулярного, чаще всего прямоугольного плана. Качество возводимых домов и их месторасположение напрямую зависели от статуса человека. Чем выше статус, тем ближе к дворцу строился дом. В такой городской застройке отражалась социальная структура общества.

От внешних угроз город защищала крепостная стена, возведение которой было одной из функций центральной власти. С внешней стороны крепостной стены селилась беднота и крестьяне, которые могли в случае военной опасности укрыться за оборонительными сооружениями города. Например, строительство новой крепостной стены вокруг Киева в период правления Ярослава Мудрого и строительство Московского Кремля при Дмитрии Донском и Иване III.

Наряду с внешними, архитектурно-планировочными признаками у древних городов появились и социальные признаки, многие из которых продолжают сохраняться и по настоящее время. Это более высокая плотность населения, усиление административных и религиозных функций, концентрация в городах различных видов ремесленного, позже промышленного производства. Образуется многочисленный социальный слой, чья деятельность напрямую не связана с созданием материальных благ, а носит в зависимости от выполняемых

им обязанностей административный, военный, религиозно-культурный и научный характер. Необходимо отметить, что появление социальных групп, имеющих вышеотмеченные признаки, стало возможным только благодаря повышению производительности труда в сельском хозяйстве. Подтолкнув к появлению новой формы организации селитебного пространства, сельское население спустя почти пять тысячелетий стало активно переселяться в города, порождая своим массовым притоком новые функции городской среды.

Сами внешние признаки первых городов тесным образом связаны с их функциями, в первую очередь военными и административными. В крупных городах располагались властные и судебные органы, и древний город воспринимался населением как хорошо защищённая территория постоянного пребывания представителей власти различного уровня, которые поддерживали условия, необходимые для нормальной жизни.

По отношению к городской среде носители верховной власти выступают агентами первой категории. Формирование городской среды уже в древние времена становится важнейшей функцией государственной власти. Городская среда, обладающая необходимыми характеристиками, обеспечивает авторитет и суверенитет власти, её способность противостоять внешним угрозам. Поэтому носители верховной власти уже в древности добровольно принимают на себя обязательства по формированию определённой городской среды, придавая ей заданные функции. Рациональная цель носителей власти, выражающаяся в самосохранении и поддержании собственного авторитета, порождает с появлением городов новую функцию власти, а именно функцию по формированию городской среды, которая включает в себя архитектурно-планировочные решения и создание определённой социальной структуры.

Формирование городской среды как функция государственной власти уже в историческом аспекте соотносится с социально-философским понятием функции. «Функция» в социологии – это роль, которую определённый социальный институт (или частный социальный процесс) выполняет относительно потребностей общественной системы более высокого уровня организации или интересов составляющих её классов, социальных групп и индивидов [Философский энциклопедический словарь 1989].

Государство, формируя городскую среду, создаёт некую политическую и социальную стабильность, обуславливает и обеспечивает своё собственное существование, а также функционирование социальных институтов семьи, религии, экономики, права, поддерживающих биологическое и социальное воспроизводство населения. Город, благодаря активному вмешательству государства в лице верховной власти, становится носителем определённых функций: административно-полити-

Формирование городской среды уже в древние времена становится важнейшей функцией государственной власти. Городская среда, обладающая необходимыми характеристиками, обеспечивает авторитет и суверенитет власти, её способность противостоять внешним угрозам.

ческой, военной, культовой. Социальная структура государства находит в городской структуре своё внешнее, материальное проявление.

Следующим этапом в становлении функции государства по формированию городской среды является создание инженерных коммуникаций и возведение различных построек, обеспечивающих нужды городского населения. Города Древнего Египта и греко-эллинистического мира обладали как системой доставки чистой воды, так и системой стоков для сбора нечистот. Многотысячные города Римской империи для обеспечения своего существования требуют новых инженерных решений. Используя опыт и знания, полученные от более ранней греко-эллинистической цивилизации, Рим создаёт наиболее совершенные и развитые на тот исторический период системы водопроводов и канализации [Николаев 2011]. Затраты на сооружение водопровода, канализации, общественных бань, административных зданий порой были настолько велики, что их строительство принимает на себя государственная власть. Занимаясь подобными стройками, власть решала одновременно несколько актуальных для себя задач, которые теснейшим образом были переплетены между собой. Понимая, что одной лишь статуи на форуме недостаточно не только для создания нормальных условий жизни в городе, но и для приобретения популярности среди различных слоёв населения, власть занимается обеспечением наиболее насущных потребностей горожан. Рост городов Рима республиканского и имперского периодов ставит на первый план проблему обеспечения людей жильём. Жилые строения в крупных городах эволюционируют от домов деревенского типа до многоквартирных инсул.

Стихийная застройка затрагивала большую часть территории городов античности и средневековья. Только центральная часть города, где располагались административные здания и жильё знати, застраивалась на основе правовых норм, регулирующих планировку застройки, также определялось и месторасположение того или иного объекта относительно императорского дворца или княжеского подворья. Спустя практически два с половиной тысячелетия стихийная застройка остаётся проблемой для многих современных городов. Стихийно возникшие фавелы Рио-де-Жанейро, трущобы Бомбея и Калькутты, окраины Каира – современное пристанище многих миллионов людей, готовых жить в антисанитарных условиях в надежде на лучшую долю. Даже в благополучной Европе в странах бывшей Югославии, в Албании, Греции и Португалии сохраняется традиция стихийного строительства жилья на окраинах городов. В восьмидесятых годах прошлого столетия в Риме и Мадриде были проведены различные акции по интегрированию жителей стихийно возникших окраинных

районов как в правовую среду, так и в городскую инфраструктуру [Самовольно возведённые... 2009]. Власти развивающихся стран, обладая меньшими финансовыми ресурсами и большим количеством людей, проживающих в зонах стихийной застройки, не могут себе позволить даже строительство водопровода и канализации в таких районах с целью создания приемлемых санитарных условий для их жителей.

Формирование городской среды с учётом социальных потребностей населения и преодоления социального неравенства – такие задачи большинство государств Европы и Северной Америки начинает решать только в XX столетии. На волне экономического роста, последовавшего за окончанием Второй мировой войны, население этих стран стало отстаивать не только свои экономические, но и социальные права, используя для этого как легальные механизмы формирования высших и местных органов представительной власти, так и формы протеста, основанные на насилии. Имея перед собой как собственный исторический опыт борьбы различных классов и социальных групп за свои права, так и опыт Советского Союза, экономические и политические элиты экономически развитых стран Запада пошли на определённые уступки своему населению, активно используя для сохранения своего господствующего положения идею социального партнёрства и социального государства. В лице государства они добровольно приняли на себя определённые обязательства по созданию для большинства населения равных условий в сфере социальной защищённости и возможности вертикальной социальной мобильности.

Понеся некоторые материальные затраты, связанные с созданием социального государства, правящие и экономические элиты смогли из этой модели взаимоотношения человека, бизнеса и государства получить максимально положительные эффекты. Первым таким эффектом можно назвать создание не только стабильной, но и привлекательной политической, социальной и экономической системы, что обеспечило устойчивое положение соответствующих элит. Если не брать во внимание имевшие место в отдельных странах Европы некоторые акции протеста, которые были направлены не столько на изменение политического режима, сколько на замену конкретных политических лидеров и правящих партий, а также на отстаивание социальных и экономических прав, то вся вторая половина XX столетия, по сравнению с его же первой четвертью, – период спокойного и стабильного развития этих государств.

Вторым эффектом можно считать формирование социально мобильного населения, готового активно конкурировать на рынке рабочей силы в различных отраслях экономики.

Третий эффект – создание системы социальных гарантий для населения этих стран.

Городскую среду во второй половине XX века можно рассматривать как социальный институт, позволяющий человеку удовлетворить свои социальные потребности. Являясь местом проживания большого количества людей, город представляет территорию концентрированного сосредоточения разнообразных рабочих мест, культурных, образовательных, медицинских и административных учреждений повседневно удовлетворяющих различные потребности человека. Испытав значительный рост на протяжении всего прошедшего столетия, городская среда в настоящее время – это уникальный синтез противоречивых интересов различных социальных групп, с одной стороны, и возможностей строительной отрасли, с другой.

Принципиально новыми направлениями в развитии городской среды во второй половине XX века стали:

- обеспечение возможностей вертикальной и горизонтальной социальной мобильности населения;
- создание условий равного пользования городской территорией для представителей различных социальных слоёв городского населения;
- создание условий равного пользования для представителей различных социальных слоёв городского населения основными элементами городского образа жизни, как водопровод, канализация, общественный транспорт, энергоресурсы;
- создание условий равного доступа для представителей различных социальных слоёв городского населения к учреждениям и организациям для удовлетворения своих потребностей;
- создание зон рекреации;
- создание «дружественной» среды для людей с ограниченными физическими возможностями.

Все эти направления вытекают из главного принципа социального государства – создание условий достойной жизни для всех слоёв населения и признание равного достоинства всех граждан.

В ближайшем будущем 60% населения Земли будет проживать в городах. Современный уровень проживания в городе и определённое социальное качество не могут возникнуть стихийно. Строительство инженерных и транспортных коммуникаций, создание благоприятной социальной среды, обеспечивающей личное и социальное развитие каждого, возможно только при наличии активной позиции государства как социального и правового института, обладающего уровнем юридических и экономических ресурсов, сопоставимым с масштабом существующей проблемы.

Учитывая то количество населения, которое проживает и будет проживать в городах, государство как первичный агент формирования городской среды будет вынуждено взять на себя

Городская среда в настоящее время – это уникальный синтез противоречивых интересов различных социальных групп, с одной стороны, и возможностей строительной отрасли, с другой.

Строительство инженерных и транспортных коммуникаций, создание благоприятной социальной среды, обеспечивающей личное и социальное развитие каждого, возможно только при наличии активной позиции государства как социального и правового института, обладающего уровнем юридических и экономических ресурсов, сопоставимым с масштабом существующей проблемы.

функцию по координации действий иных первичных агентов, а при возникающей необходимости прибегнуть к более жёстким формам контроля их действий по формированию городской среды. Главное противоречие, которое необходимо будет разрешить государству в процессе формирования городской среды – это противоречие между жизненными интересами миллионов граждан и экономическими интересами государственной и городской элиты, рассматривающей городскую среду как источник доходов.

Библиографический список

Вебер М. 1994. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем. М.: Юрист. 334 с.

Мохан Р. 2009. Урбанизация и глобализация в XXI веке // Мир городов. № 1. С. 5–7.

Николаев И. С. 2011. Акведуки античного Рима. М.: Принт-Сервис. 508 с.

Самовольно возведённые города ООН. Нью-Йорк и Женева, 2009. 120 с.

Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.

Giap T. K., Thye W. W., Aw G. 2014. A new approach to measuring the liveability of cities: the Global Liveable Cities Index // World Review of Science, Technology and Sustainable Development. Vol. 11, № 2. P. 176–196. URL: http://www.eurekalert.org/pub_releases/2014-11/ip-hla110514.php [Дата посещения: 14.12. 2014].

Meeting the Interests of Various Social Groups as a Basis for Urban Development

Shnyirenkov Evgeniy Anatolevich

Docent of social, psychological, legal, communications of Moscow State University of Civil Engineering (MGSU), Moscow. E-mail: KafSPPK@mgsu.ru

Abstract. The article reviews various historical and contemporary examples of creating an urban environment through interaction between various social groups that make up the urban community. We propose a division of social agents into two categories. Agents of the first category influence the urban environment directly, by overseeing housing construction, the development of the utility infrastructure, and the improvement of the urban community's social structure. Agents of the second category are individuals, social groups, and social organizations, which are interested in seeing the urban environment development in a particular way that fulfills their needs. These agents may shape the urban environment indirectly, through the democratic election of representative government bodies, or through a system of hearings and referenda. These two categories may have contradictory interests, but in spite of this, the representatives of social groups and high authorities (i.e. entities of the first category) are compelled to bear in mind the interests of those entities which, following the provisions of this article, may be included in the second category. The examples studied in this research reveal that, almost since the very emergence of the first cities, entities of the first

category have been using the various material resources under their control to develop housing and utility projects that help meet the communities' need for material goods and social well-being. The 20th century saw a dramatic shift in the perception of the government's role in handling the population's social needs; this shift, together with the transformation of the political systems, gave rise to new means of orchestrating the proper functioning of the urban environment. The 20th-century urbanization created new opportunities for people who live in cities, which also led to the emergence of new needs, and accounting for and addressing these needs is today's main strategy when it comes to bridging the gap between the survival needs of millions of ordinary members of urban communities and the economic interests of the national and local elite. Doing so contributes to a peaceful social environment and makes it possible for the community to keep developing economically, culturally, socially, and politically.

Keywords. City environment formation, social needs, social functions of the city, city structure, urban development, architectural and space planning, city population.

References

Filosofskij jenciklopedicheski slovar' [Encyclopedic dictionary of philosophy]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija, 1989. 815 p.

Giap T. K., Thye W. W., Aw G. A new approach to measuring the liveability of cities: the Global Liveable Cities Index. *World Review of Science, Technology and Sustainable Development*, 2014, vol. 11, no 2, pp. 176–196. URL: http://www.eurekalert.org/pub_releases/2014-11/ip-hla110514.php. [date of visit 14.12. 2014].

Mohan R. Urbanizacija i globalizacija v XXI veke [Urbanization and globalization in XXI century]. *World of the cities*, 2009, no 1, pp. 5–7.

Nikolaew I. Akveduki antichnogo Rima [The aqueducts of ancient Rome]. Moscow, Print-Servis, 2011. 508 p.

Samovol'no vozvedionnye goroda [Illegally Constructed Cities]. New York – Geneve. OUN, 2009. 120 p.

Veber M. Gorod. Veber M. Izbrannoe. Obraz obschestva. Transl. from German. Moscow, Jurist, 1994. 334 p.

Т е м а н о м е р а : Р а з в и т и е г о р о д о в и с о ц и а л ь н ы е т е х н о л о г и и

П о л и т и к а п а м я т и и с и м в о л ь н ы й д и з а й н в г о р о д е

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва

E-mail: kapizin@yandex.ru

Политика памяти и символьный дизайн в городе

Аннотация

Автор, используя визуальный анализ консолидирующих символов, рассматривает политику памяти в городах с учётом различий жизненных сфер как универсальных структур жизнедеятельности с определённым набором благ («нормой»), в которых индивидуальные и коллективные статусные знаки согласуются или расходятся, подчиняясь определённому ценностному коду. Среди таких жизненных сфер были выделены: *территориально-пространственная*, в которой порождаются знаки ландшафта, климата, окружающей среды, путей сообщения, планировки улиц; *естественно-антропологическая* со знаками социально-демографических состояний – быта, здоровья, детства, отрочества, зрелости, старости, феминности, маскулинности; *духовно-культурная*, формирующая знаки, включающиеся в мифы, верования, этические кодексы сообществ, т. е. в местный духовный нарратив, а также *агентно-профессиональная* со знаками самобытных достижений (местных народных промыслов, профессий, экономики). Полевой визуальный анализ символьного дизайна проводился в Воронеже, Ростове-на-Дону, Щёлково, Дубне, Мытищах, а дистанционный визуальный – в Екатеринбурге, Волгограде, Норильске, Златоусте. Значимый материал был получен в результате изучения зарубежных исследований о Будапеште, Кёльне, Харькове, Львове и некоторых других городов. Полезно в плане визуального анализа было исследование о городах Нижегородской области. Для обоснования суждений и выводов автора активно используется кейс-стади Магнитогорска. В работе показано, что особенности семиотики поселений определяются доминированием кодов одной из жизненных сфер. Формирование устойчивой доминанты промышленной деятельности большинства жителей в конкретном поселении вело к созданию индустриального центра, в том числе моногорода, где доминировали знаки агентно-профессиональной сферы. Соответственно в памяти жителей промышленных городов доминировали индустриализированные символы, соединявшие прошлое с будущим. Всё это пришло в противоречие с коммерциализированными символами настоящего. Как показало исследование, индустриализированные символы, благодаря политике памяти и символьному дизайну, могут консолидировать горожан и ориентировать на развитие. Политика памяти должна предотвращать политизацию символов, ведущую к «переполнению» политической жизни. Важно также обратить внимание на производство новых консолидирующих символов.

Ключевые слова: визуальный анализ, индустриализированные символы, политика памяти, символьный дизайн, промышленный город

Социальные изменения в ряде стран сопровождались событиями, усиливающими «турбулентность» исторической памяти. Порой изменения символов происходят, когда их диктует стихия, но чаще они проходят в рамках политики, которую называют политикой памяти.

Статья посвящена изучению формирования визуальных порядков в городе под влиянием политики памяти. Основной метод исследования – визуализация, реализуемая с помощью наблюдения и методик городских карт памяти. Изучение ландшафтного текста (полевой анализ, дистанционный анализ фото-видео-материала) подкрепляется интерпретацией неландшафтного текста города (анализ документов, ивент-анализ политики, контент-анализ прессы, ТВ и сайтов). Из объёма понятия «город» выделены промышленные города, в том числе моногорода, где фокусирование социальных ожиданий сильнее, чем в других поселениях.

Основная гипотеза. Политика памяти даёт общую канву ценностной интерпретации городских символов и идентичности горожан. Символьный дизайн влияет на оформление городского ландшафтного текста. У жителей российских промышленных городов в памяти доминировали индустриализированные символы, соединявшие прошлое с будущим – своеобразные «символические контейнеры» социальной идентификации. Индустриализированные символы прошлого необходимо использовать для консолидации горожан. Автор проводил полевой визуальный анализ символьного дизайна в Магнитогорске, Воронеже, Ростове-на-Дону, Щёлково, Дубне, Мытищах, а также дистанционный визуальный анализ (Екатеринбург, Волгоград, Норильск, Златоуст). Значимый материал дают зарубежные исследования Будапешта, Кёльна, Харькова, Львова и некоторых других городов. Полезно в плане визуального анализа исследование о городах Нижегородской области [Подъячев 2013].

Теоретические подходы

Я. Ассман считает, что память, передаваясь из поколения в поколение, удерживает наиболее значимое прошлое, которое становится «обосновывающей историей», более устойчивой в ментальном отношении, чем историческое знание, легко используемое для делегитимации отношения к прошлому. Он говорит о «каноне верного воспроизведения» текста, благодаря чему создаётся «обосновывающая история», «идентификационная символика», формируется политическая (городская или национальная) идентичность [Ассман 2004: 113, 183]. А. Миллер определяет «политику памяти» как различные общественные практики и нормы, связанные с регулированием коллективной памяти [Миллер 2008].

У жителей российских промышленных городов в памяти доминировали индустриализированные символы, соединявшие прошлое с будущим – своеобразные «символические контейнеры» социальной идентификации.

Особенно это актуально в обществах транзита, где затруднено понимание коммуникативной природы города, усиливается противоречие преемственности и разрыва легитимности. Смягчение этого противоречия достигается символьным оформлением памяти (символьным дизайном), направленным на консолидацию общих смыслов. Н. Луман отмечает значение «баланса» в восприятии постоянства и изменения при формировании памяти, способной тестировать новое на предмет его консистенции с конструируемой реальностью в процессе забвения и воспоминания [Луман 2005: 196–197]. Память выступает как комплекс коммуникативных структур, синхронизирующих социальные ожидания (структурные образцы смыслового фокусирования социальных ожиданий). Такой комплекс поддерживается символьным дизайном, создающим для трансляции политики памяти «символический контейнер» социальной идентификации [Завершинский 2012: 152, 158] или, другими словами, ряд *символьных комплексов*.

Политика памяти в городе – это деятельность городского сообщества под руководством муниципальной власти по формированию и использованию механизма «обоснования» памяти горожан и коммеморации. Д. Шерман видит в коммеморации дискурсы и практики репрезентации событий, способствующие солидаризации сообщества [Sherman 1999: 7]. «Символьный дизайн» означает совокупность методических приёмов, позволяющих прояснять и формировать городской визуальный порядок. По мнению Дж. Джекобс, такой дизайн означает «сшивание» мелких визуальных фрагментов в общую ткань городского использования, настолько непрерывную и единую, насколько возможно» [Джекобс 2011: 400]. Символьный дизайн города влияет на размещение и интерпретацию мест памяти в символьных комплексах таким образом, чтобы легитимировать (делегитимировать) память о прошлом для настоящего и будущего.

Так, к политике памяти относится позиционирование относительно архитектурно-планировочного скульптурного, топонимического, мемориального наследия города. А символьный дизайн – способы встраивания интерпретаций наследия в общий символьный облик города. Например, в Эстонии запретительное отношение к советским символам – это содержание и направленность политики памяти, а в качестве акта символьного дизайна выступил перенос монумента «Бронзовый солдат» из центра города на кладбище. М. Надкарни описывает локализацию стоявших ранее на площадях и улицах сорока скульптурных памятников без постаментов и табличек в небольшом парке [Надкарни 2014]. При переименовании улиц в Будапеште на вывеске старое название оставалось вместе с новым, но перечёркивалось [Moog 2013]. А в Воронеже ряд улиц носит двойные названия (советские, а под ними воз-

Политика памяти в городе – это деятельность городского сообщества под руководством муниципальной власти по формированию и использованию механизма «обоснования» памяти горожан и коммеморации.

Символьный дизайн – способы встраивания интерпретаций наследия в общий символьный облик города.

вращённые досоветские). Интересные идеи и практики связи политики памяти и символического дизайна реализовывались в проектах И. Склокиной в Харькове, В. Середы во Львове, разработке средового музея города-завода в Ижевске.

Т. М. Дридзе представляет городское пространство как текст (совокупность знаков), осмысленное послание, предполагающее осмысленное восприятие. Знаки не только «замечают» реальные объекты, но и задают программу деятельности и поведения истолкователям послания [Дридзе 1995: 334–335]. Эффективность такого представления зависит от политики памяти, которая проводится благодаря символам, понимаемым и как визуальные, и как действия. Благодаря символам обеспечивается идентификация и стабильная идентичность в политике.

В основе становления и воспроизводства городской символики лежат знаки повседневной жизнедеятельности; при соответствующей интерпретации они могут стать символами изоморфных практик, входящих в определённые символические комплексы. Интересен семиозис советского промышленного города, а тем более моногорода, определявшийся идеологизацией символических комплексов героического прошлого и настоящего. На восприятие, интерпретацию жителями символов («текста») индустриального пространства влиял семиотический механизм, включавший в себя повседневный поселенческий уровень. Ведь именно в жизни горожан находятся исходные топоры индустриальности (на уровне поселения, быта, духовной практики, труда, производства и распределения благ). Это – источник происхождения смыслов, связывающих прошлое, настоящее, будущее. М. Эдельман отмечал, что «главные ключи к символической силе правительственных действий находятся в повседневной общественной и частной деятельности, а не в экзотических и церемониальных актах государства» [Edelman 1990: 17].

В *основных жизненных сферах* возникают индивидуальные и групповые статусные знаки «нормальной жизни», интерпретация которых у горожан сходится относительно определённого набора благ. Это – основа общих коллективных смыслов, кодируемых в индустриализированных символах, консолидирующих горожан. Например, в моногороде, где всё население зависит от одного-двух предприятий, последние уже в силу этого становятся экзистенциальными символами, историей и святыней для горожан.

Поэтому влияние политики памяти по необходимости зависит от воспроизводства «нормальной» жизни, помогает совмещать повседневность с политической жизнью за счёт набора символических образцов, т. е. планомерно выводить сознание людей за пределы повседневности, в область политической жизни. Политическая жизнь – «накопитель» консолидирую-

Влияние политики памяти по необходимости зависит от воспроизводства «нормальной» жизни, помогает совмещать повседневность с политической жизнью за счёт набора символических образцов, т. е. планомерно выводить сознание людей за пределы повседневности, в область политической жизни.

щих и дифференцирующих символьных образцов, действий общественности, которая и отграничивает повседневность от государственной политики, и «посредничает» между ними. Попадая в эту область, символьные образцы повседневности политизируются в соответствии с политикой памяти. Так, в Кёльне в 2014 г. разгорелись конфликты, когда местные мусульмане решили строить минареты выше, чем местная кирха. Политика памяти должна предотвращать политизацию символов, ведущую к «переполнению» политической жизни.

Политику памяти промышленного города необходимо рассматривать с учётом различий *жизненных сфер* как универсальных структур жизнедеятельности с определённым набором благ («нормой»), в которых индивидуальные и коллективные статусные знаки согласуются или расходятся, подчиняясь определённому ценностному коду. Основных жизненных сфер четыре:

1. Территориально-пространственная сфера (код – территорияльность), где порождаются знаки ландшафта, климата, окружающей среды, путей сообщения, планировки улиц.

2. Естественно-антропологическая сфера (код – телесность) со знаками социально-демографических состояний – быта, здоровья, детства, отрочества, зрелости, старости, феминности, маскулинности.

3. Духовно-культурная сфера (код – духовность), формирующая знаки, включающиеся в мифы, верования, этические кодексы сообществ, т. е. в местный духовный нарратив.

4. Агентно-профессиональная сфера (код – агентность) со знаками самобытных достижений (местных народных промыслов, профессий, экономики).

Особенности семиотики поселений определяются доминированием кодов одной из жизненных сфер. Формирование устойчивой доминанты промышленной деятельности большинства жителей в конкретном поселении ведёт к формированию индустриального центра, в том числе моногорода, где доминируют знаки агентно-профессиональной сферы. У промышленных городов в памяти доминируют индустриальные коды, поддерживаемые идейным контекстом.

Память и консолидирующие символы промышленного города. Случай Магнитогорска

В политике памяти городские ориентиры отмечаются как символы веры и особые достижения, выявляя городской портрет [Kostof 1993: 296]. Значимые объекты могут стать

консолидирующим символом (гора Магнитная, комбинат в Магнитогорске) или, наоборот, конфликтогенным (ЦБК в г. Байкальск). В лесных поселениях лес может стать как объединяющим, так и разъединяющим символом, как и рыба в прибрежных городах и посёлках. В г. Карабаше медный завод был закрыт по экологическим соображениям, но потом по требованиям жителей вновь запущен. Повседневность даёт материал для политики памяти.

Жизненные сферы задействованы в формировании местного нарратива. В семиотический механизм города знаки повседневности включаются с помощью ценностей (ценностных кодов), которые горожане приписывают себе и городу; как правило, это – позитивные качества (в целостной биографии). Ценностный код территориальности включал ценности сбережения природы, территориальной идентичности. Код телесности интегрировал ценности семьи: взаимоуважения супругов, детей, родителей, охраны здоровья, детства, старости, соседства, социальной защиты, спорта. Код духовности включал стремление к знаниям, почтение к героям, историко-культурным памятникам, местам захоронения. В коде агентности интегрируются ценности трудолюбия, соревнования, профессионализма.

Все это позиционируется в политике памяти, воспроизводится в новых условиях. Ценностные коды, включённые в символьные комплексы прошлого, могут воспроизводиться в настоящем для будущего. В г. Златоуст продолжают функционировать символы металлургии, в то же время позиционируются мастера холодного оружия (ножи, кортики, клинки, сабли), т. е. включены символы досоветского периода в общий ряд памяти.

Эти коды способствуют воспроизводству знаков повседневной жизни, отражению их в символьных комплексах (планировке улиц, площадей, памятниках, праздниках). Политика памяти и используемая символика вписывается в концепцию «градов» и «режимов публичного оправдания» (Л. Болтански, Л. Тевено), согласно которой жители оправдывают совместное сосуществование значимостью какого-то общего блага или справедливости. Символ общезначимого блага обосновывает консолидацию [Каркюф 2002: 153–155].

Мы, в частности, исследовали архитектурно-планировочные, скульптурные, природно-ландшафтные символы г. Магнитогорска. Символьное пространство города представлено как соединение «ландшафтного» и «неландшафтного» текстов. Многие символьные комплексы города можно считать примером продуманной политики памяти и успешного символьного дизайна. Особое внимание обращено на то, как знаки (символы) города, отражая прошлое, влияли на консолидацию горожан. Использовалась концепция Л. Б. Когана

В семиотический механизм города знаки повседневности включаются с помощью ценностей (ценностных кодов), которые горожане приписывают себе и городу; как правило, это – позитивные качества (в целостной биографии).

о наращивании интеграционного потенциала благодаря связности центральности, срединности, периферийности [Коган 1990: 23–29, 173–175]. Выясняется, как формируемые ряды знаков под влиянием ценностных кодов соединялись в символьных комплексах в ходе становления промышленного города, способствуя формированию его ландшафтного и неландшафтного текстов.

Магнитогорск формировался с 1929 г. как рабочий посёлок около уникального месторождения у горы Магнитной. Все объекты и их названия возникали на этом месте впервые. Рост масштабов стройки Магнитогорского металлургического комбината (ММК) определил облик моногорода. Магнитогорск располагается на берегах реки Урал. Левобережная часть (Азия) – промышленная зона, где возводились и первые жилые кварталы. ММК выступал как доминантный символичный макрокомплекс, включающий выразительную панораму. «Лицом» к этой панораме-символу формировался Ленинский район города со зданиями в классическом стиле. От корпусов ММК шёл Центральный мост через Урал (см. рис. 1) и переходил в площадь с красивым въездом – начало проспекта Металлургов, завершавшегося центральной для того времени площадью с символьным комплексом, включающим монумент Ленина, горно-металлургический институт, ЦУМ и другие здания.

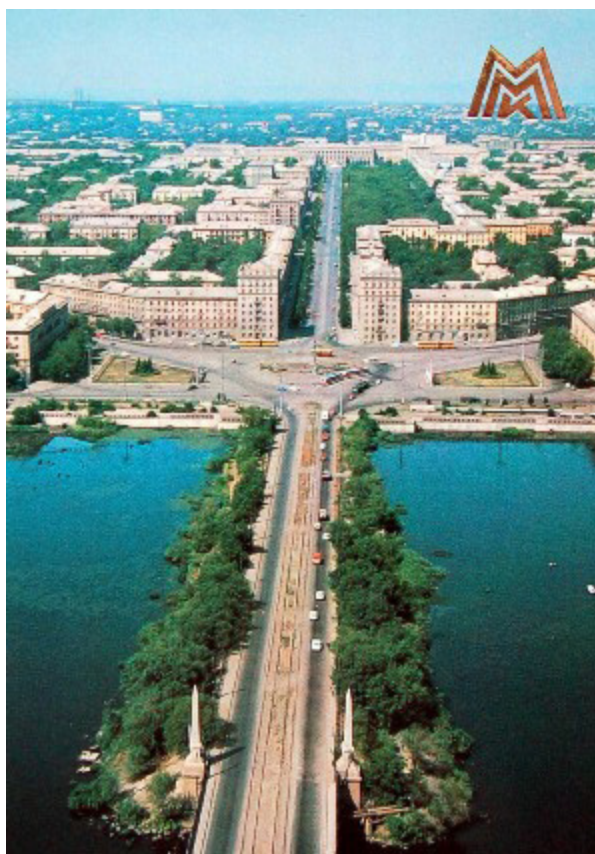

Рис. 1. Магнитогорск. Центральный мост и въезд на проспект Металлургов

Вторая архитектурно-планировочная ось – перпендикулярные проспекту Metallургов два других проспекта – Ленина и Маркса, также застроенные зданиями в классическом стиле. Эти проспекты выступили доминантами, задавшими иерархию центра, срединности и периферии. Архитектурно-планировочная стратегия ориентировалась на панораму-символ ММК (см. рис. 2). Показательна продуманность планировки промышленной архитектуры ММК, идущих к нему улиц с красивыми жилыми кварталами, театром, дворцами культуры, знаменитым 1-м кварталом («Соцгород»). В городе много ретро-символов: памятник «Первая палатка»; мартен, выдавший пер вый чугун в 1932 г.; паровоз, привёзший первых переселенцев, и др.

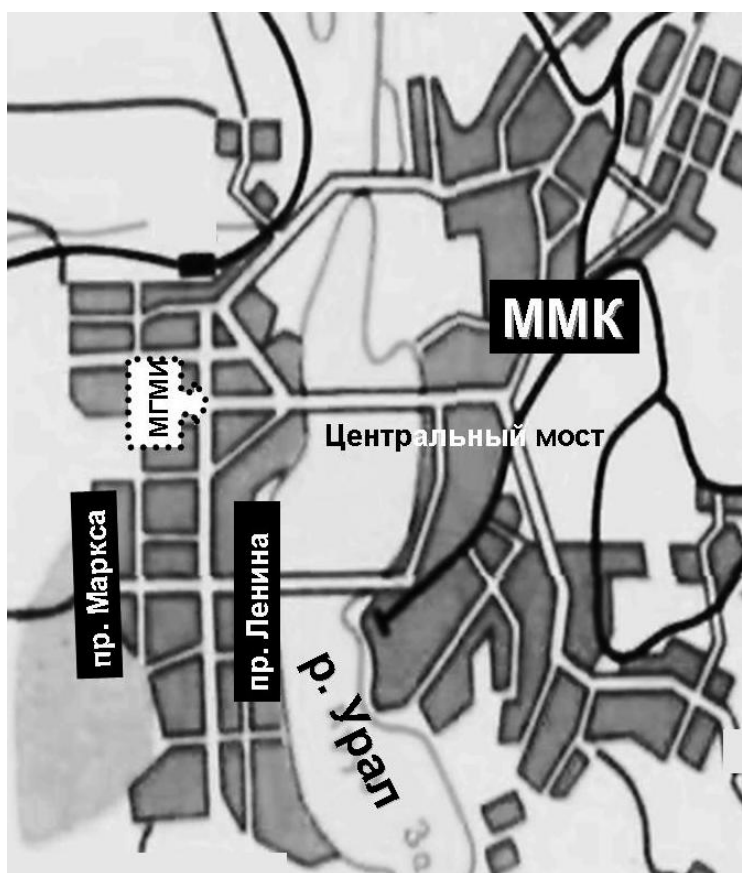

Рис. 2. План центральной части г. Магнитогорска

В конце 1980-х гг. началось разрушение символических комплексов ММК и города. Правда, процесс не завершился. Перспектива сохранения рабочих мест и устойчивого производства в городе перевесила экологические аргументы. В 2009 г. введён в строй стан 5000 толстолистового проката, в 2011–2012 гг. – стан 2000 холодной прокатки, в 2014 г. проведена реконструкция стана 2500. Укрепился символический комплекс ММК. Из «сообществ коллективной памяти» по-прежнему преобладали работники ММК и члены их семей, консолидировавшиеся, несмотря на сильную дифференциацию между менеджментом и рядовыми работниками. Проявилась универсальная тенденция: «процесс признания и преодоления прошлого определяется, в первую очередь,

политическими интересами и интересами влиятельных акторов» [Маколи 2011: 139]. Структура групповых интересов обусловила потребность в реконструкции политики памяти.

Уже к середине 1990-х гг. в сознании большинства горожан произошла реставрация символов ММК, городского патриотизма, примиряющего «индустриализм» и «экологизм». При экономических спадах патриотизм ослабевал, но другие доминантные символы не сформировались. Сохранилась топонимика улиц. Наиболее значимые новые символы тесно связаны с ММК (достроенная ледовая арена имени И. Х. Ромазана; команда «Металлург» – чемпион России 2007 г., обладатель Кубка МХЛ 2014 г.).

В постсоветском Магнитогорске уделялось внимание и другим консолидирующим символам. На выездах с мостов через Урал на Правый берег созданы символьные комплексы. Это Свято-Вознесенский кафедральный собор у четвёртого моста (историческая Казачья переправа), Соборная мечеть на выезде с третьего моста. Строительство храма начиналось в 1989 г. ММК и 300 других организаций, многие горожане жертвовали средства. Храм освящён в 2004 г. накануне Дня Metallургов и 75-летия города. Соборная мечеть достроена также в 2004 г. Проводится конкурс оркестров и ансамблей народных инструментов «Европа – Азия». Имя дважды Героя Советского Союза космонавта П. Р. Поповича, учившегося в Магнитогорске, присвоено скверу; памятная плита в его честь заложена в апреле 2011 г. на местной аллее Славы. Средствами коммеморации стали ежегодное празднование Дня Metallурга и выпуск маркированных конвертов (открыток) к 80-летию ММК и Магнитогорска.

Заключение

Обобщая сказанное, можно сделать следующие выводы. Семиотика моногорода обладает сильной инерцией. Новых символов, сравнимых с ММК, не возникло. Это можно использовать в патриотическом воспитании. От такого наследия нельзя отказываться, о чём свидетельствует опыт Волгограда [Макаров 2013: 27]. Но в целом в политике памяти сохраняется ностальгирующий характер, обозначились трудности с производством консолидирующих символов.

Важной задачей политики памяти моногородов остаётся, наряду с сохранением и реинтерпретацией индустриальных символов, соответствующая систематизация символических комплексов, формирование символов, связывающих прошлое, настоящее и будущее. Разрабатываются, в частности, проекты развития Магнитогорска как туристического центра, реставрации архитектуры Левобережной части.

Необходимо решать нарастающие потери центральности в новых микрорайонах, застраиваемых однотипными зданиями, в связи с чем ограничиваются возможности символического дизайна. Но для символического дизайна здесь есть ресурсы – формирование символов центральности в новых микрорайонах можно увязать с решением проблемы острой нехватки школ и детских садов. Именно эти учреждения при продуманной планировке и архитектурном оформлении, присвоением им имён земляков, могли бы стать центральными символическими комплексами, которые соединяют знаки жизненных сфер и городскую политику памяти с настоящим и будущим.

Библиографический список

Ассман Я. 2004. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры. 368 с.

Джекобс Дж. 2011. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство. 460 с.

Дридзе Т. М. 1995. Коммуникативные механизмы культуры и прогнозно-проектный подход к выработке стратегии развития городской среды // Города как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука. С. 334–344.

Завершинский К. Ф. 2012. Символические структуры политической памяти // Символическая политика. М.: ИНИОН. С. 149–163.

Каркюф Ф. 2002. Новые социологии. СПб: Алетейа. 172 с.

Коган Л. Б. 1990. Быть горожанами. М.: Мысль. 205 с.

Луман Н. 2005. Эволюция. М.: Логос. 256 с.

Макаров А. И. 2013. Феномен памятника в современной культурной ситуации: дисфункции коммеморации // Память и памятники. Волгоград: Волгогр. гос. ун-т. С. 19–28.

Маколи М. 2011. Историческая память и общество сограждан // Pro et contra. № 1–2. С. 134–149.

Миллер А. И. 2008. «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлечённого наблюдения. Лекция. 7 мая 2008. Polit.ru. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/05/07/miller/> [Дата посещения: 25.04.2011].

Надкарни М. 2014. О времени, травме и монументе: парк-музей скульптур в Будапеште // НЛО. № 2 (126). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/4821> [Дата посещения: 15.09.2014].

Подъячев К. В. 2013. Нижегородская область: индустриальный центр и хранитель ремёсел // Вестник Института социологии. № 7. С. 77–90. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2013_7.pdf [Дата посещения: 15.09.2014].

Edelman M. 1990. Politik als Ritual: die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns. Frankfurt am Main: Campus Verlag. 202 S.

Kostof Sp. 1993. The City Shaped: Urban Patterns and Meanings Through History. N.Y.: Bulfinch Press. 352 p.

Moor C. 2013. The renaming the public space in Budapest: the divided politics of contemporary Hungarian identity. PECOB. June 2013. N 36. Bologna: University of Bologna. 20 p.

Sherman D. 1999. The Construction of Memory in Interwar France. Chicago: University of Chicago Press. 448 p.

Politics of Memory and the Symbolic Design of the Urban Environment

Kapitsyn Vladimir Mikhailovich

Professor, doctor of political sciences, Department of political science, Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: kapizin@yandex.ru

Abstract. This research uses the visual analysis of a number of consolidating symbols in order to analyze the politics of memory in various cities, while taking into account the differences between the various facets of life – i.e. the universal structures where the status symbols of individuals and groups either complement or contradict one another, following a certain set of values. Among these facets of life, we distinguish: *the spacial and territorial* facet, which creates symbols connected to the landscape, climate, environment, transportation, or street planning; the *natural anthropological* facet, which comprises social and demographic symbols, linked to everyday routine, health, childhood, adolescence, maturity, seniority, femininity, and masculinity; the *spiritual and cultural* facet, which gives rise to symbols that are part of the communities' myths, beliefs, ethic codes (in other words, the spiritual narrative); and finally, the *professional actor* facet, which includes symbols of distinctive achievements (local arts and crafts, professions, or the economy). The visual analysis of symbol design was carried out as a field study in Voronezh, Rostov-on-Don, Shchyolkovo, Dubna, and Mytishchi, and as a distance study in Ekaterinburg, Volgograd, Norilsk, and Zlatoust. A significant data corpus was also derived from reviewing foreign research conducted in Budapest, Cologne, Kharkiv, Lviv, and several other cities. This research was also greatly furthered by the study of several towns in the Nizhny Novgorod region. In addition, while substantiating our points and conclusions, we make frequent references to a case study in Magnitogorsk. This article reveals that the community's semiotics are determined by the dominance of symbols from one of the facets of life described above. For example, if the overwhelming majority of community members was involved in industrial production, this led to the rise of an industrial center (in some cases, even a so-called one-company town), where the environment was dominated by professional actor symbols. Consequently, most of the locals' memories were connected with industrial symbols, which helped link their past to their future. Currently, this thought process does not reflect the present-day commercialized symbols. On the other hand, this study shows that politics of memory and symbol design can help turn industrialized symbols into a tool for consolidating the community and setting the city on a path towards development. It is important to note that the politics of memory cannot result in the emergence of symbols that are over-saturated with political undertones. It is also vital to develop new consolidating symbols.

Keywords: visual analysis, industrialized characters, the politics of memory, character design, industrial city.

References

Assman Ja. Kul'turnaja pamjat'. Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural memory. The Letter, the Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 368 p.

Dzhekobs Dzh. Smert' i zhizn' bol'shih amerikanskih gorodov [The Death and Life of Great American Cities]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011. 460 p.

Dridze T. M. Kommunikativnye mehanizmy kul'tury i prognozno-proektnyj podhod k vyrabotke strategii razvitija gorodskoj sredy [Communicative Mechanisms of Culture and Forecast-Project Approach to Elaborating a Strategy on the Urban Environment Development]. Goroda kak sociokul'turnoe javlenie istoricheskogo processa. Moscow, Nauka, 1995, pp. 334–344.

Edelman M. Politik als Ritual: die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns. Frankfurt am Main, Campus Verlag, 1990. 202 S.

Karkjuf F. Novye sociologii [New Sociologies]. SPb: Aleteja. 2002. 172 p.

Kogan L. B. Byt' gorozhanami [The Citizen's Life]. Moscow, Mysl', 1990. 205 p.

Kostof Sp. The City Shaped: Urban Patterns and Meanings Through History. New York, Bulfinch Press, 1993. 352 p.

Luman N. Evoljucija [Evolution]. Moscow, Logos, 2005. 256 p.

Makarov A. I. Fenomen pamjatnika v sovremennoj kul'turnoj situacii: disfunkcii kommemoracii [The Phenomenon of the Monument in the Modern Cultural Situation: Dysfunction of Commemoration]. Pamjat' i pamjatniki. Volgograd, Volgogr. gos. un-t, 2013, pp. 19–28.

Makoli M. Istoricheskaja pamjat' i obshhestvo sograzhdan [Historical Memory and Citizens' Community]. Pro et Contra, 2011, no 1–2, pp. 134–149.

Miller A. I. «Istoricheskaja politika» v Vostochnoj Evrope: plody вовлеченного nabljudenija [“The Politics of History” in Eastern Europe: the Results of Involved Observation]. Lekcija. 7 maja 2008. Polit.ru. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/05/07/miller/> [date of visit 25.04.2011].

Moor C. The Renaming the Public Space in Budapest: the Divided Politics of Contemporary Hungarian Identity. PECOB. June 2013, no 36. Bologna, University of Bologna, 2013. 20 p.

Nadkarni M. O vremeni, travme i monumente: park-muzej skul'ptur v Budapeshte [About Time, Injury and Monuments: Park-Museum of Sculptures in Budapest]. NLO, 2014, no 2 (126). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/4821> [date of visit 15.09.2014].

Podyachev K. V. Nizhegorodskaja oblast': industrial'nyj centr i hranitel' remesel [Nizhni Novgorod Region: Industrial Center and Keeper of Crafts]. Vestnik Instituta sociologii, 2013, no 7, pp. 77–90. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2013_7.pdf [date of visit 25.04.2011].

Sherman D. The Construction of Memory in Interwar France. Chicago, University of Chicago Press, 1999. 448 p.

Zavershinskij K. F. Simvolicheskie struktury politicheskoy pamjati [The Symbolic Structure of the Political Memory]. Simvolicheskaja politika. Moscow, INION, 2012, pp. 149–163.

Т е м а н о м е р а : Р а з в и т и е г о р о д о в и с о ц и а л ь н ы е т е х н о л о г и и

М о с к в е н у ж н ы п о л н о ц е н н ы е с о ц и а л ь н о - г р а д о с т р о и т е л ь н ы е о б с л е д о в а н и я

Товмасьян Эдуард Ованесович – заслуженный архитектор РФ, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, Москва

E-mail: terinform@yandex.ru

Москве нужны полноценные социально-градостроительные обследования

Аннотация

В статье анализируется начало научного осмысления гражданского участия при разработке проектов территориального планирования городов в первом десятилетии XX в., рассмотрены труды шотландского биолога, социолога и градостроителя Патрика Геддеса. Показано, что впоследствии тематика социальных исследований получила на Западе значительное расширение от демографо-статистических и криминалистических – к экономическим обследованиям, а далее – к социокультурным и собственно социологическим. Прослежен отечественный опыт учёта потребностей для жизнедеятельности городского населения с начала 20-х гг. XX в. Особое внимание уделено фундаментальным трудам доктора архитектуры Л. Б. Когана и его школы. По его инициативе и под его руководством в 70–90-х гг. XX в. были проведены урбано-логические исследования и обследования в Московской агломерации, трёх столицах бывших союзных республик (Таллинне, Тбилиси и Ереване), крупных, больших и малых городах – научных центрах России. Отмечено, что ныне 115 исследовательских компаний, в том числе 44 из Москвы, ведут в России и в Москве опросы населения. Это преимущественно маркетинговые опросы: массовые, экспертные, телефонные, выборочные. Социально-градостроительные исследования населения «старой» Москвы можно характеризовать как околосоциально-градостроительные обследования. Их немного. Исключение составляет, пожалуй, междисциплинарное исследование «Археология периферии» – между 3-м транспортным кольцом и МКАД, осуществлённое Институтом медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» в рамках III Международного урбанистического форума в 2013 г. Автор утверждает, что социально-градостроительные исследования и обследования населения по городской проблематике, в том числе и в Москве, пока ещё остаются «за бортом» государственной политики. Крупное комплексное социально-градостроительное обследование москвичей проводилось 20 лет тому назад. Подчеркивается, что в настоящее время политические и экономические процессы в стране отодвинули в реальной действительности процессы городские, универсальные урбанистические закономерности которых выходят и за рамки конкретных регионов, и за рамки их политических обустройств. Основной вывод заключается в том, что на основе глубинных закономерностей урбанизации через своеобразную призму городской политики должно быть обусловлено принятие решений как в сферах экономической, так социальной и даже региональной политики.

Ключевые слова: социально-градостроительное исследование, обследование процессов жизнедеятельности населения, городская политика, градостроительная политика, территориальное планирование

Актуальность проблемы обусловлена базовыми требованиями нормативно-правовых документов, содействующих реализации конституционных прав населения на благоприятную окружающую среду. Она связана с возросшими теперь уже в «Большой Москве» масштабами жилищно-гражданского строительства, реконструкции и освоения новых территорий, которые сопровождаются ростом запросов населения к качеству городской среды и многочисленными протестами жителей против принятия негативных градостроительных решений. Всё это свидетельствует о необходимости актуализации социально-градостроительных исследований и анализа процессов жизнедеятельности населения «старой» и «новой» Москвы для реализации конституционных прав населения на благоприятную окружающую среду.

Исторический анализ социальных исследований

Начало научному осмыслению гражданского (общественного) участия при разработке проектов территориального планирования городов положили в первом десятилетии XX в. труды Патрика Геддеса (1854–1932 гг.), шотландского биолога, социолога и градостроителя. Выбору конкретных планировочных решений развития городов, по П. Геддесу, должна была предшествовать концепция «городского исследования».

В последующем, тематика социальных исследований получила на Западе значительное расширение: от демографо-статистических и криминалистических – к экономическим обследованиям, а далее – к социокультурным и собственно социологическим.

Отечественный опыт учёта потребностей для жизнедеятельности городского населения с начала 20-х гг. XX в. связан с трудами культуролога, историка и краеведа Н. П. Анциферова («Гражданин, познай свой город – и ты познаешь и свою социальную среду, и себя самого» [Анциферов 1926: 150]), государственного и общественного деятеля, экономиста и журналиста, основателя советской школы тайм-менеджмента П. М. Керженцева, советского философа, академика В. Г. Афанасьева, советского и российского урбаниста Л. Б. Когана [Коган 2013: 2–7], российских социологов Т. М. Дридзе [Акимкин 1997: 201–207] и О. Н. Яницкого, исследователя и публициста В. Л. Глазычева и др. [Товмасьян 2013: 212–215, 2014: 382–387]. Социально-градостроительная база пространственного развития общества заложена фундаментальными трудами доктора архитектуры Л. Б. Когана и его школы.

Город всегда имеет набор разных видов жизнедеятельности, типов среды и их соотношения. Выявление наиболее характерных из них позволяет понять отношение горожан к город-

ским проблемам. Жизнедеятельность горожан обусловлена не только внутренней спецификой каждой из сфер деятельности, но и городскими закономерностями, особенностями функционирования города как социально-пространственного организма. Именно этому были в период 70–90-х гг. XX в. посвящены урбанистические исследования, проведённые по инициативе и под руководством доктора архитектуры Л. Б. Когана в Москве, Московской агломерации, трёх столицах бывших союзных республик (Таллине, Тбилиси и Ереване), крупных, больших и малых городах – научных центрах России.

В результате возникла возможность разрабатывать и согласовывать мероприятия по совершенствованию управления городами, улучшению качества их социально-пространственной среды и создания условий для благоприятной жизнедеятельности населения.

Современная характеристика социальных исследований и обследований населения «Большой Москвы»

115 исследовательских компаний, в т. ч. 44 из Москвы, ведут в России опросы населения. Это преимущественно маркетинговые опросы: массовые, экспертные, телефонные, выборочные. Исследований жизнедеятельности горожан «старой» Москвы немного:

- Опрос москвичей по проблемам землепользования в столице (Институт социальных технологий, 2001 г; руководитель – доктор философских наук В. М. Соколов).
- Мониторинг культурной жизни г. Москвы (Московский институт социально-культурных программ, 2012 г.).
- Междисциплинарное исследование «Археология периферии» – между третьим транспортным кольцом и МКАД (Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», 2013 г.).
- Сбор мнения жителей в управах отдельных районов по конкретным объектам (например, ландшафтный парк в Митино, 2014 г.).
- Опрос москвичей средствами массовой информации (например, порталом «Активный гражданин» и порталом metrinfo об отношении к центру города, 2014 г.).

Социально-градостроительных обследований населения «новой» Москвы, которая в прошлом входила в состав Московской области, к сожалению, не удалось выявить, так как в области таких обследований за довольно длительный период времени не проводилось.

Жизнедеятельность горожан обусловлена не только внутренней спецификой каждой из сфер деятельности, но и городскими закономерностями, особенностями функционирования города как социально-пространственного организма.

Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка»¹ по заказу Московского урбанистического форума провёл в конце 2013 г. уже упоминавшееся междисциплинарное исследование «Археология периферии». Авторы поставили целью раскрыть потенциал периферии и сформировать соответствующие мероприятия, а центр, по их мнению, лучше оставить в покое.

Из данного, единственного за последние два десятилетия, исследования следует, что за этот период «...периферия хаотично уплотнена и в значительной степени изуродована высокоплотными жилыми комплексами и торговыми центрами». Как отметили эксперты, население периферии не слишком активно перемещается по всему городу, а в основном осуществляет движение внутри своих районов, своего рода «отдельных городов» в урбанизированной Москве. Их характеризует большая, в сравнении с остальными территориями, активность городской жизни, хотя эксперты подтверждают однообразие и низкое качество среды жилой застройки за пределами центра Москвы. Периферия, по мнению авторов исследования, – это территория дефицита общественных пространств, плотности и т. п. в местах, освоенных для проживания, а с другой стороны, это избыток свободного (не застроенного жилыми массивами) пространства для развития, и это, пожалуй, самый важный фактор для дальнейшего развития Москвы сегодня. На основе исследования эксперты предлагают ограничение на периферии плотности жилой застройки, проведение жёсткой градостроительной политики для создания малоэтажной комфортной пригородной территории, конкурирующей с центром.

Проблемы населения «Большой Москвы»

Современная проблематика социально-градостроительных исследований Москвы связана в первую очередь с широко распространённым в управленческих сферах, среди специалистов и даже вовлечённых в вышеуказанные исследования учёных, непониманием универсальных закономерностей урбанистики.

Так, например, руководством страны провозглашено требование обеспечения самодостаточности жилых массивов «новой» Москвы для снятия необходимости излишнего посещения сети общегородских центров. Это, по мнению доктора архитектуры Л. Б. Когана, может привести к разрушению городского сообщества, которое является таковым лишь тогда, когда взаимодействие его элементов ориентировано на

¹ Некоммерческий международный образовательный проект, основанный в 2009 г.

центральность в городской системе. Согласно же закономерностям урбанизации, как указывает Л. Б. Коган, взаимодействие центра и периферии обуславливает эффективность как функционирования города, так и самого процесса сохранения и передачи цивилизации как таковой [Коган 2013].

Из-за пренебрежения социально-политическими значениями пространства было упущено его цивилизационное наполнение, взаимное изменение типов пространственной среды, форм поведения горожан. Учёт этих закономерностей в городской политике как части политической стратегии страны мог бы избавить население страны и города Москвы, в первую очередь, от многих непрофессиональных решений, скоропалительно принимаемых в последнее время.

Не последнее место в сложившейся проблематике занимает тема «Большой Москвы». Доктор архитектуры Ю. П. Бочаров приводит мнения экспертов о проблемах «Большой Москвы» [Бочаров 2013: 29–31]:

- ухудшение экологии (40% опрошенных);
- усиление миграционных потоков и, как следствие, обострение социальных конфликтов в регионе (36%);
- прогрессирующее развитие коррупции (36%);
- финансирование социально-экономических проектов в «старой» Москве по остаточному принципу (40%).

Большинство экспертов, по мнению Ю. П. Бочарова, усматривают в предложенном плане расширения Москвы реализацию узких интересов бизнеса:

- крупных землевладельцев (72%);
- строительного комплекса Москвы (60%);
- властных структур столицы (40%).

Президент РФ В. В. Путин (по предложению Д. А. Медведева) Указом от 8 сентября 2014 г. № 612 упразднил Министерство регионального развития РФ. Согласно этому Указу, функции ликвидируемого ведомства переданы соответствующим федеральным органам государственной власти. В частности, Минэкономразвития России займётся осуществлением территориального планирования, Минстрою России перешли функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере градостроительного зонирования. В то же время Градостроительным кодексом РФ за территориальным планированием законодательно закреплена планирование развития территорий, в том числе установление функциональных зон (статья 1, п. 2). Таким образом, территориальное планирование в градостроительстве – дитя у двух «нянек». Результат не заставит себя долго ждать.

Из-за пренебрежения социально-политическими значениями пространства в Москве было упущено его цивилизационное наполнение, взаимное изменение типов пространственной среды, форм поведения горожан.

Междисциплинарное исследование «Археология периферии», проведённое, правда, в чрезвычайно сжатые сроки (3 месяца), также страдает отсутствием учёта универсальных законов урбанистики, механизмы проявления которых должны были бы дать объяснение реально происходящим процессам жизнедеятельности населения.

До последнего времени градостроительная, а тем более городская политика не является составляющей общенациональной и региональной государственной политики, а во многих случаях даже и политической стратегии развития города. Политика развития городов, всегда игравших главную роль в развитии демократии, должна стать важнейшей частью государственной и региональной политики.

Отечественный опыт характеризуется тем, что разрыв между задачами, которые предстоит решать нашему обществу, и уровнем городской цивилизации, на котором находится Россия, пока не осознаны обществом. За постперестроечное время ни одна политическая партия, ни одно политическое движение, за редким исключением, не акцентировали в своих программах роли городов и городской политики как двигателей реформ.

В настоящее время политические и экономические процессы в стране отодвинули в реальной действительности процессы городские, универсальные урбанистические закономерности которых выходят и за рамки конкретных регионов, и за рамки их политических обустройств. В результате неподчинение политической конъюнктуры глубинным закономерностям урбанизации чревато необратимыми последствиями. На основе глубинных закономерностей урбанизации через своеобразную призму городской политики должно быть обусловлено принятие решений как в сферах экономической, социальной так и региональной политики.

Городская политика – это целенаправленная политическая деятельность всех уровней управления, опирающаяся на универсальные закономерности процесса урбанизации, фундаментальные закономерности самих городских процессов во взаимодействии с реальными социальными, экономическими, экологическими, производственными, демографическими и другими процессами и явлениями. Она должна быть направлена на достижение сбалансированного развития системы городов, на решение городских проблем и, в конечном счёте, на обеспечение благоприятных условий среды обитания и жизнедеятельности населения.

Градостроительная политика представляет собой составную часть политики городской. Градостроительная политика – это целенаправленная практическая деятельность по формированию городов и созданию в них благоприятной среды обитания, исходя из условий исторически сложившегося расселения, перспектив социально-экономического развития общества, нацио-

Политика развития городов, всегда игравших главную роль в развитии демократии, должна стать важнейшей частью государственной и региональной политики.

В настоящее время политические и экономические процессы в стране отодвинули в реальной действительности процессы городские, универсальные урбанистические закономерности которых выходят и за рамки конкретных регионов, и за рамки их политических обустройств.

нально-этнических и иных местных особенностей. Будучи связанными как сообщающиеся сосуды с поселениями, находящимися в зоне влияния городов, последние, путём совершенствования городской среды и условий жизни горожан, будут способствовать развитию этих процессов и в поселениях следующего ранга.

Москвичи уже сделали шаг в направлении формирования градостроительной (пока ещё не городской) политики. В июле 2013 г. постановлением правительства Москвы принята новая редакция Государственной программы г. Москвы «Градостроительная политика» за 2012–16 гг. Целью Программы является формирование благоприятной городской среды, что соответствует единственной пока в этом аспекте статье 42 Конституции РФ. Стратегические задачи государственной программы касаются всех трёх основных участников градостроительной деятельности: власти, бизнеса и населения. Власти предписано совершенствование системы градостроительной деятельности, бизнесу – формирование благоприятных условий для инвестиционной деятельности, а вот формирование благоприятных условий для жизнедеятельности населения как стратегическая задача для реализации поставленной цели, к сожалению, отсутствует.

В подпрограмме 8 «Научно-методическое и информационно-аналитическое обеспечение градостроительной деятельности» намечены конференции, семинары, выставки и другие мероприятия, за исключением социально-градостроительных обследований. Здесь содержится лишь констатация необходимости взаимодействия со СМИ и населением города Москвы. Население упоминается также в начале Программы при характеристике текущего состояния. Должны быть учтены социальные риски, возникающие вследствие жизнедеятельности горожан или отдельных социальных групп. Управление этими рисками намечено обеспечить за счёт публичности, открытости и прозрачности планов мероприятий и практических действий, информационного и PR-сопровождения, активного вовлечения населения в градостроительную деятельность.

Выводы

1. Социально-градостроительные исследования в стране в целом, и в Москве в частности, пока ещё остаются «за бортом» государственной политики. Они не проводились в Москве и её агломерации уже около 20 лет, а в области не проводились вообще.

2. Необходим учёт универсальных закономерностей урбанизации в формировании городской политики, её составляющей части – градостроительной политики, а также органичное включение городской политики в политическую стратегию страны.

Градостроительная политика – это целенаправленная практическая деятельность по формированию городов и созданию в них благоприятной среды обитания, исходя из условий исторически сложившегося расселения, перспектив социально-экономического развития общества, национально-этнических и иных местных особенностей.

3. В целях обеспечения конституционного права населения на благоприятную окружающую среду, социально-градостроительные исследования и обследования населения Москвы (и «старой», и «новой») нуждаются в срочной реанимации, а по Московской области – в зарождении.

4. Требуется проведение постоянной информационной работы со всеми участниками градостроительной деятельности (жителями, властями, бизнесменами, специалистами).

Библиографический список

Акимкин Е. М. 1997. Конфликтные социально-градостроительные ситуации – методы диагностики и разрешения // Сборник материалов конференции Научограда России – 97. Обнинск: ГЦИПК. С. 201–207.

Анциферов Н. П. 1926. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: «Сеятель» Е. В. Высоцкого. 150 с.

Бочаров Ю. П. 2013. Проблемы реализации мегапроекта «Большая Москва» // Труды конференции. ФГБУ ЦНИИП градостроительства РААСН «Проблемы и направления развития градостроительства». Международная научно-практическая конференция 3–4 октября 2013 г., Москва. М.: Перо. С. 29–31.

Коган Л. 2013. О стратегии исследований городских процессов // Городское управление. № 12. С. 2–7.

Товмасьян Э. О. 2013. Социально-градостроительные обследования Москвы – почти забытое прошлое // Труды конференции. ФГБУ ЦНИИП градостроительства РААСН «Проблемы и направления развития градостроительства». Международная научно-практическая конференция 3–4 октября 2013 г., Москва. М.: Перо. С. 212–215.

Товмасьян Э. О. 2014. Государственная политика градостроительного обеспечения конституционных прав населения России на благоприятную окружающую среду // Материалы V Международной научно-практической конференции «Наука, технологии и высшее образование». Вествуд. 20 июня 2014 г. Westwood: Accent Graphics communications. С. 382–387.

Moscow Needs Proper Social and Urban Planning Research

Tovmasyan Eduard Ovanesovitch

Honored architect of the Russian Federation, advisor of the Russian Academy of Architectural and Construction Sciences, Moscow, Russia. E-mail: e.tovmasyan@centergrad.ru

Abstract. This article sheds light on the fledgling scholarly approach to involving the community in urban territorial planning projects in the first decade of the 20th century. For instance, it reviews the work of Patrick Geddes, a Scottish biologist, sociologist, and town planner. The study shows the

dramatic way in which the scope of sociological research in the West expanded over the years, from demographic statistics and crime studies to economic research, and later on, to social and cultural, in particular sociological, research. We also trace the way the vital needs of urban communities were taken into account in Russia, starting from the 1920s. We give special emphasis to the fundamental work of the movement founded by Leonid Borisovich Kogan and his school. It was Kogan who initiated and oversaw the research of urban communities, which was carried out between the 1970s and the 1990s in the Moscow metropolitan area, the capitals of the three former Soviet republics (Tallinn, Tbilisi, and Yerevan), and in various major, large, and small research centers in Russia. Our findings show that as of today, population surveys in Russia and in Moscow are carried out by 115 research companies, including 44 companies headquartered in Moscow. These are mostly marketing surveys, i.e. mass, expert, telephone, and random sampling surveys. There are some social and urban planning studies and surveys among the people living in Moscow's Old Town, which may be described as semi-social and urban planning research. These works are few and far between. There is one exception, however: the multidisciplinary research titled "Archeology of the Periphery", which was carried out in 2013, in the area between the Third Ring Road and the Moscow Ring Road, by the Strelka Institute of Media, Architecture, and Design, as part of the Third International Urban Forum. We arrive at the conclusion that social and urban planning studies and urban-themed population surveys are largely ignored by the policy-makers in Russia, Moscow included. The last major comprehensive social and urban planning survey in Moscow was conducted over twenty years ago. This article highlights that today, the political and economic developments in Russia are overshadowing the processes in urban environments; notably, these processes are characterized by universal features that cross the boundaries of specific regions and the local political structure. The main conclusion that we make is that the perception of urbanization's most profound underlying patterns through the prism of city policy should serve as a basis for decision-making, both in economic, social, and regional policy.

Keywords: Socio-town planning surveys, researches of the urban population life activities processes, urban policy; town-planning policy, areal planning.

References

Akimkin E. M. Konfliktnye social'no-gradostroitel'nye situacii – metody diagnostiki i razresheniya [Social and Urban Conflict Situation – Methods of Diagnosis and Resolution]. Sbornik materialov konferencii "Naukogrady Rossii – 97". Obninsk, GCIPK, 1997, pp. 201–207.

Anciferov N. P. Puti izuchenija goroda kak social'nogo organizma. Opyt kompleksnogo podhoda [Methods of Research of a City as a Social Object. An Experience of Integrated Approach]. London, «Sejatel'» E. V. Vysockogo, 1926. 150 p.

Bocharov Y. P. Problemy realizacii megaproekta «Bol'shaja Moskva» [Problems of Implementation of the Megaproject "Large Moscow"]. Trudy konferencii «Problemy i napravlenija razvitija gradostroitel'stva» 3–4 october 2013 g. Moscow, Pero, 2013, pp. 29–31.

Kogan L. O strategii issledovaniy gorodskih processov [A Research Strategy of City Processes]. Gorodskoe upravlenie, 2013, no 12, pp. 2–7.

Tovmasian E. O. Social'no-gradostroitel'nye obsledovanija Moskvy – pochtii zabytoe proshloe [Socio-Urban Researches of Moscow – Almost Forgotten Past]. Trudy konferencii «Problemy i napravlenija razvitija gradostroitel'stva» 3–4 October 2013 y. Moscow, Pero, 2013, pp. 212–215.

Tovmasian E. O. Gosudarstvennaja politika gradostroitel'nogo obespechenija konstitucionnykh prav naselenija Rossii na blagoprijatnuju okruzhajushuju sredu [State Policy of Urban Ensuring the Constitutional Rights of the Russian Population to a Healthy Environment]. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii «Nauka, tehnologii i vysshee obrazovanie». Westwood. 20 june 2014 y. Westwood, Accent Graphics communications, 2014, pp. 382–387.

Т е м а н о м е р а : Р а з в и т и е г о р о д о в и с о ц и а л ь н ы е т е х н о л о г и и

Территориальное расширение Москвы – стратегия развития или необоснованная необходимость?

Богданов Владимир Сергеевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: valarf@mail.ru

Просьянюк Дарья Вячеславовна – кандидат социологических наук, советник управления программ социологических исследований Аналитического центра при Правительстве РФ, Москва

E-mail: darnice@mail.ru

Территориальное расширение Москвы – стратегия развития или необоснованная необходимость?

Аннотация

В статье рассматриваются проектные подходы и реальные проблемы сегодняшнего дня в ходе запланированного Правительством Москвы развития новых территорий. По прогнозам московского Правительства в перспективе на новых территориях будет проживать 1,5–2 миллиона человек, что влечёт за собой необходимость концептуальной проработки развития новых территорий с учётом разработки и реализации нового Генплана г. Москвы. Планы московских и федеральных властей по расширению территории Москвы нашли широкое отражение в средствах массовой информации. На протяжении последних трёх лет произошло немало событий, послуживших информационными поводами как для информационных, так и для аналитических публикаций. Читателю представлены результаты контент-анализа 3500 публикаций, а также хронологические этапы развития проблемы в контексте подачи информационных поводов, касающихся расширения территории Москвы. Также в статье рассматриваются проблемные основания архитектурно-градостроительного сообщества, зафиксированные в концептуальных наработках проектов развития Московской агломерации. При отсутствии на сегодняшний день национальной градостроительной доктрины и нецелесообразности организации градостроительной деятельности с точки зрения градообразующих отраслей, не ориентированных на планирование городов на основе планов развития производства, перед архитекторами и градостроителями встаёт целый ряд вопросов, связанных с концептуальными основаниями разработки градопланировочной документации. Если не развитие производства, то что должно лежать в основе градостроительного плана? Насколько разрабатываемые концепции учитывают потребности человека, ориентированы ли они на создание города как комфортной среды для обитания жителей? В контексте этих вопросов представлены исследовательские кейсы – обобщённые данные аналитических заметок по поводу потребностей жителей Москвы и Московской области глазами заказчиков и проектировщиков, зафиксированных в рамках международного конкурса на лучшую разработку концепции развития Московской агломерации. Читателю представлено авторское видение того, каким образом должно выстраиваться социально обоснованное развитие новых территорий на основе социально-технологических подходов социального проектирования, разработанного в Центре социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН, успешно апробированного и реализованного в ходе разработок и реализации важнейших для Москвы и других городов градостроительных проектов и концепций.

Ключевые слова: диагностика социальной ситуации, социально-диагностическое исследование, экоантропоцентрическая социология, контент-анализ, социология управления

Исторически важным днём в контексте развития мегаполиса и Московской агломерации можно считать 7 декабря 2011 г. В этот день на внеочередном заседании Московской городской Думы было принято постановление «Об утверждении Соглашения об изменении границы между субъектами Российской Федерации городом Москвой и Московской областью». В результате его принятия территория Москвы увеличилась примерно в 2,4 раза, расширилась на 148 тыс. га за счёт присоединённых территориальных поселений и земель на юго-западе Подмосковья, входящих теперь в два новых округа столицы – Троицкий и Новомосковский (далее ТиНАО), вместив 21 муниципальное образование, в том числе два городских округа – Троицк и Щербинка, а также 19 городских и сельских поселений в Подольском, Ленинском и Наро-Фоминском районах, территории Одинцовского и Красногорского районов.

По прогнозам Правительства Москвы в перспективе в ТиНАО будет проживать 1,5 миллиона человек, хотя эта цифра и не окончательная, т. к. она закладывается лишь в качестве расчётных показателей для разработки и реализации генплана Москвы, который должен был быть доработан в 2014 г. с учётом проблем и перспектив развития новых территорий.

Мы, в свою очередь, хотели бы предложить наши исследовательские кейсы для более полного погружения в проблемы развития Новой Москвы, в хронологические этапы развития проблемы, а также обратить внимание на аналитические заметки по поводу потребностей жителей Москвы и Московской области глазами заказчиков и проектировщиков, зафиксированных в рамках международного конкурса на лучшую разработку концепции развития Московской агломерации¹.

СМИ о планах расширения Москвы

Планы московских и федеральных властей по расширению территории Москвы нашли широкое отражение в средствах массовой информации (далее – СМИ). На протяжении последних трёх лет произошло несколько информационных, так и для аналитических публикаций. Ниже представлены результаты контент-анализа² публикаций, а также информаци-

¹ Идея проведения анализа содержания материалов конкурса для определения позиций субъектов социального управления и выявления оснований градостроительного проектирования была предложена Е. М. Акимкиным.

² Контент-анализ проводился с помощью информационно-аналитической системы «Анализ текстов и ситуаций». Информационной базой системы является интернет-библиотека Public.Ru, содержащая более 4600 федеральных и региональных СМИ. Поисковый запрос: «Расширение территории Москва»~5 OR «Присоединение новых территорий к Москве»~5 OR «Концепция развития Московской агломерации»~5.

онных поводов, касающихся расширения территории Москвы. С начала 2011 г. было опубликовано более 3500 статей по этой теме. Динамика количества публикаций с января 2011 г. по март 2013 г. изображена на рис. 1.

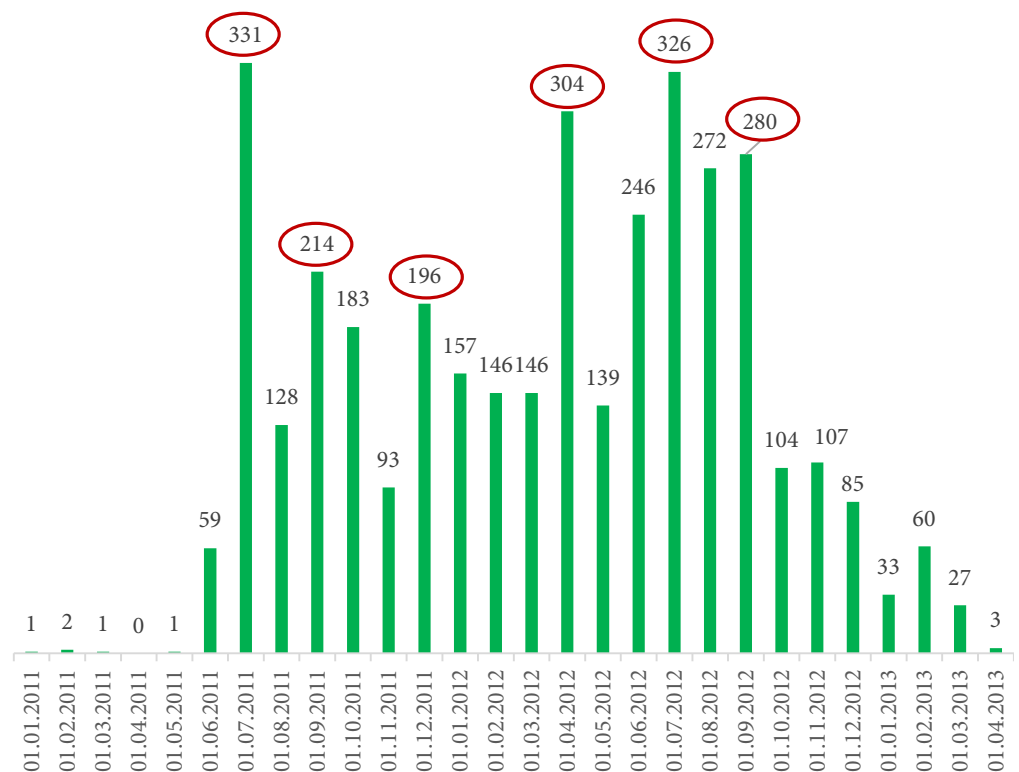

Рис. 1. Динамика количества публикаций на тему «Расширение территории Москвы, январь 2011–март 2013»

Июнь 2011 г. Попадание в информационное поле темы расширения территории Москвы связано с предложением Президента (на тот момент) Д. Медведева создать столичный федеральный округ, расширить границы Москвы за счёт Московской области и вывести органы власти за пределы столицы. С этим заявлением он выступил 17 июня 2011 г. на открытии Петербургского международного экономического форума.

Затем последовало пояснение мэра Москвы Сергея Собянина о том, что расширение границ Москвы не предполагает её объединения с областью.

Однако уже 29 июня 2011 г. власти Москвы и Московской области подписали соглашение о границах между двумя регионами, которое, по их словам, не могли подписать в течение десяти лет. Тогда же были определены восемь точек, которые рассматривались как возможные места для создания делового города-спутника в рамках формирования столичного федерального округа.

Июль 2011 г. Первого июля Д. Медведев поручил правительствам Москвы и Московской области совместно с заинтересованными федеральными органами государственной власти представить предложения по изменению границ столицы

в целях расширения её территории, в том числе для размещения законодательных (представительных) и исполнительных органов власти РФ, создания и развития международного финансового центра. Уже 6 июля Московская городская Дума утвердила соглашение об изменении границ между субъектами РФ – городом Москвой и Московской областью. Согласно договорённости, Москве перешло 723 га подмосковной земли, а области – 328 га, таким образом площадь столицы увеличилась на 395 га. 11 июля мэр Москвы Сергей Собянин и губернатор Московской области Борис Громов на встрече в Горках представили Президенту России Дмитрию Медведеву предложения по изменению границ Москвы и Подмосковья.

Сентябрь 2011 г. Данный пик публикационной активности объясняется окончанием летних каникул и началом учебного и рабочего года. Тогда же премьер-министр Владимир Путин позитивно оценил договор региональных властей о расширении территории Москвы. 6 сентября состоялась пресс-конференция заместителя мэра столицы по вопросам экономической политики Андрея Шаронова. 13-го сентября Сергей Собянин поручил разработать концепцию развития Московской агломерации. Как сказано в подписанном распоряжении городского правительства № 683–РП концепция потребовалась «в связи с проводимой работой по расширению территории города Москвы и исходя из необходимости обеспечения сбалансированного перспективного развития Московской агломерации» [Законодательство... 2011]. Контроль за разработкой концепции С. Собянин возложил на своего заместителя по вопросам градостроительной политики и строительства М. Хуснуллина. Наконец, в сентябре вышел отчёт Аналитического центра Юрия Левады «Левада–Центр» по результатам опроса москвичей и жителей области, посвящённого расширению столицы, результаты которого не получили должного внимания ответственных сторон развития Новой Москвы.

Декабрь 2011 г. 7 декабря на внеочередном заседании Московской городской Думы было принято постановление «Об утверждении Соглашения об изменении границы между субъектами Российской Федерации городом Москвой и Московской областью». Согласно документу, в состав Москвы включено 148 864 га новых территорий, а в состав Московской области вошло 1,357 га московской земли.

Апрель 2012 г. 9 апреля Д. Медведев провёл совещание в Троицке по вопросу разработки концепции развития Московской агломерации. 24 апреля состоялось выступление участников конкурса на разработку проекта концепции развития Московской агломерации на отчётном семинаре. Чуть позже координатор семинара заместитель гендиректора ГУП «НИиПИ Генплана Москвы» Александр Колонтай сообщил

о том, что команда МАРХИ набрала наименьший балл в первом отчётном этапе на конкурсе, и у ГУПа нет оснований оплачивать работу этого коллектива.

Июль 2012 г. С 1 июля за счёт присоединения к Москве 148-ми тыс. га земель Московской области площадь столицы увеличилась в 2,4 раза и теперь составляет около 255 тыс. га, москвичами стали 232 тыс. человек, проживающих на этой территории. В одну ночь плотность населения Москвы снизилась с 10,7 тыс. человек на квадратный километр до 4,6 тыс. В состав столицы вошли городские округа Троицк и Щербинка, поселения Внуковское, Вороновское, Воскресенское, Десеновское, Киевский, Клёновское, Кокошкино, Краснопахорское, Марушкинское, Михайлово-Ярцевское, Московский, Мосрентген, Новофёдоровское, Первомайское, Роговское, Рязановское, Щаповское, Филимоновское и Сосенское.

Сентябрь 2012 г. 4–5 сентября были подведены итоги международного конкурса на концепцию развития Московской агломерации в рамках освоения недавно присоединённых к столице подмосковных земель.

По результатам работы жюри относительно лучшими проектными решениями признаны:

- по разделу проекта развития Московской агломерации – ANTOINE GRUMBACH & ASSOCIES Sarl;
- по разделу проекта развития Большой Москвы, включающей старую Москву и юго-западные присоединённые территории, – ANTOINE GRUMBACH & ASSOCIES Sarl;
- по разделу проекта формирования нового федерального центра – Urban Design Associates, Ltd.

После подведения итогов конкурса публикационная активность пошла на спад. В настоящее время тема расширения территории Москвы в СМИ практически не обсуждается, а реализация мероприятий по застройке Новой Москвы идёт полным ходом без согласования с населением, не считая публичных слушаний по отдельным объектам строительства.

Концепции развития Московской агломерации

В середине января 2012 года начался Международный конкурс на разработку концепции развития Московской агломерации (далее – конкурс). На участие в конкурсе было подано 67 заявок, из которых впоследствии экспертной группой было выбрано десять проектных коллективов. В сентябре 2012 г. были подведены итоги конкурса. Победителем в двух номинациях – «Развитие Московской агломерации» и «Развитие «Большой Москвы» – стал франко-российский коллектив ANTOINE GRUMBACH ET ASSOCIES. Лучшим проектом по

В настоящее время тема расширения территории Москвы в СМИ практически не обсуждается, а реализация мероприятий по застройке Новой Москвы идёт полным ходом без согласования с населением, не считая публичных слушаний по отдельным объектам строительства.

Победителем в двух номинациях – «Развитие Московской агломерации» и «Развитие «Большой Москвы» – стал франко-российский коллектив ANTOINE GRUMBACH ET ASSOCIES. Лучшим проектом по формированию административно-делового центра на присоединённых территориях стала команда URBAN DESIGN ASSOCIATES из США.

формированию административно-делового центра на присоединённых территориях стала команда URBAN DESIGN ASSOCIATES из США.

Современный контекст реализации градостроительных программ не позволяет осуществлять крупные социальные проекты в области градостроительства. Три федеральные программы городского развития, существовавшие в 1990-е годы и начале 2000-х не оставили заметного следа в практике управления. Усилия наладить ситуацию в монопрофильных городах не принесли заметных результатов, и федеральное руководство отказалось финансировать программу помощи этим поселениям. Сегодня, несмотря на отдельные заявления представителей власти и неоднократные предложения представителей архитектурно-градостроительного сообщества, не существует национальной градостроительной доктрины.

В сегодняшних условиях градостроительная деятельность не ориентирована на планирование городов на основе развития производства, с точки зрения градообразующих отраслей. Если не развитие производства, то что должно лежать в основе градостроительного плана? Насколько разрабатываемые концепции учитывают потребности человека, ориентированы ли они на создание города как комфортной среды для обитания его жителей?

Потребности жителей Москвы и Московской области глазами заказчиков и проектировщиков

Задачи исследования включали выяснение того, насколько разрабатываемая концепция учитывает текущие и потенциальные потребности жителей Москвы и присоединяемых территорий.

Процедура проведения анализа

Был проведён контент-анализ корпуса текстов, сопутствующих конкурсу. В этот корпус вошли 16 документов, пертинентных¹ поставленной задаче. Корпус состоял из Положения о проведении конкурса на разработку проекта концепции развития Московской агломерации (далее – Положение), репортажей с семинаров конкурса, а также презентаций участников конкурса. Важно отметить, что Положение является программным документом, содержащим описание проблемной ситуации, потребностей и целевых ориентиров государствен-

¹ Пертинентным документом является документ, соответствующий информационным потребностям исследователя.

ного заказчика – Комитета по архитектуре и градостроительству г. Москвы. Остальные документы корпуса являются описанием этапов конкурса А. Н. Колонтаем – заместителем директора ГУП «НИиПИ Генплана Москвы» (заказчика разработки проекта). То есть содержание документов является интерпретацией этапов конкурса и предложений проектировщиков, в которых эксплицируется позиция заказчика. Ввиду различий типов и функций документов, вошедших в корпус, их контент-анализ проводился отдельно.

В исследовании использовались следующие категории:

Категория анализа – решение проблем, учёт интересов жителей Москвы и Московской области.

Единица анализа – концепт¹ «жители», который может быть выражен следующим рядом аналогов: горожане, жители, люди, москвичи, население, человек.

Единица счёта – упоминание отдельного слова. Количество их измерялось натуральным рядом чисел в абсолютном выражении или процентами в относительном.

Единица контекста – отдельное предложение, в рамках которого могло появиться одно или несколько интересующих исследователя слов.

Для задач анализа показательна как частота употребления единицы анализа во всём корпусе текстов, так частота и контексты её употребления отдельными позиционером.

Результаты анализа

Концепт «жители» употребляется в Положении в пяти различных контекстах (см. таблицу 1). Около 40% употреблений приходится на статистические данные – описание законодательных норм, состава и численности населения Москвы и Московской области.

Таблица 1

Количественное распределение контекстов употребления концепта «жители» в Положении, %

Контекст употребления концепта «жители»	Доля
Статистические данные	38
Проблема неравномерного расселения населения	23
Проблема нехватки рабочих мест	23
Целевое состояние проблемной области	8
Проблема маятниковой миграции	8

¹ Вслед за К. Карли, мы понимаем под «концептом» определённое понятие, идею или тему, которые могут быть выражены словом или словосочетанием.

Примерно четверть (23%) случаев употреблений концепта «жители» приходится на контексты, описывающие проблемы неравномерного расселения населения по территории Москвы и области. Выделяются три типа такого описания:

- потребность (... и политика дифференциации плотности расселения населения являются важными вопросами ...);
- предлагаемое решение (... создание которых будет направлено на ликвидацию диспропорций системы расселения населения ...);
- постановка задачи участникам конкурса (... дать укрупнённые показатели перспективного распределения численности населения...).

Такую же долю (23%) занимает употребление концепта «жители» в контексте проблемы создания новых рабочих мест и диспропорции мест приложения труда. Здесь также описываются соответствующие потребности (*В то же время в других районах Москвы и Московской области явно не хватает мест приложения труда для проживающего там населения; Вопросы оптимизации развития мест приложения труда... являются важными вопросами для рассмотрения участниками настоящего конкурса*), предлагаемое решение (...создание которых будет направлено на ликвидацию... мест приложения труда в юго-западной части Москвы и Московской области) и постановка задачи участникам конкурса (*дать укрупнённые показатели перспективного распределения... и рабочих мест по планировочным поясам...*).

Одно из употреблений концепта «жители» относится также к описанию характеристик проектируемой территории агломерации, но указывает скорее на их целевое состояние, а также текущие потребности и способы их удовлетворения (*Присоединение к Москве новых территорий с размещением на них объектов международного финансового центра, административно-офисных зданий и наукоёмких производств, учреждений высшей школы и пр. должно существенно повысить экономический потенциал Москвы, способствовать ускоренному росту ВРП, формированию дополнительных источников доходной части бюджета города, и, в конечном счёте, росту уровня и качества жизни москвичей*).

Следующее употребление концепта связано с описанием значимой для Москвы и Московской области проблемы – чрезмерной маятниковой миграции и её последствий, значительной нагрузки на различные сферы жизнедеятельности в городе и регионе – и сопутствующих проблем (*Концентрация рабочих мест в Москве, особенно в её центральной части, создаёт огромную нагрузку на транспортные, экологические, социальные сферы жизнедеятельности в городе и регионе. В то же время в других районах Москвы и Московской области явно не хватает мест приложения труда для проживающего там населения. Это предо-*

пределяет чрезмерную маятниковую трудовую миграцию, высокую нагрузку на транспортную систему как на въезде в город, так и внутри Москвы, а также на социальную сферу Москвы).

Таким образом, основными проблемами жителей Москвы и Московской области, описанными в основном программном документе конкурса являются:

- неравномерное расселение по территории Москвы и Московской области;

- нехватка рабочих мест и диспропорция мест приложения труда;

- чрезмерная маятниковая миграция и её последствия.

Во второй части корпуса – в репортажах с семинаров конкурса, а также в презентациях участников концепт употребляется в 9 различных контекстах (см. таблицу 2) Чаще всего (чуть более 40% употреблений) упоминается проблема неравномерного расселения населения. Об этом уже на первом семинаре конкурса говорили участники голландской команды О. М. А., в первой редакции концепции решение данной проблемы предлагали команды из МАРХИ, «Архитектурно-дизайнерской мастерской профессора Чернихова А. А.». На третьем семинаре данной проблеме уделит внимание заказчик, а также команды ЦНИИП Градостроительства. Итальянские проектировщики их команды STUDIO ASS SECCHI – VIGANO обратились к проблеме неравномерного расселения населения на четвертом семинаре. Наконец, на пятом семинаре решению данной проблемы уделит внимание французские команды ANTOINE GRUMBACH ET ASSOCIES и L'AUC. В итоговой презентации интенция решения проблемы неравномерного расселения населения эксплицирована в тексте единственной команды – ООО «Архитектурно-дизайнерская мастерская А. А. Чернихова» (снижение численности Москвы с 12 млн до 9,5–9 млн человек).

Таблица 2

Количественное распределение контекстов употребления концепта «жители» в репортажах с семинаров конкурса, %

Контекст употребления концепта «жители»	Доля
Проблема неравномерного расселения населения	42
Статистические данные	19
Проблема нехватки рабочих мест	16
Создание фонда жилой застройки	6
Решение проблемы маятниковой миграции	3
Создание высококачественного жилого фонда	3
Увеличение доли семей с высоким доходом среди жителей центральной части города	3
Реконструкция районов при участии населения	3
Решение инфраструктурных проблем	3

На втором месте (около пятой части ответов) – описание статистических данных: фактическая и прогнозная численность населения Москвы и Московской области, сезонная динамика численности, размеры миграционных потоков и пр.

Следующий по частоте упоминания контекст употребления концепта (16%) – описание проблемы нехватки и необходимости создания новых рабочих мест. На первом семинаре конкурса к проблеме обращались участники голландской команды О. М. А. На третьем семинаре голландцы конкретизировали своё предложение: «...сформировать крупный новый город вокруг Троицка с большим количеством рабочих мест, ориентированных, в том числе, на жителей Московских периферийных районов Тёплого Стана и Коньково». На четвёртом мероприятии этой проблемы коснулась американская команда URBAN DESIGN ASSOCIATES. На пятом семинаре свои решения предложили французы L'AUC и испанцы RICARDO BOFILL.

Вопросы жилищной политики поднимались в документах в двух формулировках, а именно: «*Переоборудование федеральных учреждений под жильё приведёт к созданию высококачественного жилого фонда и будет способствовать увеличению доли семей с высоким доходом среди жителей центральной части города*» (выступление URBAN DESIGN ASSOCIATES на четвёртом семинаре) и «*Улучшить жилищные условия: возможности для масштабного строительства*» (финальная презентация команды L'AUC).

Также упоминались предложения решения проблемы маятниковой миграции (команда ANTOINE GRUMBACH ET ASSOCIES в первой редакции концепции), увеличение доли семей с высоким доходом среди жителей центральной части города, ведение программ реконструкции микрорайонов при активном участии населения, решение инфраструктурных проблем (URBAN DESIGN ASSOCIATES на четвёртом семинаре).

Таким образом, среди проблем жителей Москвы и Московской области, заявленных в Положении, наибольшее отражение в конкурсных материалах проектировщиков получила проблема неравномерного расселения населения по территории Москвы и Московской области. Семь участников конкурса обращались к данной проблеме и возможным способам её решения как минимум в одном из отчётов.

Решение проблемы необходимости создания новых рабочих мест и диспропорции мест приложения труда предлагали в своих выступлениях четыре команды. Проблемы маятниковой миграции и возможных способов её решения коснулась единственная команда ANTOINE GRUMBACH ET ASSOCIES в первой редакции концепции.

Наблюдения, выводы и предложения

К сожалению, все вышеперечисленные проекты зарубежных и отечественных проектных бюро основаны на сухой статистической информации, без привязки к жизненным реалиям и проблемам жителей, проживающих на присоединённых территориях. Проектная документация в большей степени привязана к инфраструктуре и экономической целесообразности, в то время как человек уходит на второй план, и никто не знает о реальных проблемах горожан, их человеческом капитале и потенциальном ресурсе развития, который можно было бы использовать в рамках общей стратегии развития Новой Москвы. Да и, к сожалению, а может быть и по счастливой случайности, все эти проекты остались лишь на бумаге.

Сейчас уже 2015 год, жители Москвы так и не увидели нового проекта Генплана. Научное сообщество и общественные деятели встревожены тем, что «новые территории» без общей концепции развития потихоньку становятся чем-то аморфным, с невнятными отдалёнными перспективами и продолжающейся перманентной и массовой застройкой – 3 млн квадратных метров в год, достижением цифры 1 млн рабочих мест.

Возникает вопрос: расширение Москвы – это внятная жизненно необходимая стратегия развития мегаполиса и агломерации, или это просто необходимость в рамках интересов псевдоразвития?

Пока, к сожалению, мы наблюдаем хаотичные процессы возведения гигантских кварталов («Новые Ватутинки», «Рассказовка» и т. п.) в рамках кластерного развития новых территорий без концептуальной проработки, с экономическими расчётами, но без социальной составляющей. Мы не имеем в виду социально значимые объекты социальной инфраструктуры и создание новых рабочих мест, хотя это, конечно, жизненно важные элементы жизнеобеспечения горожан. Мы говорим о том, что сегодня подходы к развитию новых территорий и Москвы в целом не имеют надлежащей исследовательской проработки проблем социальной и экономической ситуации, не рассматриваются возможности цивилизованного включения населения в процедуры разработки стратегий их территорий жизнедеятельности и проживания. Уже сегодня неиспользование методов фиксации социальной чувствительности населения к реализации градостроительных проектов, *которые успешно применяются за рубежом в рамках социологического сопровождения градостроительных решений* [Мерзляков 2007: 70], приводит к столкновению интересов сторон, возникновению конфликтных ситуаций между жителями и органами власти Москвы. Так, целый ряд проблем, повлёкших за собой возникновение протестных организаций

Пока наблюдаются хаотичные процессы возведения гигантских кварталов («Новые Ватутинки», «Рассказовка» и т. д.) в рамках кластерного развития новых территорий без концептуальной проработки, с экономическими расчётами, но без социальной составляющей.

и конфликтов на новых территориях, получил своё развитие и эскалацию в результате присоединения территорий без надлежащего комплексного подхода и междисциплинарных исследований (архитектурных, экологических, социально-экономических). 1 июля 2012 г. порядка 250 тысяч жителей Подмосковья проснулись практически в неведении на территории Новой Москвы, став москвичами. Многие об этом узнали в тот день впервые, т. к. никаких публичных слушаний и обратной связи организовано не было, а информация транслировалась в одностороннем порядке в виде позитивных репортажей в региональных и местных СМИ. Первый организованный общественный запрос со стороны населения Новой Москвы, которое хочет знать общий вектор развития и конкретные шаги, касающиеся их среды проживания, датируется 26 апреля 2014 г., когда в Троицке прошёл форум по проблемам развития Новой Москвы. Инициаторами форума выступили горожане и общественная организация «Центр гражданских инициатив». Задачей форума стало объединение всех конструктивных сил, заинтересованных в реализации стратегии позитивного развития присоединённых территорий, вовлечение в процесс развития гражданских активистов, проживающих в Новой Москве, содействие диалогу гражданского общества и власти по вопросам развития присоединённых территорий. На форуме обсуждали актуальные вопросы местного самоуправления, экологии, развития транспортной и социальной инфраструктуры, проблемы градостроительной политики (включая жилищное строительство), создание новых рабочих мест и др. Тогда власти не оказали должного внимания данному мероприятию.

В марте 2015 г. началась презентация проектов территориальных схем застройки новых территорий. *«Прошедшие слушания – это какая-то адская профанация, – считает эколог, муниципальный депутат поселения Первомайское Наталья Белова. – Нас просто хотят обмануть: отнять наши 70 тыс. га леса и по ним пустить дороги. Это нанесёт непоправимый вред экологии»* [Буранов 2015: 4]. Протоколы публичных слушаний по территориальным схемам развития Новой Москвы сами жители обозначили как социально нежелательные для их территорий, направленные на строительство гигантских дорог, многоэтажную застройку и вырубку лесозащитного пояса Москвы. Когда мнения жителей Троицка составили 10% «против» расширения дорог внутри их города до 6 полос (в т. ч. под окна детсада и школы) и пуска по ним бесплатного обхода платного ЦКАД, Москомархитектура пишет отказ в связи с «перспективностью» пассажиропотока! Возникает совершенно логичный вопрос: а в чью пользу он перспективен? Почему не организуется общественный транспорт в Новой Москве (трамваи, электрички), а только удушающая

1 июля 2012 г. порядка 250 тысяч жителей Подмосковья проснулись практически в неведении на территории Новой Москвы, став москвичами. Многие об этом узнали в тот день впервые, т. к. никаких публичных слушаний и обратной связи организовано не было, а информация транслировалась в одностороннем порядке в виде позитивных репортажей в региональных и местных СМИ.

сеть дорог? На возражение жителей по поводу нежелательных автомагистралей через лес и лыжную базу, им отвечают, что эта дорога нужна для малочисленного соседнего поселения, жители которого на самом деле её не просили, и, более того, выступают против уничтожения общего леса.

22 марта 2015 г. прошла первая за несколько лет масштабная акция протеста против градостроительной политики московской мэрии. Жители Новой Москвы на митинге потребовали изменить маршруты проектируемых в ТиНАО трасс так, чтобы сохранить лесопарковые зоны. Также собравшиеся потребовали отставки префекта ТиНАО Д. Набокина, главы администрации поселения Московский Д. Андреевой и других чиновников. Ранее инициативная группа жителей направила письма мэру Москвы Сергею Собянину, в Москомархитектуру и другие ведомства с требованием пересмотреть строительные планы.

30 марта 2015 г. состоялось первое собрание независимого общественного движения «Новая Москва. Защита прав граждан»¹. На мероприятии присутствовали руководители инициативных групп четырнадцати поселений ТиНАО, муниципальные депутаты, старосты деревень. Всего в собрании приняли участие более сорока человек. Целью объединения являлось противостояние произволу и коррупции на территории Новой Москвы. В частности, в ближайших планах организации зафиксировано изучение нарушений на публичных слушаниях и содержания территориальных схем: юридическое и инженерно-техническое, а также включение экспертов в работу по вопросам экологии дорожного строительства.

5 апреля 2015 г. в посёлке Воскресенское Новой Москвы прошёл митинг за внесение изменений в территориальную схему развития и в проект дороги «МКАД – Коммунарка – Остафьево», прокладка которой запланирована в непосредственной близости от деревень Расторопово и Губкино.

Форум администрации г. Троицка пестрит сообщениями горожан о перегруженности взрослой и детской поликлиник, невозможности записаться к специалистам – очередь на месяц вперёд. Связано это с тем, что троицкие поликлиники теперь перегружены в 1,5 раза и обслуживают 62 тыс. жителей Троицкого округа вместо 45 тыс. жителей Троицка.

Среди названных локальных проблем, а их очень много, «всплыли» и общие проблемы присоединённой Новой Москвы: изношенность объектов ЖКХ (котельных, водозаборов, очистных сооружений, электросетей), неразвитость транспортной инфраструктуры ряда поселений (освещение, тротуары, рядности движения, остановки и пр.), недостаточная обеспеченность школами и детскими садами, учреждениями здравоохранения

¹ Более подробно о протесте можно узнать: <http://msk-tinao.livejournal.com/351044.html>.

и проблема их профессионально–кадровой неукомплектованности, проблема интеграции садовых некоммерческих товариществ в новые архитектурные и инфраструктурные условия города, а также и другие не менее социально значимые проблемы. Эти проблемы требуют постоянной обратной связи с населением для их оптимального и бесконфликтного разрешения. Ведь никому не известно, что за люди проживают на новых территориях, и какие у них имеются конкретные проблемы, требующие первоочередного разрешения? Что будет, если их не решать, или решать неправильно? Согласны ли горожане с конкретными шагами кластерного развития новых территорий? И вообще, какие ресурсы имеются у населения, чтобы использовать их для комплексного, социально и научно обоснованного развития территорий проживания? Это лишь некоторые вопросы, требующие тщательной проработки и исследовательского подхода.

Мы не против кластерного подхода развития Новой Москвы, которое Правительство столицы взяло на вооружение, и понимаем всю необходимость связей и объединения географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители, посредники) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующих в определённой сфере и взаимодополняющих друг друга. Тем более, наш Центр имеет свой опыт изучения кластерного развития регионов с выявлением социально ориентированного назначения кластерных проектов (исследование в рамках программы Президиума РАН) [Тихонов, Богданов, Мерзляков 2014]. Мы хотели лишь сказать, что для социально-экономического проектирования и реализации кластерной политики региона необходима диагностическая информация о потенциально возможном участии населения в конкретных кластерных проектах, направленных на сбалансированное комплексное развитие новых территорий, что и должно было бы стать основанием для реализации программы развития региона.

Без сомнения, позиции горожан должны быть услышаны и учтены, а информация о перспективах развития должна не только подаваться в актуальных информационных источниках, но и обсуждаться на встречах всех заинтересованных сторон. Для таких мероприятий должна использоваться специальная технология социального участия, позволяющая достичь оптимального решения проблем городского развития. Мы называем её «Технология прогнозного социального проектирования» (разработанная Межотраслевым научным коллективом под руководством профессора Т. М. Дридзе) [Дридзе 1994]. Технология направлена на разрешение жизненных проблем в контексте отраслевого и территориального развития поселений с привлечением к разработке всех заинтересованных субъектов (экспертов, бизнесменов, управленцев, населения).

Опыт подобного социального проектирования наш Центр социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН успешно апробировал в ходе разработок и реализации важнейших для Москвы и других городов градостроительных проектов и концепций:

- «Социологическое сопровождение строительства «Кутузовской развязки» по заказу правительства г. Москвы (июль–август 1998 г.).
- Разработка раздела «Социально-диагностический анализ локальной социальной и проблемных жизненных ситуаций» в составе «Генерального плана развития г. Бронницы Московской области до 2020 г.» (2007 г.).
- Модель социальной регуляции дорожного движения г. Москвы (2008 г.).
- Разработка раздела «Социально-диагностический анализ локальной социальной и проблемных жизненных ситуаций» в составе «Социально-экономической стратегии развития малого города Белёв Тульской области» (2011 г.).
- «Отношение населения района Раменки г. Москвы к строительству станции московского метрополитена «Ломоносовский проспект» и «Раменки»» (2013 г.).
- «Отношение населения г. Москвы к строительству транспортно-пересадочных узлов» (2014 г.).

Все эти проекты помогли реально отобразить критические проблемы на конкретных территориях проживания, получить объективные данные о социальной ситуации в целом, наметить конкретные векторы разрешения проблем с включением в реальную деятельность инициативной части населения, а также разработать компенсационные подходы к разрешению спорных и конфликтных ситуаций, которых на сегодняшний день, к сожалению, в Новой и Старой Москве не становится меньше.

Библиографический список

Буранов И. 2015. Новая Москва встала поперёк дороги / Коммерсантъ. № 49. С. 4.

Дридзе Т. М. 1994. На пороге экоантропоцентрической социологии // Общественные науки и современность. № 4. С. 97–103.

Распоряжение Правительства Москвы от 12.09.2011 № 683-РП «Об организации разработки Концепции развития Московской агломерации» // MosOpen.Ru Электронная Москва. URL: http://mosopen.ru/document/683_rp_2011-09-12 [Дата посещения: 15.03.2015].

Мерзляков А. А. 2007. Диагностическое исследование участия граждан в реализации градостроительных проектов // Социологические исследования. № 4. С. 70–74.

Тихонов А. В., Богданов В. С., Мерзляков А. А. 2014. Опыт дистанционного анализа реализации кластерной политики в региональном и отраслевом аспектах // МИР (Модернизация. Инновация. Развитие). № 4 (20). С. 52–66.

Moscow's Territorial Expansion: a Development Strategy or an Unjustified Necessity?

Bogdanov Vladimir Sergeyeovich

Candidate of sociological sciences, senior researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: valarf@mail.ru

Prosyanyuk Darya Vyacheslavovna

Candidate of sociological sciences, adviser of management programs of sociological researches, Russian Government Analytical Centre, Moscow, Russia. E-mail: darnice@mail.ru

Abstract. This article describes today's planned projects and tangible issues concerning the prospective development of new territories, proposed by the Moscow city council. The local authorities estimate that, in the long term, the new territories will be populated by 1.5 to 2 million people, which makes it necessary to work on the development concepts, drawing upon the implementation of Moscow's new development master plan. The local and federal government's plans to expand Moscow's territory have received extensive mass media coverage. The past three years have seen a large number of events that became major newsmakers in informative and analytical publications. This article presents the results of content analysis, spanning as many as 3,500 publications, and shows the chronological development of the issue in the context of newsmaking events that are related to the expansion of Moscow's territory. In addition, the article covers the key issues faced by the architectural and urban planning community, which have been registered in the preliminary conceptual studies for the Moscow metropolitan area development projects. Since today's Russia lacks a national doctrine governing urban planning, and since it would be irrational to approach urban planning from the point of view of the city's key industries, which do not have urban planning integrated into their production development strategies, architects and town planners are faced with a large number of challenges, which are connected with the conceptual base of drawing up urban planning documentation. And if not industrial production, what should the foundation of an urban development plan be? How do the concepts in question account for individuals' needs, and are they geared to turn the city into a comfortable place to live? These are the questions that we bear in mind when turning to case studies: the summarized analysis of the needs expressed by people living in Moscow and the vicinity, presented by the project authors and their clients during the international contest of the Moscow metropolitan area development concepts. This article presents a unique point of view on the way new territories should be developed, offering a socially responsible approach that is based on the social planning technologies and procedures introduced by the Center for Sociology of Management and Social Technology at the RAS Sociology Institute. This method has been successfully tested and incorporated during the development and implementation of urban planning initiatives and concepts that are vital for Moscow and other cities.

Keywords: diagnostics of a social situation, social and diagnostic research, ecoanthropocentric sociology, content-analysis, sociology of government.

References

Buranov I. Novaja Moskva vstala poperiod dorogi [New Moscow Rose Across the Road]. Kommersant, 2015, no 49, p. 4.

Dridze T. M. Na poroge ekoantropocentricheskoy sociologii [On the Eve of the Anthropocentric Sociology]. Obschestvennye nauki i sovremennost', 1994, no 4, pp. 97–103.

Rasporyazhenie Pravitel'stva Moskvy ot 12.09.2011 № 683-PII "Ob organizatsii razrabotki Kontseptsii razvitiya Moskovskoi aglomeratsii" [Decree of the Government of Moscow Dated to 12.09.2011 № 683-RP "On the organization of the Concept elaboration of the Moscow metropolitan area development]. MosOpen.Ru URL: http://mosopen.ru/document/683_rp_2011-09-12 [date of visit 15.03.2015].

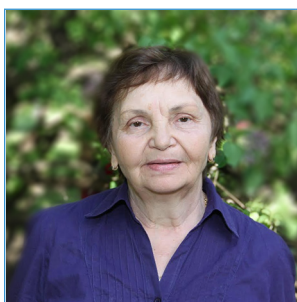
Merzliakov A. A. Diagnosticheskoe issledovanie uchastija grazhdan v realizacii gradostroitel'nykh proektov [Diagnostic Study of Citizens' Participation in the Implementation of Urban Development Projects]. Sociologicheskie issledovaniya, 2007, no 4, pp. 70 – 74.

Tikhonov A. V., Bogdanov V. S., Merzliakov A. A. Opyt distancionnogo analiza realizacii klasternoy politiki v regional'nom i otraslevom aspektah [Experience in the Analysis of the Implementation of the Remote Cluster Policy in Regional and Sectoral Aspects]. MIR (Modernizacija. Innovacija. Razvitie), 2014, no 4 (20), pp. 52–66.

Социальная активность в современной России

Сообщества социальных предприятий

Климова Светлана Гавриловна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: sgklimova@mail.ru

Климов Иван Александрович – кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

E-mail: klimov_ivan@list.ru

Щербакова Ирина Вячеславовна – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: irasher@yandex.ru

Сообщества социальных предприятий¹

Аннотация

Феномен социального предпринимательства в нашей стране недостаточно изучен. В частности, практически отсутствует анализ социальных эффектов этой деятельности. Это затрудняет достижение согласия экспертов относительно того, какое предприятие считать социальным. А такое согласие необходимо, поскольку нужны прозрачные критерии для реализации проектов материальной поддержки в виде грантов или льготных кредитов. Авторы уточняют два главных признака социального предприятия: «инновативность» и «социальность». Инновативность, на наш взгляд, это не только использование новых бизнес-идей, технических, технологических, организационных новшеств, но ещё и изменение правил и практик, в соответствии с которыми начинает жить социум, включённый в деятельность предприятия. Критерии «социальности» предприятия следующие. Во-первых, это наличие социально-культурного проекта, т. е. бизнес-стратегии, которая предполагает достижение заявленной социальной цели. Это, с одной стороны, развитие предприятия с опорой на человеческий творческий потенциал как главный ресурс развития и конкуренции. С другой – принятие некоторой миссии – создание новой ценностной и коммуникативной среды, тиражирование новых форм общежития, оказания социальных услуг. Создана типология социальных проектов. Во-вторых, наличие культурных концепций взаимодействия с персоналом. Эти концепции мы типологизировали по ориентации предпринимателей преимущественно на производственные функции при подборе сотрудников, либо на работника, когда функция подбирается под его возможности и интересы. И, в-третьих, наличие социальных сетей. В статье описаны сети, которые возникают вокруг социальных предприятий. Делается вывод, что кооперативная стратегия предполагает *капитализацию сети* – использование возможностей партнёра для достижения целей предприятия так, чтобы и партнёры получали свои выгоды от участия.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальное предприятие, инновативность, социально-культурный проект, сообщество, кооперация, этические нормы

¹ При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 29.03.2013 № 115-рп и на основании конкурса, проведённого Фондом ИСЭПИ. Руководитель проекта – Е. С. Петренко (ФОМ). В разработке темы принимали участие: И. Климов (НИУ ВШЭ); И. В. Щербаква (ИС РАН); И. И. Иванова (ФОМ); Ю. А. Кот (ФОМ).

Социальное предпринимательство и социальные предприятия

Определений социального предпринимательства довольно много. И, как это часто бывает, они не полностью совпадают в указании признаков этого феномена. Наиболее часто цитируемое определение принадлежит директору центра развития социального предпринимательства Университета Дюка США Грегори Дизу: социальное предпринимательство «соединяет в себе страсть к социальной миссии со свойственной бизнесу дисциплиной, инновацией и решительностью» [Цит. по: Баталина, Московская, Тарадина 2008: 10].

Г. Диз обратил внимание на то, что термины «предпринимательство» и «бизнес» не тождественны, и различия между ними – именно в инновативности первого [Dees 2001: 2]. Ещё один признак, основанный на определении Г. Диза, и важный для идентификации предприятия как социального, это принцип распределения прибыли: она направляется на развитие предприятия и социальные проекты, а не составляет прибыль владельца [Dees 2001: 5].

Автор пишет далее, что главное отличие социального предпринимательства от обычного бизнеса – социальная миссия: социальные улучшения, общественные блага, выгоды для людей, которые не могут платить. Богатство является лишь средством реализации этой миссии [Dees 2001: 5].

Тема реализации социальной миссии в предпринимательстве присутствует и в работах П. Друкера. Он считает эффект формирования сообществ на основе социальных инноваций важнейшим для некоммерческих организаций, наряду с выполнением своей миссии. Сообщество – это, по Друкеру, принадлежность к общине, которая формирует у человека ощущение гражданина, взявшего на себя ответственность; радеющего о своём ближнем; вносящего свой вклад в общее дело [Друкер 2007b: 15].

В России наиболее обстоятельное на сегодняшний день исследование, посвящённое социальному предпринимательству, выполнено коллективом учёных Высшей школы экономики под руководством А. А. Московской. Авторы отвечают на ключевой вопрос этой темы: зачем нужны социальные предприятия? Они указывают на проблемы, которые невозможно разрешить с помощью сложившихся организационно-экономических механизмов: традиционного бизнеса, ориентированного на прибыль владельцев, государственного аппарата, некоммерческих организаций. К этим проблемам относятся безработица, социальная исключённость уязвимых категорий населения; углубление неравенства между социальными группами и странами, расширение социальных потребностей

населения, которое формирует запросы на диверсификацию социальных услуг; снижающаяся социальная эффективность НКО [Социальное предпринимательство... 2011: 18–19].

По данным аналитического обзора «Социальное предпринимательство в России», подготовленного сотрудниками Аналитического центра МСП Банка, социальные предпринимательства осуществляют также НКО, когда они занимаются коммерцией, чтобы покрыть издержки своей основной деятельности, и при этом коммерческая деятельность соотносится с миссией (например, продажа поделок детей-инвалидов для их поддержки); бизнес-организации, когда они реализуют благотворительные проекты; дочерние структуры некоммерческих организаций, когда они зарабатывают деньги для реализации уставных целей НКО [Аналитический обзор... 2013].

Возникает вопрос: в чём преимущества и особенности социальных предприятий как субъектов социального предпринимательства по сравнению с благотворительными проектами бизнеса и коммерческой деятельностью НКО? Общепринятой является точка зрения, что социальное предпринимательство отличается от бизнеса приоритет социальной миссии по сравнению с получением прибыли. Этот критерий мы считаем необходимым, но недостаточным для идентификации социального предпринимательства.

Мы предположили, что такими особенностями и преимуществами являются, во-первых, *длительный срок существования* социальных предприятий по сравнению с разовыми акциями благотворительности бизнеса или коммерческой деятельности НКО, а это значит, что социальные предприятия должны иметь автономный институционализированный статус. Во-вторых, *включённость в социум*, в котором ведётся их производственная деятельность. Эта включённость требует учёта социального контекста – особенностей образа жизни, имущественного и образовательного статуса сообщества, в котором предприниматель реализует свою миссию. Учёт социального контекста позволяет использовать ресурсы локальных социальных сетей (дружеские, профессиональные, соседские связи). Тем самым социальные предприятия неизбежно оказывают влияние на структуру социума, изменяя или создавая заново эту структуру с новой системой статусов и социальных ролей. В-третьих, благотворительные акции бизнеса и предпринимательские эксперименты НКО чаще всего не требуют изменения правил – как системных, регулирующих социетальные условия жизни, так и локальных, действующих в той сфере, где работает предприятие. На социальном предприятии предприниматель неизбежно становится социальным новатором, поскольку решение его частной проблемы зачастую *требует изменения правил и практик*. В-четвёртых, для людей, так или иначе включённых в деятельность таких предприятий,

открываются новые возможности в долговременной перспективе. Это возможности улучшить своё материальное положение; возможности профессионализации и самореализации; возможность оказаться причастным к значимому кругу людей, и, соответственно, обрести собственную локальную идентичность, изменить самооценку и сложившиеся поведенческие и ценностные стереотипы.

Эти критерии соответствуют сложившейся на сегодня идеологии социального предпринимательства и имеют практический смысл.

С совершенно конкретной целью – определить круг предпринимателей, которым следует давать гранты, сформулировал своё определение социального предпринимательства Фонд «Наше будущее»: это «новаторская деятельность, изначально направленная на решение или смягчение социальных проблем общества на условиях самокупаемости и устойчивости» [Фонд «Наше будущее»...]. В этом определении ключевыми являются два признака: социальное предпринимательство это (1) предпринимательство (а не бизнес и не бесплатная работа активистов в общественных организациях и (2) реализация социальной миссии (решение социальной проблемы, актуальной для местного сообщества).

Априорное конструирование понятия для аналитических целей и его эмпирическая верификация для полевого исследования – это разные работы. В этом мы убедились, когда, обогащённые знаниями и опытом экспертов, попытались приложить это знание к конкретным объектам, чтобы решить, какие предприятия мы можем считать социальными.

Во-первых, что значит предприятие, решающее социальную проблему сообщества? Практически любое предприятие решает какую-то социальную проблему (либо того, кому оно продаёт продукт, либо своих работников, если оно предоставляет им оплачиваемые рабочие места, либо и тех, и других). Понятие «социальная проблема» относительно. Проблема есть тогда, когда она актуальна для сообщества (например, пекарня решает социальную проблему, если кроме неё некому в данном населённом пункте испечь хлеб и доставить его потребителям).

Во-вторых, какой социальный смысл в кооперации как одном из инструментов эффективности социальных предприятий? А. Московская и её коллеги считают кооперацию (создание сообществ вокруг социальных предприятий) средством преодоления ресурсной недостаточности; способом конвертации социального капитала в материальный [Социальное предпринимательство... 2011: 190]. Для экономического анализа такая оценка, возможно, вполне достаточна. Однако, если говорить о социальных эффектах, создание социальных сетей вокруг социальных предприятий может рассматриваться как самостоятельный, если не важнейший результат их деятельности.

В третьих, какой социальный смысл в инновативности предпринимательства? Чтобы добиться успеха, любой предприниматель должен либо найти наименее конкурентный вид деятельности, либо такое сочетание ресурсов, которое позволило бы ему стать конкурентоспособным.

Социальное новаторство, на наш взгляд, – это характеристика деловой стратегии руководителей, которые меняют правила и практики, существующие не только в границах целей предприятия, но и тех, что определяют жизнь более широкого сообщества (например, новая мода, стиль жизни) [Климов 2014], а солидарность – не только ресурс, но и результат, эффект деятельности. Предприниматель – социальный новатор – создаёт образцы таких практик в той сфере, в которую он вошёл со своей предпринимательской идеей. Эти образцы не становятся «коммерческой тайной». Они тиражируются (или, по крайней мере, становятся доступными для тиражирования) в более или менее широком сообществе. Возникающее благодаря деятельности социального предприятия солидарное сообщество приобретает не только материальные блага, но и новое качество жизни, которое трудно измерить экономическими показателями. Это новая идентичность, способствующая возникновению профессиональных и дружеских связей; жизненные перспективы в связи с новыми возможностями самореализации; нормативная определённость, основанная на усвоенных ценностях, которые разделяются сообществом.

Для целей нашего исследования мы несколько переопределили признаки социальных предприятий, присутствующие в большинстве определений. Этих признаков у нас получилось пять.

1. Предприятие (организация), должно иметь юридическое лицо или быть официально зарегистрированным как индивидуальный предприниматель (ИП). Не может считаться социальным предприятием какой-то, например, благотворительный проект бизнеса.

2. Предприятие должно давать прибыль, которая частично идёт на развитие предприятия; частично распределяется внутри сети участников (пайщиков, совладельцев); частично идёт на социальные проекты и (или) на благотворительность. На каком-то этапе или в какой-то части могут использоваться средства спонсоров или государственной поддержки, но эти деньги не должны быть единственным источником существования предприятия.

3. Социальное предприятие участвует в решении социальных проблем. Отличие социального предприятия от благотворительности бизнеса в том, что проекты социального предприятия не разовые, а более или менее долговременные,

Социальное новаторство – это характеристика деловой стратегии руководителей, которые меняют правила и практики, существующие не только в границах целей предприятия, но и тех, что определяют жизнь более широкого сообщества (например, новая мода, стиль жизни).

прямо или косвенно связанные с основной деятельностью социального предприятия и ориентированные на благополучие социума, в котором существует это предприятие.

4. Социальный предприниматель становится социальным новатором. Он создаёт правила жизни социума (уставы, декларации, регламенты деятельности) и новые практики (моду, стиль жизни) или добивается изменения правил, регулирующих близкую ему сферу деятельности.

5. Вокруг бизнеса складывается сеть социальных контактов. Сеть – это более или менее устойчивое сообщество, в котором контакты с центром сети дополняются горизонтальными контактами. При этом контакты (получение благ) не односторонние, а сетевые, т. е. сама сеть мультиплицирует распространение благ. Сеть – не только поставщики сырья и получатели продукта, но и разнообразные дочерние структуры, а также партнёры, добровольные помощники и другие акторы, включённые в сферу деятельности предприятия.

Социальные сети – самоорганизующиеся более или менее стабильные сообщества, возникающие вокруг какого-либо проекта: предпринимательского, социального или и того, и другого. Социальное предприятие, в идеале, способно стать центром и каналом создания сообществ, объединённых не только материальным интересом, но и отношениями сотрудничества, взаимного доверия и взаимопомощи.

Анализ социальных сетей предприятий, вошедших в выборку, предполагал решение следующих задач.

1. Анализ социально-культурного проекта в предпринимательском замысле.

2. Выяснение установок предпринимателей на создание и поддержание сети в зависимости от производственных задач и понимания своей миссии.

3. Описание автономных акторов, реально включённых в сеть, центром которой является социальное предприятие. Эти акторы должны быть выделены друг для друга по значимым для взаимодействия признакам. Например: представители властей, предприниматели, родители, туристы, владельцы приусадебных участков, покупатели и пр.

4. Выяснение способов капитализации сети, использование ресурсов каждого участника для повышения общей конкурентоспособности для предприятия и выяснение выгод, которые получают участники социальной сети. Выгода может быть стандартной для всех (например, в случае долей в прибыли) или уникальной, когда участники получают свои выгоды (деньги, здоровье, общение, информацию, связи и пр.).

Мы изначально предполагали, что не все отобранные для исследования случаи будут соответствовать всем заявленным критериям. Однако это обстоятельство стимулировало обсуждение критериев и их эмпирических референтов ходе анализа. Возможно, дальнейшее их обсуждение заинтересованными лицами послужит большему пониманию феномена социального предпринимательства в нашей стране, его особенностей и проблем.

Эмпирическая база исследования¹

В соответствии с концепцией исследования мы отобрали руководителей или владельцев социальных предприятий, ориентируясь на максимально возможное разнообразие сфер деятельности. Всего получено 15 интервью от руководителей социальных предприятий. Бизнес наших респондентов – это, чаще всего, услуги населению, частным лицам.

В образовании и педагогике функционируют три социальных предприятия: Негосударственное образовательное учреждение «Академический лицей им. Н. И. Лобачевского» в Казани; АНО «Международный образовательный центр Монтессори-педагогике» (Тихвин); Образовательное учреждение «Светоч» (Химки, Московская обл.).

Оказывают оздоровительные услуги, работают в сферах туризма, спорта или досуга пять предприятий: Конно-спортивный клуб «GoldenHorse» в Камышине; ООО «Горький Хостел» в Нижнем Новгороде; ООО «Сервис-парк», «Юго-Камские горки» (Юго-Камск, Пермский край); ИП Филимонов В. В., Тренажёрный зал «Атлант» (Тольятти); Коломенский центр развития познавательного туризма «Город-Музей».

Занимаются производством три предприятия: ИП «Весёлый пряник» (производство имбирных пряников, Тольятти); ООО «Картонно-переплётная фабрика» (Волжский); ООО «Темп-Протект» (производство промышленной автоматики для хранения зерна, Краснодар).

По одному предпринимателю работают в сферах социальной помощи (ООО «Обсервер», обслуживание импортных инвалидных колясок, Калининград), торговли (социальный магазин «Благодарение» Волгодонск) и медицинских услуг (АНО «Медицинское объединение «Реалмед», Пермь).

¹ Мы сохраняем подлинные названия анализируемых предприятий, во-первых, потому что они участвуют в открытых конкурсах; информацию о них можно найти на сайте Фонда «Наше будущее». Во-вторых, потому что их истории контекстуальны, завязаны на конкретные обстоятельства, организацию пространства, символические ценности, которые невозможно извлечь из этих историй, не лишив их содержания.

Организационная форма вошедших в выборку социальных предприятий оказалась самой разнообразной: ООО, ИП, НКО (некоммерческая организация), кооператив, АНО (автономная некоммерческая организация), НП (некоммерческое партнёрство). Руководители и владельцы всех предприятий, если судить по материалам интервью, считают их социальными. Во-первых, потому что они либо работают в социальной сфере (например, в образовании), либо выполняют важную социальную функцию (например, дают работу инвалидам или молодёжи без опыта работы). Во-вторых, их считают социальными предприятиями другие, и, прежде всего, представители фонда «Наше будущее», который даёт гранты на развитие.

Существует социальный бизнес, если считать от времени регистрации, как правило, не больше 10 лет, но чаще всего – 2–3 года. Исключение – картонно-переплётная фабрика в Волжском, которая существует с 1963 г. и считается социальным предприятием, потому что даёт работу инвалидам. По технической оснащённости и условиям труда, если судить по признанию директора, предприятие «соответствует 1905 году». Может ли такое предприятие считаться социальным, или оно, напротив, асоциальное – составляет предмет особого разговора на тему о том, что лучше для инвалидов: иметь хотя бы такую работу или не иметь её вовсе, и допустима ли такая альтернатива.

Если судить по числу работников, респонденты, как правило, владеют малыми предприятиями. Число занятых – от одного до 150 человек. Однако, если учитывать не только штатных сотрудников, но и сезонных работников, партнёров, добровольных помощников, то число включённых в деятельность того или иного предприятия может увеличиваться в два–три раза.

Финансирование деятельности социальных предприятий осуществляется за счёт:

а) получения доходов от дружественной аффилированной коммерческой организации (их, как правило, возглавляет один и тот же человек). Фактически прибыльная организация содержит социально ориентированную, является донором для неё («Светоч»; «Обсервер»).

б) доходов от собственной деятельности. В обоих вариантах заложена самокупаемость социального предприятия и распределение доходов исключительно на зарплату его сотрудникам, а также оплату расходов на поддержание его материальных фондов. Не исключается получение грантов, кредитов, беспроцентных займов, но большинство респондентов подчёркивают, что основная часть вложенных в социальное предприятие финансовых ресурсов – это деньги, получаемые от основной деятельности.

в) средств доноров – государственных учреждений, частных лиц или организаций (фондов), которые дают социальному предприятию деньги на какой-то конкретный проект или вид деятельности, беспроцентный кредит или грант.

Социально-культурные проекты предпринимателей

Социально-культурный проект в нашем случае – бизнес-стратегия, которая предполагает достижение заявленной социальной цели. Это, с одной стороны, развитие предприятия с опорой на человеческий творческий потенциал как главный ресурс развития и конкуренции. С другой – это принятие некоторой миссии: создание новой ценностной и коммуникативной среды, тиражирование новых форм общежития, оказание социальных услуг (например, лечение, реабилитация больных).

Типы социально-культурных проектов, которые встретились нам в интервью с социальными предпринимателями, варьируются от самых простых, содержащих лишь идею предприятия как места коммуникации, до очень разветвлённых, организационно сложных, требующих для реализации немалых финансовых и креативных усилий. Организационная сложность возникает, когда необходим альянс разных организационно-правовых структур. Чаще всего это альянсы бизнес-организаций и НКО, которые создаются тогда, когда выполнение социальной миссии требует особой профессионализации, организации деятельности, а также государственной финансовой поддержки или средств благотворителей.

Для различения социально-культурных проектов, попавших в нашу выборку, мы взяли два основания.

Первое – это ориентация на широкие круги потребителей либо на какие-то конкретные социальные группы, в том числе признаваемые социально незащищёнными.

Второе основание – ориентация бизнес-стратегии на производственную моноцель либо на диверсифицированные цели, когда продукт или услуга предоставляются в комплекте с социально-культурной программой, которая предполагает некую социальную миссию, культурную концепцию. Такая культурная программа может сопутствовать основной услуге, развивая её, а может отстоять довольно далеко от основной производственной программы, но именно благодаря этой культурной концепции стать коммерчески успешной, делая предприятие более конкурентоспособным, интересным для потребителя.

Опишем содержание социально-культурных проектов предпринимателей, попавших в нашу выборку.

Социально-культурный проект – это бизнес-стратегия, которая предполагает достижение заявленной социальной цели. Это развитие предприятия с опорой на человеческий творческий потенциал как главный ресурс развития и конкуренции и принятия некоторой миссии: создание новой ценностной и коммуникативной среды, тиражирование новых форм общежития, оказание социальных услуг.

Первый тип: ориентация производства на моноцель и широкие слои потребителей. К этому типу отнесено три предприятия: «Весёлый пряник», Картонно-переплётная фабрика, ООО «Темп-протект». Все они производят только один какой-то продукт (пряники, картонные папки, приборы учёта и контроля условий хранения и переработки зерна).

Свою концепцию социальности все они строят на предоставлении рабочих мест социально незащищённым людям. Для картонно-переплётной фабрики эта миссия была задана изначально и обоснована фактом организационной принадлежности обществу инвалидов. Два других встроили идею социальности в наличное производство дополнительно, когда узнали о возможности получить грант от Фонда «Наше будущее». Мы не можем сказать, насколько эффективны социальные проекты на втором и третьем предприятии, но, судя по тому, что руководители говорили о них крайне скупно, можно предположить, что перспектив развития у них немного.

Второй тип: ориентация на моноцель и специализированные слои потребителей, которые можно назвать слабоборесурсными группами. Это: магазин подержанных вещей «Благодарение», АНО «Реалмед», тренажёрный зал «Атлант». Концепция социальности здесь строится на учёте интересов потребителей. Это бедные люди; больные, не имеющие денег на платное лечение; неблагополучные подростки.

В каждом случае есть какие-то новаторские идеи, которые призваны поменять сложившийся порядок помощи таким людям или (и) изменить их самих. Например, социально-культурная концепция АНО «Реалмед» состоит в том, чтобы принимать полисы ОМС; предоставлять услуги по срочной медицинской помощи, лечению и реабилитации; тиражировать организационные и управленческие решения. Тем самым достигаются три цели: во-первых, тиражированная инновация становится нормой, принятой практикой, и её не нужно постоянно обосновывать во властных кабинетах. Во-вторых, в сообществе профессионалов возникают согласованные стандарты оказания медицинской помощи. И, наконец, организационно-управленческие технологии становятся источником дополнительного дохода.

Третий тип: ориентация на диверсифицированные цели для специализированных слоёв потребителей. В этот тип у нас попало только одно предприятие – ООО «Обсервер», которое занимается ремонтом и техническим обслуживанием инвалидных колясок и реализует разнообразные социальные проекты для инвалидов-колясочников. Роман Аранин, руководитель ООО «Обсервер» из Калининграда, определяет свою миссию как создание безбарьерной среды для инвалидов, которые не хотят «сидеть и смотреть в окошко». Именно этим концептом, как считает респондент, его организация отличается от

тех, которые только «организуют утренники и чаепития» или просят помощи. Примечательность этого социального проекта в том, что его автору удалось операционализировать идею создания безбарьерной среды до стадии конкретных организационных решений и соединить эти решения с основным бизнес-проектом – ремонтом импортных инвалидных колясок. Совершенно очевидно, что здесь бизнес существует в комплекте с социальным проектом: коляски нужны инвалидам, которые хотят вести активный образ жизни.

Четвёртый тип: ориентация на диверсифицированные цели для всех слоёв потребителей. В этот тип вошло больше всех обследованных случаев: 8 из 15-ти. Здесь мы выделили три группы: 1) бизнес существует автономно, являясь донором для реализации социальных проектов; 2) бизнес является основой и центром социального проекта, предметно связан с ним (здесь задача социальных проектов для бизнеса – как можно полнее реализовать возможности основной цели организации); 3) бизнес и социальные проекты предметно не связаны, но дополняют друг друга, создавая эмерджентный эффект, который не мог бы возникнуть, если бы бизнес-проект и социальные проекты существовали автономно.

Выделенные три группы социальных проектов, отнесённые к четвёртому типу, выглядят наиболее перспективными. Рассмотрим их подробнее.

Первая группа: бизнес – донор для реализации социальных проектов

Хозяин предприятия «Светоч» занимается монтажом и эксплуатацией оборудования для использования солнечной энергии. Основная производственная площадка – в Хургаде. Там он обнаружил, что большая русскоязычная диаспора в Египте испытывает острую потребность в образовании детей на русском языке. С другой стороны, предприятие нуждалось в квалифицированных работниках. Поэтому проект школы в Египте вырос естественным образом из потребностей производства. Второй проект – тоже образовательный – школа для одарённых детей с углублённым изучением физики и математики. Третий – сеть домов престарелых в Московской области. Основные капиталовложения сделаны предпринимателем, а функционируют они за счёт родителей и родственников.

Зачем предпринимателю вкладываться в заведомо неприбыльное дело? Сам он говорит об этом как о моральном долге. Но есть ещё один вид дивидендов, о которых говорится вскользь: это репутация и создание социальных сетей, которые могут трансформироваться в какие-то новые проекты.

Вторая группа: бизнес – основа и центр социального проекта

В эту группу мы включили случаи, когда бизнес включается в реализацию социальных проектов, поскольку существует в социальной сфере, и новые проекты естественным образом дополняют основную деятельность. Дополнительные виды деятельности делают основной продукт более привлекательным для людей, поскольку услуги становятся разнообразными, ориентированными на разные категории потребителей. Это, прежде всего, предприятия, которые работают в сфере образования, воспитания и досуга.

Случай негосударственного образовательного лица в Казани организационно сложен, впрочем, как и другие случаи этого типа. Сложность его реализации в том, что создателям и сотрудникам нужно было провести немалую работу, чтобы соответствовать государственным образовательным стандартам. Это с одной стороны. С другой стороны, нужно было давать детям среднее образование такого качества, которое стало бы образцом и для государственных школ, сделало бы детей конкурентоспособными при поступлении в вузы и в дальнейшей карьере. Для этого учредитель и директор школы по максимуму используют те институциональные возможности, которые может дать сотрудничество с академическими и образовательными учреждениями, инновационными предприятиями, общественными организациями. Это конкурсы, научно-исследовательские проекты, в которые включаются ученики лица, фестивали, конференции.

Потенциальный жизненный успех ученикам лица обеспечивают не только уровень знаний и коммуникативные навыки, но и контакты с представителями большой науки, которые определяют ориентиры для развития творческого потенциала ребёнка и дают понимание того, как, собственно, эта наука устроена. В лицее существует практика создания собственных творческих проектов, включающих фестивали, балы, концерты, кружки. Директор лицея озабочена не только тем, чтобы обеспечить ученикам конкурентные преимущества на рынке труда в будущем, но и тем, чтобы сформировать у них навыки гражданского поведения. Тем самым лицей берёт на себя функцию трансляции гражданских ценностей. В комплекте со знаниями, необходимыми для дальнейшей образовательной карьеры, ученики в лицее получают самые разнообразные ресурсы: от навыков научной работы до привычек к активному творчеству и в профессии, и в быту.

Хорошо иллюстрирует идею комплектности в бизнес-стратегии социального предприятия, когда бизнес и социальный проект существуют в комплекте с ориентацией на

широкий круг потребителей, история конно-спортивного клуба «Золотая лошадь» в Камышине. Руководитель понял, что предприятие, которое требует больших капиталовложений и на начальном этапе, и в процессе эксплуатации, будет успешным, только если будут мобилизованы все возможности клуба. Он подчёркивает, что каждое направление в отдельности невыгодно, и только их сочетание даст экономический эффект и позволит выполнить социальную миссию. Однако хозяин клуба отмечает, что работа с больными детьми всё-таки требует донорских ресурсов.

Идея формирования нового стиля жизни и пространства общения легла в основу бизнес-проекта «Горький хостел». Директор гостиницы объясняет, что дешёвая гостиница отличается от хостела именно тем, что хостел – не просто место для ночлега. Мероприятия, которые организуют в «Горьком хостеле» – это не только рекламные акции. Это услуги, которые предлагаются в комплекте с ночлегом, но так, что превращают обыденное дело в событие. Привлекаются молодёжные организации, которые устраивают творческие вечера, праздники, приуроченные к каким-то датам, конкурсы, кинопоказы, ресторанные дни. *«Мы раздвигали кровати, ставили столики, стульчики, пуфики, кто-то на подушечках на полу сидел. Официанты и повара – все сотрудники, администраторы хостела. Как оказалось, всё можно заказать – первое, второе и третье, и компот»* (ООО «Горький хостел», Нижний Новгород).

Третья группа: бизнес и социальная программа предметно разделены, но формируют цельный проект

Широко известный проект этого типа представлен в нашей выборке Коломенским центром развития познавательного туризма «Город-музей». Центр с самого начала был спроектирован как органичное единство трёх компонентов: музей, инфраструктура, культурное предложение. И именно это комплектное предложение позволило руководителям центра сделать проект успешным, хотя сами по себе эти три компонента не дали бы такого результата. Концепт «культурное предложение» требует расшифровки, поскольку он заинтересовал потребителей и принёс известность музею. Культурное предложение – это активность, реальная жизнь в музейных комплексах, в которую на час или на несколько недель могут включиться желающие. В бывших промышленных предприятиях и коммунальных пространствах создаются творческие мастерские и выставочные пространства, музеи. Организована гостиница для художников, которых приглашают в Коломну: *«Часть – это музей, который коррелируется с 1962-м годом, когда жил Венедикт*

Ерофеев, это коммуналка. Другая часть – это выставочное пространство для художников. Мы каждый год выделяем из своих средств шесть грантов. Провели международный конкурс, получили 72 заявки из Европы, Африки, стран бывшего Советского Союза, России» (Коломенский центр развития познавательного туризма).

Социально-культурным проектом можно считать и коломенскую пастилу, которая, с одной стороны, дала работу местным жителям, а с другой – стала известным брендом Коломенского музея. Вряд ли сама по себе пастила без культурной концепции стала бы столь популярной. Примечательно, что концепция эта постоянно обогащается, снабжается новыми смыслами и социальными функциями (сохранение традиций, уникальность, праздничность и пр.). Но и производство пастилы становится серьёзным материальным и репутационным ресурсом для музея. Пастила оказалась только началом, запустив процесс мультиплицирования музеев, связанных с бытом коломчан. Эта деятельность оформлена в концепт «доступность наследия»: возможность не только увидеть или попробовать что-то связанное с жизнью предков, но и шанс понять их (образ жизни, ценности, печали, радости). *«Доступность наследия – это и физическая доступность, вход почти во все музеи бесплатный. И ментальная доступность, чтобы людям было понятно на любом уровне, что до них хотят донести, что сказать».*

Руководитель коломенского музейного центра мечтает о том, чтобы иметь такую организацию, которая включала бы весь комплекс услуг для туриста: музеи, сувениры, открытое для посетителей производство этих сувениров (фактически продолжение музея), гостиница, ресторан, театр.

Культурные концепции взаимодействия с персоналом

Культурные концепции взаимодействия с персоналом мы попытались типологизировать по ориентации предпринимателей преимущественно на производственные функции при подборе сотрудников, либо на работника, когда производственная функция подбирается под него.

Поскольку все включённые в выборку предприятия заявлены как социальные, их руководители в большинстве ориентируются на вторую стратегию, когда *функция подбирается под работника*. Они подчёркивают, что предоставляют рабочие места социально незащищённым людям: специалистам без опыта работы (ООО «Темп-протект», Краснодар; ООО «Горький хостел», Нижний Новгород); безработным жителям округа в городе (центр развития познавательного туризма, Коломна) и, чаще всего, – инвалидам.

Культурные концепции взаимодействия с персоналом типологизированы по ориентации предпринимателей преимущественно на производственные функции при подборе сотрудников, либо на работника, когда производственная функция подбирается под него.

Наиболее развёрнутое обоснование того, почему нужно трудоустраивать безработных жителей города или района, где расположено предприятие, содержится в интервью руководителя центра развития познавательного туризма в Коломне. Она убеждена, что стратегия «брать своих» мотивирует людей на усердный труд, создаёт положительную репутацию у горожан, обеспечивает благополучие района и делает его привлекательным для туристов. Кроме того, она рассматривает такую стратегию как компенсацию неудобств, связанных с большим потоком туристов для окрестных жителей: *«Когда мне приносят несколько заявлений на работу, я говорю: посадские в первую очередь. Чтобы люди, которые живут вокруг нас, чувствовали, что мы одна команда. Коломна, Воскресенск, Егорьевск, Луховицы – радиус порядка 200 километров. Вначале у нас был один работник, потом три, 20 работников, а теперь уже около 135 человек. Каждый новый музей даёт порядка 30-ти рабочих мест».*

Для тех, кто берёт на работу инвалидов, задача сложнее. Нужна такая работа, чтобы она была по силам, но не выглядела как эксплуатация тех, кому просто невозможно найти другое место. И здесь руководитель Коломенского музейного центра предлагает самую развёрнутую концепцию кадровой работы с инвалидами. Она считает, что подобрать функцию «под работника» – это не просто дать шанс заработать деньги, но и показать человеку, что он нужен: *«Для людей с ограниченными возможностями у нас сделаны пандусы. В штате есть люди, которые на колясках работают. Занимается этим мой старший сын. Он рассказывает: «Мама, она не может работать, у неё трясутся руки». Я говорю: «Сынок, ты не можешь ей сказать уходите. Пусть она подметёт пол в этой коляске, что угодно...». Спустя какое-то время спрашиваю: «Ну, как?» Он говорит: «Мама, через неделю она пришла с макияжем, потом пришла в новой блузке, а теперь она сидит и под радио поёт песни себе под нос». Я говорю: «Сынок, вот ради этого можно жить».*

Соответствие работника производственной функции как критерий подбора персонала используется тогда, когда эта функция связана с выполнением задач, требующих глубоких профессиональных знаний, например, воспитание и обучение детей, лечение, организационное и финансовое обеспечение деятельности предприятия. Но и здесь наиболее продвинутые руководители социальных предприятий задумываются о мотивации сотрудников как способе повышения эффективности производства. Реализуются социальные проекты, которые сами респонденты называют инвестициями в персонал и которые в нашей стране имеют традиции социальной поддержки работников на советских предприятиях. Конечно, практически нет случаев, когда такая поддержка носила бы системный харак-

тер, как при Советской власти, и включала бы весь комплекс услуг: обучение, лечение, питание, отдых, досуг. Но те или иные элементы кадровой социальной политики встречаются и рассматриваются не как «накладные расходы», а именно как инвестиции, способные конкурировать за работника на рынке труда, делать его работу более эффективной за счёт повышения квалификации и дополнительной мотивации.

Так же, как и большинство крупных предпринимателей, хозяева обследованных социальных предприятий предпочитают персонифицированные инвестиции в персонал, когда реализуется один или несколько проектов социальной поддержки или когда учитываются особенности и интересы конкретного работника. Такой подход к работе с персоналом, в частности, использует руководитель АНО «Реалмед» в Перми. Он построил работу с персоналом в заимствованную на передовых западных предприятиях систему BSC (сбалансированная система показателей достижения стратегических целей предприятия), которая *«закljučается в следующем: если предприятию нужен сотрудник и этот сотрудник предприятие устраивает, то руководитель выясняет пожелания человека и создаёт для него такие условия, чтобы его ожидания оправдались. Так инициативы человека используются на сто процентов. Если создать условия для самореализации работника, то не надо контролировать, делает ли он то, что нужно. Когда BSC-система внедрена, то управленческого персонала нужно меньше, не нужно контролёров, видеокамер».*

Фактически проекты взаимодействия с персоналом являются проявлением социального новаторства, поскольку они не просто воспроизводят патерналистские идеи советского времени и не буквально копируют западные стандарты управления персоналом, а встраивают отечественные практики и западные идеи в свой особый контекст, обусловленный особенностями предметной деятельности и социума, среди которого существуют.

Цели предприятия и установки на создание и поддержание сети

Линейные сети, включающие поставщиков, работников, потребителей услуг и представителей исполнительных органов власти, мы зафиксировали только на четырёх из 15-ти социальных предприятий, включённых в выборку. Остальные имеют более широкую сеть контактов, с которыми лидеры выстраивают кооперативную стратегию.

Набор акторов, включённых в сеть, определяется и производственными задачами, и тем, как социальный предприниматель понимает свою миссию. Кооперативная стратегия

предполагает капитализацию сети – использование возможностей партнёра для достижения конкретных целей предприятия таким образом, чтобы и партнёры получали свои выгоды от участия.

Например, руководитель Академического лицея им. Н. И. Лобачевского (Казань) поддерживает регулярные контакты не только со всеми органами управления образованием, чтобы соответствовать государственным стандартам, но и с законодателями, поскольку лицей участвует в работе по совершенствованию законодательства в образовательной сфере. Руководитель лицея считает своей миссией не только сделать выпускников конкурентоспособными на рынке труда, но и сформировать у них разнообразные культурные и гражданские навыки, поэтому поддерживает контакты с научно-исследовательскими институтами, музеями, представителями бизнеса и общественных организаций в нашей стране и за рубежом. Контакты со СМИ приветствуются не только в утилитарных целях – чтобы сделать известной свою работу, но и для того, чтобы тот подход к образованию и воспитанию, который реализуется в лицее, сделать популярным, социально одобряемым.

Руководитель организации инвалидов «Ковчег» видит свою миссию в организации безбарьерной среды для инвалидов. Такая задача требует регулярных контактов со многими акторами: властями, предпринимателями, партиями, общественными организациями и СМИ.

Создатель конно-спортивного клуба «Золотая лошадь» решил, что и решение производственных задач, и социальная миссия будут успешнее, если их не разделять, а осуществлять в одних и тех же видах деятельности. Иными словами, здесь заявлена идея кооперации, которая реализуется на регулярной основе. Поэтому, например, подростки, не имеющие возможности оплачивать занятия, помогают ухаживать за лошадьми. Какую-то работу могут выполнять и родители, приехавшие для реабилитации больных детей. Хозяин клуба ориентируется не только на индивидуальных потребителей, но и на «оптовых покупателей» услуг. Это могут быть государственные учреждения, например, школы, детские дома, предприятия, общественные организации. Благодаря такой стратегии клуб приобрёл известность среди населения и репутацию в органах власти, что, впрочем, не избавляет его от финансовых проблем.

Самая обширная (из обследованных случаев) социальная сеть, созданная на принципах кооперации, у центра развития познавательного туризма «Город-музей» в Коломне. Можно утверждать, что авторам проекта удаётся формировать сообщество там, где могли быть лишь отношения разветвлённой функциональной взаимозависимости. Заявлена и реализуется на практике ориентация на формирование местного сообщества,

объединённого идеологией «общего дела». Эта стратегия сформулирована как «Новая жизнь старого города», где город – не просто улицы и дома, а люди, которые живут в этих домах и ходят по этим улицам. «Новая жизнь» предусматривается проектом не только для туристов, но и для горожан, и это не только новые рабочие места в индустрии туризма, но и собственная жизнь со своими культурными проектами, событиями и праздниками.

Случай с Коломенским центром показывает, что на формирование сообщества работает не только успешная деятельность, но и легенды; реальные или вымышленные люди либо события, связанные с местом и призванные формировать не только привлекательный туристический бренд, но и собственную позитивную идентичность. В Коломне это Венедикт Ерофеев, Лажечников, коломенская пастила, Куликовская битва, коломенский рубль, коломенский калач и другое.

Бренды и связанные с ними легенды начинают работать на формирование сообщества не просто самим фактом своего изобретения. Они становятся работающими тогда, когда начинают вплетаться в повседневную жизнь горожан, т. е. когда местные жители работают в местах, связанных с этими брендами, или покупают сами эти продукты (пастилу или калачи), или участвуют в праздниках, посвящённых этим брендам. Но связывают людей, формируют из них сообщество всё-таки не столько легенды, сколько лидеры, способные создать отношения кооперации и тем самым капитализировать сеть.

Выгоды участников сети, возникающей вокруг социального предприятия

Специфичность каждого актора, включённого в сеть, может стать средством капитализации, когда найдены эффективные способы кооперации. Их выбирает либо консультант, если образец предприятия заимствуется извне, либо предприниматель в случае реализации инновационной идеи или адаптации образца.

Чтобы потенциальные партнёры вложили в сотрудничество свои ресурсы, им необходимо видеть выгоды от такого сотрудничества. Эти выгоды должны не просто подразумеваться, но быть сформулированными в качестве предложений потенциальным партнёрам даже тогда, когда потенциальный партнёр – не некое юридическое лицо, а субъект, не имеющий чётких социальных границ, но выделен из социума по какому-то значимому для предприятия признаку, например, родители детей-инвалидов или жители города, округи. Взаимные выгоды должны быть найдены, а в идеальном случае – прописаны в формальных соглашениях.

С местными властями все опрошенные руководители стараются поддерживать хорошие отношения. Для социальных предпринимателей выгоды таких отношений очевидны. Это благоприятный режим аренды помещений, налоговые льготы, информационная поддержка и пр. Для властей – это привлекательность поселения как места жизни и туристического объекта, репутационные дивиденды. Местные власти, благодаря сотрудничеству с социальными предпринимателями, могут делегировать им часть своих функций в социальной сфере (и соответствующее финансирование), оставив за собой задачи по контролю того, как предприниматель соблюдает государственные стандарты в своей сфере деятельности: *«Это функция соцслужб, но они не очень хорошо с этим справляются. Это не оттого, что они плохо работают, а просто это по-другому должно быть. В Дании, в Швеции есть патронаж. А тут..., она хорошая тётенька, но она не знает, какие им нужны коляски, она не знает, как и что! Это я знаю, потому что я 10 лет в этой системе, я уже профессор тут. Я знаю, как это всё через государственные органы провести, и вот тут должна быть связка»* (ООО «Обсервер», организация инвалидов «Ковчег», Калининград).

Деловые партнёры – это те, кто непосредственно участвует в производстве товара или услуги, а коллеги – организации и люди, занятые в той же сфере деятельности. Если говорить о вторых, то тут отношения амбивалентные. Есть общие интересы, связанные с определением стандартов деятельности, обменом опытом, выработкой общей позиции в отношениях с властями, сложением ресурсов тогда, когда нужна кооперация: *«Мы друг другу отправляем гостей. Помогаем найти жильё. Из Нижнего Новгорода в Казань очень часто едут, и наоборот. Насчёт Москвы и Питера у меня нижегородцы постоянно спрашивают, где остановиться посоветуешь? В прошлом году летала в Стамбул по делам, тоже шла в хостел. Спокойно эти связи налаживаются»* (ООО «Горький хостел», Нижний Новгород).

Есть общие интересы и тогда, когда социальные инновации становятся товаром. В нашей выборке встретились такие случаи, но их немного. Во-первых, потому что у предпринимателей ещё слишком мал опыт деятельности, а во-вторых, потому что превращение технологий в товар – это особая работа, требующая усилий профессионалов.

Но интересы становятся разными тогда, когда возникают конкурентные отношения. В нашей выборке таких случаев оказалось тоже мало. Вероятно, потому, что сейчас социальный бизнес в России делает лишь первые шаги, много незанятых ниш, и потенциальные конкуренты не мешают друг другу. Пока выгоды от сотрудничества важнее потерь от конкуренции.

Но там, где в той же сфере работают государственные структуры или крупный бизнес, конкуренция становится ощутимой. Например, социальные предприятия, работающие в сфере образования, не могут конкурировать с элитными государственными учебными заведениями: *«Мы в худшей ситуации по сравнению с ними. У них бесплатные прекрасные условия для обучения и бесплатное само обучение, что даёт возможность проводить конкурсные наборы. У нас стоимость обучения – не менее 100 тысяч рублей в год, нам трудно состязаться с ними»* (Академический лицей им. Н. И. Лобачевского, Казань).

Крупные производители и оптовые поставщики – главные конкуренты социальных предприятий, производящих товары повседневного спроса, в частности, еду. В нашей выборке оказалось только одно такое предприятие, но трудности, с которыми сталкивается его хозяин, пытаюсь реализовать свой продукт, выглядят типичными: *«Польское, шведское имбирное печенье очень дорогое. Наше печенье не менее качественное, но цена средняя. Но сети зарабатывают не на наценке, а на оплате поставщиков. Чтоб в сеть войти, чтобы удержаться на полке, надо платить. Минимум прибыли получается»* (ИП «Весёлый пряник», Тольятти).

Социальные предприятия проигрывают более сильным конкурентам тогда, когда нужен не только интеллектуальный капитал, но и современное дорогостоящее оборудование, а инвестора или спонсора для модернизации производства привлечь не удалось.

Доноры

В нашем исследовании встретился только один случай, когда для создания социальных предприятий использовались средства одного донора («Светоч», Химки). Его целью, помимо сформулированной гуманитарной миссии, было создание комфортных социально-экономических условий ведения бизнеса. Однако предприниматель вкладывал свои деньги не в какое-то уже существующее социальное предприятие, а *создавал* такие предприятия (школы, дома для престарелых) заново, контролируя все этапы создания – начиная от строительства и оснащения оборудованием и заканчивая подбором персонала. Видимо, такая стратегия использования донорских средств для развития социального предпринимательства будет более популярной, чем вложение средств в уже имеющиеся организации, поскольку позволяет избежать потенциальных рисков, связанных с возможной недобросовестностью или некомпетентностью партнёров.

Некоторые респонденты пытаются использовать в своём социальном бизнесе средства множественных доноров (магазин «Благодарение», Волгодонск; ООО «Горький хостел», Нижний Новгород). Но, похоже, такая практика в нашей стране ещё не прижилась.

Все опрошенные – получатели грантов Фонда «Наше будущее». Соответственно, этот фонд упоминался практически в каждом интервью. Респонденты подчёркивали, что помощь от Фонда – это не только деньги, но и технологии, консультации, репутационная поддержка.

Выгоды *для окрестного населения* – рабочие места, комфортная и безопасная среда обитания, качественные услуги: *«Жители стараются помочь нам хоть чем-то: кто-то идеями, кто-то связями и т. д. Люди сами изъявляют желание принять какое-то участие в развитии того, чем мы сейчас занимаемся»* (Конно-спортивный клуб «Золотая Лошадь», Камышин).

Для общественных организаций выгода от сотрудничества с социальными предприятиями – реализация собственных программных целей, льготные цены на услуги: *«Союз студентов проводит разные мероприятия... Ребята из разных городов приезжают в Нижний Новгород. Им проводят экскурсии по университету, рассказывают, какие у них изобретения или ещё что-то. Мы их размещаем по бюджетной цене, группам и друзьям делаем скидки»* (ООО «Горький хостел», Нижний Новгород).

Выгоды для *добровольцев* – опыт деятельности, общение, интересный досуг. Иногда труд добровольцев используется не только для разовых работ в эпизодически возникающих проектах, как, например, концерты или «ресторанные дни» в «Горьком хостеле», но строятся на основаниях кооперации, долговременного сотрудничества. Это происходит тогда, когда добровольцы заинтересованы в целях предприятия и собственной профессионализации, а предприятие – в квалифицированных работниках.

Способы капитализации сети

В отсутствие больших капиталовложений социальные предприниматели пытаются использовать ресурсы взаимной поддержки, найти способы капитализации сети. Но синергетический эффект сети не возникает сам по себе. Должны быть совершены некоторые усилия для того, чтобы сеть функционировала и развивалась. Например, это усилия по установлению и поддержанию функциональной взаимозависимости; определению общих стандартов продукта или услуги; кооперации (сложению ресурсов); личностных контактов. Такие усилия

в российских условиях во многом зависят от отношения властей к проектам социального предприятия. Это отношение, в свою очередь, может определяться многими обстоятельствами: потенциальными или актуальными репутационными дивидендами; коммерческим интересом или его отсутствием, личностными особенностями, связанными с компетентностью того или иного чиновника, либо с его установкой на инновации, либо отсутствием оной. Так, один из информантов рассказывает, как изменились условия со сменой власти в Перми для многих социальных проектов, в том числе для проекта АНО «Реалмед», которое при новом руководстве стало испытывать большие трудности в своей деятельности, потому что новаторство, связанное с риском неудачи, перестало поощряться.

Но отношение властей к проблемам социальных предприятий – это лишь характеристика внешнего контекста. Собственные усилия – это повседневная работа по поддержанию и развитию связей. Это может быть:

Кооперация по сложению ресурсов в случае, если у инициаторов недостаточно собственных

О такой возможности рассказывают многие предприниматели. Например, Академический лицей в Казани регулярно использует интеллектуальные ресурсы научных учреждений и музеев, чтобы сформировать у детей профессиональные интересы. Международный образовательный центр «Монтессори-педагогика» обращается к «внеплановым» знаниям и умениям сотрудников и родителей, когда можно провести с детьми интересные занятия. Директор ООО «Сервис-парк» из посёлка Юго-Камск рассчитывает на инвестиции в свой проект окрестных бизнесменов.

Выработка общих стандартов на продукт или оказание услуги

Там, где предприятие работает под зарегистрированным брендом (Образовательный центр «Монтессори-педагогика») или принимает имя, включающее определённое нормативное и культурное содержание (хостел), оно обязано стремиться реализовывать стандарты деятельности, подразумеваемые этим брендом или именем. Сложнее обстоит дело там, где таких стандартов нет. В нашем случае – это, например, конно-спортивный клуб из Камышина. Организатор клуба, с одной стороны, ориентируется на универсальные стандарты оказания оздоровительных услуг, а с другой – изучает опыт аналогичных предприятий, чтобы применять или отвергать какие-то наработанные коллегами стандарты.

Выработка этических норм взаимодействия в сообществе

Это, пожалуй, самый сложный процесс, потому что регламенты и стандарты по оказанию услуги можно разработать и сделать обязательными. Этические нормы нельзя сделать обязательными, но их принятие – это проявление способности сети к саморазвитию, когда участники не только воспроизводят заданные при создании отношения, но и вносят свои идеи, способствующие тому, чтобы отношения функциональной взаимозависимости вели к формированию отношений взаимного доверия и групповой идентичности. Такой стратегии придерживается, например, руководитель центра познавательного туризма «Город-музей» в Коломне, когда реализует принципы взаимной поддержки персонала (в том числе работников-инвалидов). Создаёт и поддерживает отношения солидарности в сообществе руководитель ООО «Обсервер» в Калининграде, когда согласует позиции по созданию безбарьерной среды или организует работу по оказанию услуг инвалидам в городе от многообразных участников сети: представителей власти, активистов и руководителей инвалидных общественных организаций, предпринимателей.

Выводы

1. Предприятие не может считаться «социальным» лишь потому, что оно оказывает услуги в социальной сфере или предоставляет рабочие места представителям низкоресурсных групп. Эти критерии могут быть необходимыми, но их недостаточно, потому что предприниматель может получать хорошую прибыль на этом бизнесе и эксплуатировать инвалидов. При идентификации предприятия как социального, со всеми вытекающими из такой идентификации предпочтениями, необходимо учитывать социальность возникающих эффектов. Это, в первую очередь, наличие долговременных социальных проектов, ориентированных на работников, внешнее сообщество и социальные сети; на сообщества, которые складываются вокруг социальных предприятий. Мы анализируем эти признаки не как ресурс, а как результат деятельности социальных предпринимателей. На наш взгляд, такой подход позволяет обогатить концепт «социальное предпринимательство», сделать его более прозрачным тогда, когда это нужно для исследовательских целей, для обоснования закона о социальных предприятиях, и тогда, когда встаёт практическая задача: оценить «социальность» социального предприятия.

При идентификации предприятия как социального, со всеми вытекающими из такой идентификации предпочтениями, необходимо учитывать социальность возникающих эффектов.

2. Исследование позволило выделить феномен, который мы назвали «социально-культурный проект» предпринимателей. На наш взгляд, это ключевой момент в идентификации предприятия как социального. Мы предложили эмпирические признаки, типологию и описали формы бытования социально-культурных проектов. Наиболее успешные сейчас и имеющие лучшие перспективы развития – это социально-культурные проекты, ориентированные на диверсифицированные цели для всех слоёв потребителей.

3. Все включённые в выборку предприятия заявлены как социальные, поэтому руководители подчёркивают, что они предоставляют рабочие места социально незащищённым людям (молодым специалистам, студентам, инвалидам). Конечно, само по себе рабочее место для инвалида – уже благо. Но качество этого рабочего места (например, посильная интеллектуальная сложность работы) и отношение к работнику-инвалиду не как к «нагрузке», а как к ценному сотруднику, – это особая культурная концепция, которая встречается далеко не везде.

4. Способность лидера создать социальную сеть вокруг предприятия – это не просто известность, помогающая найти потребителя продукта или услуги. Это важный ресурс развития, помогающий концентрировать финансовые, интеллектуальные, технологические и творческие ресурсы. Социальные сети помогают выстоять в конкуренции с более сильными игроками.

Библиографический список

Аналитический обзор «Социальное предпринимательство в России». 2013. Аналитический центр МСП Банка. URL: http://www.mspsbank.ru/userfiles/files/researches/social_entrepreneurship-new.pdf [Дата посещения: 27.04.2015].

Баталина М., Московская А., Тарадина Л. 2008. Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учётом возможностей его применения в современной России. Препринт WP1/2008/02. Официальный сайт ГУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/data/2010/05/04/1216403244/WP1_2008_02.pdf [Дата посещения: 6.11.2014].

Друкер П. Ф. 2007а. Управление в обществе будущего. М., СПб., Киев: Вильямс. 320 с.

Друкер П. Ф. 2007б. Менеджмент в некоммерческой организации. Принципы и практика. М., СПб., Киев: Вильямс. 238 с.

Друкер П. Ф. 2007. Бизнес и инновации. М.: Вильямс. 432 с.

Климов И. А. 2014. «Конструктивные» и «протестные» движения как ресурс изменения социальных практик // Журнал исследований социальной политики. Т.12. № 2. С. 201–216.

Наиболее успешные сейчас и имеющие лучшие перспективы развития социальные предприятия – это социально-культурные проекты, ориентированные на диверсифицированные цели для всех слоёв потребителей.

Социальная сеть вокруг предприятия – это не просто известность, помогающая найти потребителя продукта или услуги. Это важный ресурс развития, помогающий концентрировать финансовые, интеллектуальные, технологические и творческие ресурсы. Социальные сети помогают выстоять в конкуренции с более сильными игроками.

Ресурсы добровольческого движения. Аналитический доклад по результатам исследований Фонда «Общественное мнение» 2013. М.: ФОМ.

Социальное предпринимательство в России и в мире. Практика и исследования. 2011 /Под ред. А. А. Московской. М.: НИУ-ВШЭ. 284 с.

Фонд «Наше будущее» // О фонде. URL: <http://www.nb-fund.ru/about-us/> [Дата посещения: 5.11.2014].

Dees J. G. The Meaning of “Social Entrepreneurship”. Original Draft: October 31, 1998. Reformatted and revised: May 30, 2001 // Massachusetts Institute of Technology. URL: http://web.mit.edu/sloan2/dese/readings/week01/Dees_TheMeaningofSocialEntrepreneurship.pdf [Дата посещения: 5.11.2014].

Social Enterprise Communities

Klimova Svetlana Gavrilovna

Senior researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: sgklimova@mail.ru

Klimov Ivan Aleksandrovich

Associate professor, National Research University “Higher School of Economics”, researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: klimov_ivan@list.ru

Shcherbakova Irina Vyacheslavovna

Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: irasher@yandex.ru

Abstract. So far there have been very few studies of social entrepreneurship in Russia. More specifically, the social implications of this phenomenon have never been analyzed. This makes it difficult for experts to agree which particular enterprises could be described as social. In the meanwhile, agreement on this matter is absolutely necessary, since financial support projects, such as grants or preferential loans, need clearly defined criteria. This article singles out two key features of a social enterprise: innovation and social character. Innovation in this context implies not only the use of groundbreaking business ideas and the introduction of technical, technological, or management know-how, but also the transformation of rules and practices that govern the lifestyle of the social group involved in the enterprise’s operations. The social character of the enterprise is determined by the following: first of all, an enterprise must have its own social and cultural project, i.e. a business strategy that is aimed at meeting a certain social goal. On the one hand, it means that the enterprise is basing its development on the creative potential of its employees as the main driver of its growth and competitiveness. On the other hand, it also means that the enterprise is striving to carry out a certain mission, and has created a new system of values and a new communication environment, by promoting new ways of working together and rendering social services. We can distinguish several different types of these social projects. Secondly, a social enterprise must have a cultural concept of interacting with its personnel. We classify these concepts depending on whether the employers base their recruitment choices on operational functions or give greater priority to an employee as a person, gearing the function to his or her capabilities and interests. And thirdly, a social enterprise must be involved in social networking. This article describes the networks that surround a social enterprise. The study helps us arrive at the conclusion that a cooperative strategy involves networking *capitalization* – i.e. the use of the partner’s capabilities to meet the enterprise’s goals, in a way that allows the partner to benefit as well.

Keywords: social entrepreneurship, social enterprise, innovativeness, social and cultural project, community, cooperation, ethics.

References

Analitichesky obzor «Social'noe predprinimatel'stvo v Rossii» [Analytical Review “Social Entrepreneurship in Russia”]. 2013. Analitichesky center MSP Banka. Official website. URL: http://www.mspbank.ru/userfiles/files/researches/social_entrepreneurship-new.pdf [date of visit 27.04.2015].

Batalina M., Moskovskaja A., Taradina L. Obzor opyta i koncepciy social'nogo predprinimatel'stva s uchiotom vozmozhnostey ego primeneniya v sovremennoy Rossii [Review of Experience and Concepts of Social Entrepreneurship in View of the Possibilities of its Application in Modern Russia]. Preprint WP1/2008/02. Official website SU-HSE. URL: https://www.hse.ru/data/2010/05/04/1216403244/WP1_2008_02.pdf [date of visit 6.11.2014].

Dees J. G. The Meaning of “Social Entrepreneurship”. Original Draft: October 31, 1998. Reformatted and revised: May 30, 2001. Massachusetts Institute of Technology. URL: http://web.mit.edu/sloan2/dese/readings/week01/Dees_TheMeaningofSocialEntrepreneurship.pdf [date of visit 5.11.2014].

Drucker P. F. Biznes i innovacii [Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles]. Moscow, Williams, 2007. 432 p.

Drucker P. F. Upravlenie v obschestve budushego [Managing in the Next Society]. Moscow, Saint-Petersburg, Kiev: Williams, 2007. 332 p.

Drucker P. F. Menedzhment v nekommercheskoy organizacii. Principy i praktika [Managing the Non-Profit Organization: Practices and Principles]. Moscow, Saint-Petersburg, Kiev: Williams. 2007. 238 p.

Fond «Nashe budushhee» [Foundation “Our Future”]. O fonde. Official website. URL: <http://www.nb-fund.ru/about-us> [date of visit 5.11.2014].

Klimov I. A. «Konstruktivnye» i «protestnye» dvizheniya kak resurs izmeneniya social'nykh praktik [Conventional and Protest Movements as a Resource of Changes in Social Practices]. Zhurnal issledovaniy social'noy politiki, 2014, vol.12, no 2, pp.201–216.

Resursy dobrovol'cheskogo dvizheniya [Resources of Volunteer Movement]. Analitichesky doklad po rezul'tatam issledovaniy Fonda «Obschestvennoe mnenie» 2013. M.: FOM.

Social'noe predprinimatel'stvo v Rossii i v mire [Social Entrepreneurship in Russia and in the World]. Praktika i issledovaniya. Ed. by. A. A. Moskovskaja. Moscow, NRU HSE, 2011. 284 p.

Социальная активность в современной России

Видоизменения коллективности: между востребованностью и распадом

Щербакова Ирина Вячеславовна – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: irasher@yandex.ru

Видоизменения коллективности: между востребованностью и распадом

Аннотация

На примере отношений в трудовом коллективе предприятия энергетической отрасли (Москва) анализируются изменения основных признаков коллективности на протяжении последних десятилетий. Серия углублённых интервью, проведённых автором, позволила выявить представления сотрудников об этапах развития трудового коллектива, принципах передачи опыта, о структуре взаимоотношений в организации. Реконструируя принципы советской коллективности в сравнении с современной, автор определяет факторы сплочённости и разобщённости об организации. Отмечается первостепенное значение таких ресурсов для сохранения коллектива, как профессионализм, мобильность, личная инициатива. Зафиксированное специфическое свойство коллективности – активная роль коллектива в формировании себя как субъекта социально-экономических отношений. Правила взаимодействия непосредственных исполнителей работ с их руководством (менеджментом) подверглись наибольшей трансформации по сравнению с другими признаками коллективности, что связывается прежде всего с переходом от централизованного государственного управления энергетической системой страны к частично регулируемому государством рынку и иной организационно-правовой структуре энергетической отрасли. Пилотное исследование позволяет разработать более точный инструмент изучения коллективности на основе полученных данных.

Ключевые слова: трудовой коллектив, энергетика, инженеры, коллективность, коллективизм, менеджеры

Трудовой путь тех, кто начал работать в советское время и продолжает по сей день, представляет особый интерес как с точки зрения индивидуальной профессиональной мобильности, так и с точки зрения изменений в трудовых коллективах на протяжении 3–4 десятилетий. Как «старожилы» пережили произошедшие институциональные, организационные изменения, последствия смены формы собственности? Насколько велика разница в отношениях между коллегами и в их отношении к работе, если сравнить советские и новые поколения сотрудников?

Сейчас социологи, изучающие различные коллективы, чаще используют понятие «солидарность», «солидарные группы», противопоставляя им атомизированных индивидов. Понятия «коллективность», «коллектив», «коллективизм» вышли из моды. Но исчез ли феномен коллективизма?

Покрывает ли понятие «команда», «командный дух» ту совокупность явлений, которая описывалась понятиями «коллективизм», «коллективность»? На основании представленных ниже данных, полученных в ходе пилотного исследования, можно утверждать, что отказ от этих понятий не позволяет учитывать и анализировать важные процессы, происходящие среди современных работников.

Коллективность мы будем рассматривать как совокупность признаков, позволяющих говорить о сплочённой группе людей как об активном социальном субъекте. Здесь речь идёт о трудовом коллективе как о более устойчивой группе в сравнении с разнообразными группами, объединёнными общим интересом, но не связанными экономически.

Исследования трудового коллектива имеют давнюю традицию. Выработаны три основных направления для анализа трудового коллектива.

Экономический. Под трудовым коллективом понимается «совокупный работник» или производительные силы, имеющие определённые профессионально-квалификационные характеристики [Российская... 1998: 201]. Функция коллектива здесь – обеспечение производственной взаимосвязи его членов.

Социально-психологический. Трудовой коллектив рассматривается как группа, в т. ч. малая, сформированная действием механизмов внутригрупповой сплочённости. Основная функция коллектива в данном случае – межличностная коммуникация.

Социологический (социально-правовой). Трудовой коллектив понимается как элемент института труда, тип социальной группы, организованной по действующим нормам и правилам, как формальным, так и неформальным, предполагающим в т. ч. моменты принуждения и обязательности. Отличие от предыдущих подходов заключается не только в изучении специфики организации отношений в трудовом коллективе, но и анализе цели его деятельности. «Общественно значимая» цель, на достижение которой направлена деятельность коллектива, обычно понимается как заданная, с одной стороны, макросистемой в целом, с другой стороны, допускает субъективные интерпретации, причём эти варианты никогда полностью не совпадают [Социология... 1993: 308–309]. Основная функция коллектива связана с формированием, распространением, контролем над соблюдением норм и правил деятельности его членов.

В. Г. Подмарков дал определение трудового коллектива, которое интегрирует эти три подхода. Главными признаками трудового коллектива он считал общность целей, совместный процесс деятельности, непосредственное общение, единый порядок руководства. Группе людей присущ коллективизм тогда, когда в нём есть феномены сотрудничества и товарищеской взаимопомощи [Подмарков 1973: 51–52].

Проанализируем эти ключевые признаки коллективности. Для социологического анализа трудового коллектива существенную роль играют доминирующие социокультурные и макроэкономические процессы, задающие нормативные рамки совместной деятельности. Коллективность – совокупность качественных признаков членов группы, обладающих определённой степенью интериоризации норм и правил, по которым организация осуществляет экономическую деятельность. Модели коллективности представляют собой различные комбинации (конфигурации) ресурсов индивидов, норм и правил, а также целей деятельности, в нашем случае – экономической. Одни из этих моделей более востребованы, другие – менее, в зависимости от объективных и субъективных факторов. Но коллективность не сводится к совокупности свойств индивидов. Эмерджентными характеристиками являются отношения сотрудничества и взаимопомощи (в той системе понятий, которую использовал В. Г. Подмарков).

О том, что понятия «коллектив» и «коллективность» не устарели и могут использоваться исследователями в рамках социологии труда, свидетельствует, в частности, нынешняя популярность во всём мире методики Хофштедта. Он вводит ряд шкал для измерения индекса коллективизма–индивидуализма: уровень вмешательства организации в личную жизнь сотрудников, уровень эмоциональной зависимости от организации, уровень личной ответственности сотрудников, уровень ответственности организации за своих сотрудников, уровень сплочённости социальных связей в организации и др. [Hofstede 1994: 67]. Индивидуализм как система ценностей и соответствующий образ действий не означает полного отказа от коллективности, предполагающего ослабление и разрыв социальных связей, атомизацию индивида. Не индивидуализм, а нечёткость, противоречивость, слабая степень интериоризации норм и правил ведёт к распаду коллективности и в конечном счёте – трудового коллектива¹.

Говоря о коллективности в нашем исследовании, мы имеем в виду её социологический аспект применительно к работникам предприятий одной отрасли. Анализ коллективности методологически корректен в рамках одной отрасли или схожих в этом отношении отраслей.

Реконструкция принципов советской коллективности в сравнении с современной позволяет выявить факторы сплочённости–разобщённости трудового коллектива, основы его функциональной эффективности, что в итоге показывает роль социально-экономических условий в формировании определённых типов трудовых коллективов и их социальную востребованность.

¹ Яркие примеры приведены в монографии [Становление 2004].

Задачей пилотного исследования являлась реконструкция признаков коллективности в оценках членов трудового коллектива с советского времени через сравнение различных этапов их трудовой биографии (начальный – советский, промежуточный – 1990-е гг., современный).

Для поиска ответов на поставленные вопросы мы обратились к сотрудникам организации, начавших работать в ней в советское время, т. е. примерно до 1987 г., и продолжающих работать там же по настоящее время. Следует отметить, что сама организация¹ имеет 80-летнюю историю, связанную с развитием энергетики в России. Десять интервью с сотрудниками этого предприятия проведены автором на их рабочих местах в апреле 2013 г. Среди собеседников 6 мужчин и 4 женщины в возрасте от 35² до 84 лет, по специальности – инженеры, по должности – руководители различных подразделений.

Временная шкала для коллектива «Предприятия»

Имея возможность сравнить различные периоды существования организации, её сотрудники схожи во мнениях относительно её значения в советское время. Наши собеседники не упоминают довоенный период, поскольку не были его свидетелями. Послевоенное время они характеризуют как время подъёма и расцвета (несмотря на напряжённость труда). Они объясняют это большим объёмом работ в связи с ростом городов и индустриализацией; многочисленностью сотрудников (несколько тысяч человек); востребованностью квалифицированных специалистов; административным влиянием на отраслевое министерство.

Проявление качества коллективности здесь выражено в восприятии общности истории организации и в консолидирующей сотрудников согласованности в оценках относительно периода её расцвета. Память о высокой эффективности и значимости труда энергетиков для всей страны задаёт ориентир для оценки последующих этапов в работе организации.

Главный неутешительный результат институционального экономического кризиса 90-х гг. для «Предприятия» – потеря значительной части среднего поколения специалистов.

Не рискнём утверждать, что некоторые специалисты уходили с «Предприятия» только из-за неудовлетворённости размером зарплаты и нерегулярностью её получения, хотя, как показывают другие исследования [Климова 2006: 26–41], это

¹ Все имена собственные изменены. Название организации в дальнейшем обозначается словом «Предприятие».

² 35-летний заместитель генерального директора – представитель немногочисленного «среднего» поколения в организации. Остальные 9 собеседников в возрасте от 58 до 84 лет.

главные мотивы ухода с любимой работы. Не будем забывать и о меняющихся потребностях, становлении новых рынков труда. Часть наших собеседников считают «лихие» 1990-е гг. относительно спокойными для себя. В любом случае работой по специальности оставшиеся сотрудники «Предприятия» были обеспечены.

Для многих сограждан, как и для сотрудников «Предприятия», 1990-е гг. стали проверкой на приверженность выбранной ещё в советское время профессии. Особенно острым этот вызов был в ситуации неплатежей. Но коллективу удалось избежать системного кризиса, в том числе благодаря действующему на тот момент руководству, и сохранить кадровый потенциал. Вероятно, не последнюю роль для многих сыграли и отношения внутри коллектива, и некие моральные обязательства перед организацией. В этот период, по сравнению с советским, на первый план выходят такие составляющие коллективности, как грамотное администрирование и личные качества сотрудников. Современное положение «Предприятия» одни представляют скорее оптимистично, другие напротив – пессимистично:

«<...> чем дальше, тем, мне кажется, «О» может быть всё более нужен будет. Почему? Потому что энергетика по оборудованию постарелая. Пойдут замены, реконструкции, новое строительство. Здесь нужны, конечно, новые силы» (сотрудник, 78 лет).

«<...> выполнив своё предназначение в том смысле, как она (организация – авт.) была создана в своё время, она оказалась в общем-то не у дел» (сотрудник, 67 лет).

Отметим, что способы распределения заказов на выполнение работ в отрасли и структурные изменения последних лет в организации наши собеседники считают, по меньшей мере, ситуацией нестабильности, причём более серьёзной, чем в 1990-е гг. Конечно, возможно, что проблемы, оставшиеся в прошлом, уже не воспринимаются так эмоционально, как в настоящем. Однако сегодня речь идёт о принципах управления коллективом, основанных на приоритете финансовой выгоды для заказчика работ:

«У нас организация с высокими накладными расходами. Организация, которая выплачивает зарплату только по законодательству. А конкурируем мы с организациями различного характера, в том числе с чёрными. <...> Серая зарплата неизбежна. Вот у нас такого нет, а у многих есть, поэтому нам тяжело конкурировать в ценовой политике. А ценовая политика, как правило, является главенствующей нынче. Поэтому без всякой стратегии таким образом разваливаются отраслевые институты в нашей стране, благодаря тендерам» (сотрудник, 35 лет).

Исследуемому коллективу в 1990-е гг. удалось избежать системного кризиса, в том числе благодаря действующему на тот момент руководству. Не последнюю роль сыграли и отношения внутри коллектива, и некие моральные обязательства перед организацией. В этот период на первый план выходят такие составляющие коллективности, как грамотное администрирование и личные качества сотрудников.

Внешние обстоятельства в виде конкурентной среды и утраты приоритетного положения в своём секторе энергетики создают существенные проблемы для сотрудников «Предприятия», что выражается для них главным образом в относительно низкой зарплате по отрасли. По их словам, размер оклада определяют «хозяева» – акционеры, т. е. внешние управляющие активами организации как юридического лица. Фактически они сожалеют об утрате самостоятельности в принятии решений о развитии коллектива. Как мы увидим ниже, значение мнения коллектива в этом вопросе – важная составляющая солидарности сотрудников. Оно ярко проявлялось в советское время, и его отсутствие связывают в ответах с настоящим временем.

Таким образом, сравнивая три периода существования «Предприятия», наши собеседники выделяют в каждом из них наиболее характерные черты коллектива, которые его объединяли в целом: отношение к общей большой работе, взаимная поддержка через производственные и личные контакты между коллегами, скрытый конфликт с топ-менеджерами. Это не значит, что в какой-либо из периодов не было функциональной зависимости между работниками, взаимовыручки, схожего образа жизни. Материалы интервью показывают, что некоторые проявления коллективности более акцентированы как свойственные определённому периоду, чем другие, тоже скрепляющие коллектив на протяжении долгого времени. Рассмотрим их подробнее.

Особенности вхождения в коллектив молодых сотрудников

Работа на «Предприятии» требует активного участия специалиста. С одной стороны, это продиктовано творческой составляющей профессии инженера, с другой – организацией отношений в коллективе. Это хорошо заметно на этапе входа в коллектив.

Особенности вхождения в коллектив нового сотрудника связаны с заинтересованностью в нём, прежде всего непосредственного руководителя. Старшее поколение специалистов хорошо помнит своих первых наставников, обучавших их в молодости практическому применению полученных знаний. Работа по подготовке электростанции к пуску изначально носит коллективный характер, поэтому перед молодыми сотрудниками стояла задача скорейшего освоения необходимых профессиональных навыков. Будучи молодыми специалистами, наши собеседники интенсивно обучались в командировках, на станциях, в составе бригад инженеров-проектировщиков. По мере увеличения опыта им предоставлялась всё большая самостоятельность в работе.

Обратим внимание, что наши собеседники оценивают инициативу, активную позицию «ученика» в процессе обучения как не менее, а иногда и более важную, чем консультации опытных коллег.

«<...> была бригада, например, электрики на станции насчитывали 25 человек. Это была большая бригада. Все были распределены по узлам, <...> Как учили нас? ... Бросали в бой, честно говоря. То есть в большей степени это была нагрузка на себя. Мы сами... Вот давали нам узел налаживать. Мы изучали и, знаете, даже в нерабочее время это приходилось делать. В общежитии изучаешь схемы, изучаешь проект. И вот работаешь в бригаде. То есть наладка проходила в таком режиме, довольно напряжённом» (сотрудник, 78 лет).

В советское время роль коллектива для молодого специалиста на этапе входа выражается в основном в профессиональной поддержке и обучении. Это отчасти сохранилось и теперь. Однако в настоящее время профессиональная преемственность имеет выборочный характер. Наши собеседники связывают меньшее внимание к молодым специалистам в разных ситуациях с отсутствием достаточного количества заказов, с относительно коротким для приобретения необходимого опыта периодом работы в организации, неудовлетворённостью размером зарплаты, личной незаинтересованностью и скрытой конкуренцией.

Дорога в сообщество профессионалов не закрыта, но и не подготовлена специальным образом. Молодому сотруднику, заинтересованному в работе, приходится рассчитывать прежде всего на себя:

«И никакого объяснения, чем же занимается отдел и вообще как жить дальше, никто мне не давал. Когда я пришёл (4 года назад – авт.), в этом подразделении были уже заключены договора, и на моём месте <...> работал бывший директор <...>. Он мне предложил: «Зачем Вам делать эти договора? Можете их передать на субподряд, пусть они выполняют». Ну, тогда я не понимал, потом выяснилось, что он и является владельцем той организации, куда он хотел эти договора передать. Но мне было как-то неинтересно их передавать. Мне их пришлось делать самому. Ну, и интересно было это сделать. И вот, сделав собственными руками эти работы, я в общем-то сам разобрался, чем же занимается в этой области «О». <...> подобные расчёты я выполнял раньше в рамках диссертации, обследований» (сотрудник, 35 лет).

Для советского типа коллективности и несколько реже для настоящего характерна поддержка личной инициативы в работе по специальности для сотрудников «Предприятия». Но если элемент творчества можно считать функционально

необходимым для людей, заинтересованных профессией инженера, и в силу этого постоянным, то отношения внутри коллектива могут значительно варьировать.

Вертикальные связи

Способ управления коллективом, как правило, соответствует моделям, распространённым в конкретных исторических условиях. Традиционное деление стилей управления на авторитарный, демократический и их варианты, с нашей точки зрения, слишком упрощённое и не отражает множественности ситуаций и типов личностей руководителей. Теоретически управление персоналом заключается в конструировании взаимодействия внутри организации для эффективного выполнения задач. Следует различать специальные мероприятия, направленные на формирование и укрепление отношений между сотрудниками, желательные для руководства («team-building», группы лояльности), и развитие отношений руководством ради производственной необходимости. Разделение их на практике может вызывать затруднения из-за латентности реальных целей и многогранности последствий, например, для личной жизни или карьеры.

Организованная партийно-комсомольским отделом публичная демонстрация единства и престижа коллектива «Предприятия», практиковавшаяся в советское время, осталась в прошлом. Но наши собеседники сожалеют не об этом, а о значительном снижении роли трудового коллектива в принятии решений относительно перспектив развития организации и отрасли в настоящем по сравнению с советским периодом. В приведённых ниже фрагментах интервью специалисты представлены не просто исполнителями работ, а участниками процесса управления посредством общих собраний коллектива, проводившихся по инициативе руководства:

«Раньше был коллектив и руководители, по крайней мере, собирали этот коллектив. <...> обсуждали, чего дальше, плюсы, минусы, что сделано было, что надо сделать. Ну, конечно, там перепалки были и ругань. Но самое главное: какая-то такая атмосфера, есть коллектив. Сейчас практически собраний не проводят. Вообще не встречаются. Идут работы, люди выезжают на объекты, здесь мы сидим, работаем. Но таких объединяющих каких-то мероприятий, кроме этих всяких корпоративов, связанных с праздниками, и узких совещаний в руководстве, внизу практически нет» (сотрудник, 78 лет).

«<...> мы осуществляли техническую политику нашей фирмы и политику в составе министерства, работу по эксплуатации электрических станций и сетей. <...> мы собирали специалистов со всех наших предприятий и обсуждали все

проблемы, которые стояли перед электроэнергетикой. Это традиция хорошая была, и все предприятия наши дули в одну дуду, как говорится. И техническая политика осуществлялась чётко. <...>Мы ежегодно собирали совет директоров и проводили его в разных городах: в Москве, Свердловске, Новосибирске, Владивостоке и др. (сотрудник, 81 год).

На собраниях коллектива «Предприятия» в советское время, несомненно, присутствовала традиционная часть: обязательный отчёт руководства перед подчинёнными о проделанной работе за «истекший период», вручение похвальных грамот, ответные благодарности и аплодисменты. Но более важным наши собеседники считают то, что это был канал влияния на руководство, которое предпочитало своевременно прислушиваться к новым предложениям и критике «снизу» на глазах у всего коллектива, тем самым делая обсуждаемые проблемы общими.

Такая форма общения с коллективом, отчасти в виде дискуссии, зависела во многом от личности и способностей руководителя, в чём-то была советской традицией обсуждения планов, не всегда преследующей цели экономического развития организации. Задача управления заключалась не в том, чтобы распределить некий набор работ по подчинённым, а в создании работоспособной команды на данный момент и на перспективу с соблюдением профессиональной субординации. Руководитель оценивался позитивно, если он имел тесный контакт со своими сотрудниками как в профессиональном, так и в личностном плане.

О тесной связи руководства и коллектива в советское время свидетельствует и то, что сотрудники могли повлиять на смену руководства:

«<...> до меня был руководитель, который не ужился в коллективе. Значит, и коллектив его... В советское время был порядок такой: если руководителя не избирают в состав партийного бюро, то его от должности освобождают» (сотрудник, 81 год).

По мнению наших собеседников, современные управляющие «Предприятия» значительно проигрывают советским руководителям по степени связи с коллективом, а главные причины такого положения дел: изменение формы собственности организации на открытое акционерное общество и различное понимание целей (либо развитие и совершенствование энергосистем, либо получение скорой прибыли). Членов собрания акционеров «Предприятия» представители старшего поколения инженеров воспринимают как чужих:

«<...> наши хозяева абсолютно не знают, чем мы занимаемся, они не могут оценить наш вклад. Просто они – менеджеры, они не по этой части и им это всё не надо. <...> в энергетике мы держались, мы пережили 90-е. Мы разрушились в начале 2000-х» (сотрудница, 76 лет).

«<...> сейчас директор – это марионетка в чужих руках. <...> сейчас хозяин у нас что придумает, то и придумает» (сотрудник, 58 лет).

Процесс «отрыва» руководителей-менеджеров от коллектива – не спонтанный. Он задаётся идеологией нового менеджмента, которая постулирует, что управляемость организацией означает жёсткое следование стандартам, заданным экономической и технологической целесообразностью. Эта идея, в теории правильная, на практике странным образом, приводит к дезорганизации общей работы. На наш взгляд, это происходит потому, что не востребовавшейся оказывается инициатива опытных работников, знающих не общие принципы, а контекст решения той или иной производственной задачи. Начинается процесс отчуждения, апатии, который приводит к потере квалифицированных кадров.

Для руководителей из среды инженеров, принадлежащих к разным поколениям, главная задача – собрать команду профессионалов. При этом важно найти способы заинтересовать специалистов (творчество, авторитет, перспективная должность) или хотя бы не растерять их потенциал для отрасли. В любом случае такая концепция развития трудового коллектива основана на базовой для него ценности – профессионализме.

«У нас специалистов много, и профессиональные качества я ставлю на первое место. Есть личности, которые зарекомендовали себя в мировой энергетике. Их знает и вся наша страна, их знают и за рубежом. Нас приглашают на научно-технические советы в Российскую академию наук, нас приглашают на различные выставки, совещания, симпозиумы» (сотрудник, 58 лет).

«Я всегда только за то, чтобы сотрудники развивались. Если они хотят в рамках другой организации, то я им помогу даже в этом. Если люди хотят уволиться от нас и найти какой-то опыт в параллельной сфере – я понимаю, что человек потерян для нас. Я не буду отслеживать, чтобы он быстрее уволился, а наоборот, плавно перешёл от нас туда, без пробелов в трудовой деятельности. Поэтому к сотрудникам я отношусь по-человечески, независимо от того, хотят они у нас работать в дальнейшем или нет. Видимо, это все понимают и отвечают взаимностью» (сотрудник, 35 лет).

Вертикальные связи существенно определяют специфику модели коллективности для данной организации. В конечном итоге именно от руководства зависит включение в коллектив того или иного сотрудника, способность коллектива решать профессиональные задачи и создание условий для выполнения этих задач, в том числе выбор наиболее эффектив-

Современный процесс «отрыва» руководителей-менеджеров от коллектива – не спонтанный. Он задаётся идеологией нового менеджмента, которая постулирует, что управляемость организацией означает жёсткое следование стандартам, заданным экономической и технологической целесообразностью. Эта идея, в теории правильная, на практике приводит к дезорганизации общей работы.

ной организационной формы. Вместе с тем следует учитывать социально-политические и экономические условия, личное отношение к коллективу как к целому, о чём уже говорилось выше, а также отношения между сотрудниками.

Горизонтальные связи

На «Предприятии» работа идёт главным образом на энергетических объектах в командировках: проектирование, выполнение расчётов, наладка оборудования, подготовка нормативных документов. Часто это изначально коллективная работа, подразумевающая не только применение знаний, но и умение сотрудничать. Перекалывание ответственности на коллег или невыполнение своей части работ раньше или позже приведёт к увольнению.

Рабочие отношения основаны на функциональной зависимости, что не является чем-то уникальным. Распределение обязанностей в соответствии со специализацией сотрудников предполагает отсутствие внутренней конкуренции и совместное обсуждение возникших трудностей, атмосферу сотрудничества. Это можно считать исходными условиями для формирования коллективности. Идеология нового менеджмента постулирует, что для успеха организации важны отношения конкуренции, а не сотрудничество. Негативные последствия этого постулата очевидны: люди считают свои знания и опыт личным, а не коллективным капиталом, и не склонны делиться знаниями. Респонденты с ностальгией вспоминали о тех временах, когда нормой было сотрудничество, и говорят, что и сейчас успех сопутствует сотрудничающим коллективам.

«<...> если одному человеку не под силу что-то делать, то включался другой специалист. Помогали друг другу, проверяли вместе. Вообще мы самостоятельно мало работаем. Мы работаем парами, как правило, с кем-то. <...> Помогали друг другу, потому что некоторые вещи одному просто не проверить. Поэтому взаимопомощь и взаимовыручка – это здесь как раз нормальная позиция. <...> А если что-то не получается, тогда обсуждается коллективно и выносится решение, что нужно сделать» (сотрудник, 58 лет).

Сотрудники «Предприятия» в значительной мере вынуждены зависеть друг от друга функционально, но определённое отношение к работе формируется отчасти индивидуально, отчасти является должностной обязанностью, отчасти именно такое отношение востребовано коллективом. Например, такое важное в коллективе качество, как командная ответственность, в отличие от уровня профессиональной подготовки и соблюдения трудовой дисциплины, не входит непосредственно в круг должностных обязанностей сотрудника «Предприятия», тем не

менее оно в значительной мере востребовано. Принято не утаивать ни свои достижения, ни промахи, поскольку они считаются частью общего дела, основы которого были заложены ещё предшественниками в советское время. Опыт коллег-специалистов – точка отсчёта в оценке вклада каждого сотрудника. Денежное вознаграждение воспринимается как производное по отношению к профессиональной репутации.

«Можно сделать работу абы как – вот только деньги бы схватить. <...> А у нас может быть и даже за меньшие деньги, но просто весь коллектив очень ответственно ко всему подходит независимо от того, получает деньги или нет. Все в общем выполняют работу очень добросовестно. Это у нас, я думаю, сохранилось с советских времен, <...> такая командная ответственность. Потому что у нас нет такой работы, чтобы ... один делает, ... вот он ушёл, и никто ничего не знает и не отвечает. Допустим, заболел и скажут: а бог с ним, он сам пусть своё и доделывает. Нет, у нас тут же подхватывается, тут же делается. Каждый знает, что может заболеть или в отпуск <...>. Но в общем-то производство не останавливается, и никогда не чувствуется, что вот кто-то ушёл и теперь не знаешь, чего делать. Не будут никогда скрывать расчёты. Знаете, как сейчас в других организациях? Чтобы показать свою значимость, от других могут скрывать, не говорить, ни документа <показать>, потому что вдруг кто-то себя проявит, и скажут – тот умнее. У нас этого нет. У нас все обязательно предупреждают, если уходят, где на столе чего взять, где в машине какие файлы» (сотрудница, 66 лет).

Схожий образ жизни, условия проживания и работы, одни и те же проблемы объединяют сотрудников «Предприятия» в командировках. Речь идёт о командировках, которые связаны фактически с временным переездом на новое место жительства, иногда всей семьёй сотрудника. Коллективность здесь проявляется как общность профессиональных связей и неформальных отношений. В командировке создаётся достаточно замкнутый и относительно тесный круг общения. В памяти людей остаётся общая история сотрудничества и разладов, поиска решений и преодоления трудностей, совместного проведения досуга. Для многих сотрудников именно в командировке началась многолетняя дружба, некоторые создали собственные семьи.

Интересно отметить, что в оценках некоторых инженеров со стажем, молодые выглядят как более негативно настроенные к командировочному образу жизни. В сравнении некоторые более требовательны к условиям оплаты, к комфорту, у них меньше трудового энтузиазма, но и условия работы изменились.

«<...> нагрузка была в тот период побольше. <...> требования были больше. Допустим, возникала необходимость ехать куда-то в командировку. Мы были достаточно молодые, и ни-

каких не было мыслей о том, что я не могу поехать по каким-то причинам или мне сложно. Просто мы ехали и делали дело. <...> Выезды в командировки связаны с какими-то лишениями. Во-первых, надо ехать куда-то далеко, там же и жить, и питаться, и всякие ночные работы и прочее. На такую работу не каждый согласен и испытывать такие трудности. Поэтому с течением времени, чем дальше, тем сложнее найти людей, которые бы работали в таких условиях. Это, как правило, должен быть человек неженатый. И средних лет или молодой, который свободен и интересуется энергетикой, хочет поработать на объекте» (сотрудник, 78 лет).

«<...> вот пришёл к нам молодой специалист,... он в МЭИ делает диссертацию. <...> Диссертация, а трудовой фронт положен. Он к нам пришёл – его послали <туда – авт.>, где строится небольшая станция, половина которой закуплена за границей. <Детали> приходят в ящиках и налаживают там нечего, их только состыковать. Но там задерживается строительство. Он сидел-сидел и ушёл обратно в МЭИ. <...> Там скандалы идут постоянные, потому что ищут крайнего в таких случаях. И эти бедные мальчики, чтобы от них отстали, они ... за других работают. Не нашими работами занимаются, в договоре этих работ нет. А они делают» (сотрудница, 76 лет).

Таких массовых выездов в командировки, как в СССР, сейчас уже нет по разным причинам, поэтому мы ограничимся констатацией снижения значимости командировочного образа жизни как фактора укрепления коллективности. Досуговые и социальные мероприятия, которые устраивают сотрудники, используя ресурсы организации и коллектива, не исчезают. Их следует отличать от дружеского общения вне работы (выезды на рыбалку, походы в кино и т. п.). Они представляют ценности, важные для коллектива как целого: уважение к ветеранам, друг к другу, творческое самовыражение, поддержка в трудную минуту. Благодаря таким мероприятиям эти ценности воспринимаются и поддерживаются сначала на неформальном уровне, а потом и в работе.

Неформальные отношения часто переплетены с профессиональными и помогают в работе, несмотря на принадлежность коллег к разным организациям. Изменение условий обмена информацией в отрасли, возможно, связано с конкуренцией на рынке или личным негативным отношением к руководству «Предприятия».

Р: Турбина – это то, что крутит генератор, это основная часть электростанции. У нас нет турбинного цеха, просто нет. Формально он есть, но турбиниста квалифицированного, к которому можно подойти с вопросом, нет. Они все разошлись.

И: А где же вы их ищете?

Р: А я знаю, где они. Я просто им звоню. Они говорят: тебе я отвечу, а официально с вами работать не буду (сотрудница, 76 лет).

В коллективности, как в характеристике некоего сообщества людей, можно выделить главные и второстепенные аспекты. Последние являются скорее атрибутами, некими внешними проявлениями солидаризации. Они имеют значение лишь постольку, поскольку соотнесены со стержнем объединения, т. е. с тем, как понимает цель и необходимые средства для её достижения наиболее значимая часть коллектива. Коллектив «Предприятия» и условия его работы меняются, так и должно быть. Сотрудники пока ещё стремятся сохранить и передать «код профессиональной культуры», несмотря на препятствия в виде невысокой зарплаты, структурных изменений, встречающейся недобросовестности. Ещё одна важная общая задача – поддерживать и развивать свой коллектив как объединение грамотных специалистов.

«В нашем коллективе <...> 50% сохранилось: их так можно назвать – человек-университет. <...> Молодёжь даже и поедет на станцию, да снимет показания с приборов. Но... выяснить причину, почему это произошло... Это могут только эти люди, молодёжь не сделает этого вывода. У нас таких человек сейчас около 90 работает, у которых стаж работы 35–40 лет. За счёт этого и держится наша организация. За счёт этого коллектива. <...> меняется директор каждые полгода, пришли-ушли, после них только одни долги. А за счёт коллектива и того отношения к работе, к которому <старожилы> приучены, которое в них самих сидит, они не могут изменить самим себе. Они сами себя предать не могут уже. <...> Их нужно поддерживать, как золотой фонд, нужно беречь. Чтобы эти наставники были и передавали не те традиции, чтобы посидеть в компании, а традиции хороших знаний по энергетике» (сотрудница, 58 лет).

Заключение

Мы не стремились представить коллектив «Предприятия» как некий идеальный трудовой коллектив, тем более что он таковым и не является. Вышесказанное – попытка приблизиться к пониманию коллективности в современном обществе через его маленький срез: инженеров одного московского предприятия. Материалы интервью демонстрируют такие признаки коллективности, как схожие представления о роли организации в отрасли, общую трудовую деятельность, правила взаимодействия, основанные на поддержании высокого уровня квалификации, ответственности за общее дело. Подытожим, какие изменения происходили с основными признаками коллективности на протяжении последних десятилетий.

Цели и ценности: электроэнергетическое обеспечение производства и бытовых условий жизнедеятельности. В советский период значимость труда энергетиков для всей страны, тесная

связь «Предприятия» с отраслевым министерством поднимала значимость коллектива, делала принадлежность к этому коллективу самостоятельной ценностью. В постсоветский период изменилось структурное положение организации в связи с общим системным кризисом 1990-х гг., в том числе и в энергетике. Однако «Предприятие» сохранило свои функции (специализация в проектировании, наладке, эксплуатации энергетических объектов) и потенциал для отрасли во многом благодаря специалистам, которые не «ушли мыть машины» и «не так были воспитаны, чтоб пойти на рынок», тем самым соотнося профессионально-личные интересы с основной целью развития энергетики.

Из этого следует первостепенное значение таких ресурсов для сохранения коллектива, как профессионализм (высокая квалификация специалистов), мобильность, личная инициатива. Позитивный или негативный вклад каждого сотрудника в общее дело продолжает восприниматься в контексте опыта, накопленного инженерами-предшественниками и нынешними ведущими специалистами. Это, прежде всего, совокупность технических знаний и навыков по энергетике, но это и условия их передачи, воспроизводства и развития. Современные условия передачи «профессионального культурного кода» оцениваются нашими экспертами скорее негативно по сравнению с советским периодом. Причины разнообразны, но взаимосвязаны: конкуренция компаний за специалистов (главные инструмент – размер зарплаты), изменение мотивации к труду, «провал» по среднему поколению в 1990-е гг. Немаловажна негативная роль в разрушении идеологии коллективности и принципы нового менеджмента: отношение к работнику как к атомарной единице, «винтику» в системе управления организацией, единственным стимулом активности которого является стремление превзойти коллег. Наше исследование показывает, что эта идеология разрушительна, по крайней мере, для тех отраслей, где нужна слаженная работа коллектива профессионалов. Профессионализм и ответственное отношение к своей работе – главный критерий в оценке деятельности не только рядовых сотрудников, но и руководства. Однако готовность к сотрудничеству и отношения солидарности не менее важны для успеха общей работы.

Что касается мобильности как признака коллективности, то она содержит два аспекта: во-первых, её функциональное значение для организации, поскольку многие энергетические объекты территориально удалены друг от друга; во-вторых, схожий «командировочный» образ жизни (в период бурного развития отрасли – «бригадный», теперь это скорее более редкие и менее продолжительные индивидуальные поездки). Несомненно, что в советское время мобильность оказывала значительно более глубокое влияние на укрепление сплочённости коллектива, чем в настоящее время.

Часто советский трудовой коллектив ассоциируется с проявлениями конформности, подавления личной инициативы и даже личности. Собранные материалы этого не

Первостепенное значение для сотрудников имеет наличие таких ресурсов для сохранения коллектива, как профессионализм (высокая квалификация специалистов), мобильность, личная инициатива. Позитивный или негативный вклад каждого сотрудника в общее дело продолжает восприниматься в контексте опыта, накопленного инженерами-предшественниками и нынешними ведущими специалистами.

подтверждают. Если речь и шла о конформности, то скорее о показной (демонстрация на Красной площади начала 1950-х гг.). В нашем случае на практике, в процессе работы наряду с соблюдением трудовой дисциплины требовалась и остаётся актуальной именно личная инициатива.

Специфическое свойство коллективности, которое удалось зафиксировать, это активная роль коллектива в формировании себя как субъекта социально-экономических отношений. В советское время это выражалось, в частности, в том, что сотрудники могли участвовать в выборе руководителя и иногда увольнении некоторых неадаптированных коллег, в планировании развития организации, в воспроизводстве профессиональной смены. Правила взаимодействия трудового коллектива с его руководством (менеджментом) подверглись наибольшей трансформации по сравнению с другими признаками коллективности, что связано прежде всего с переходом от централизованного государственного управления энергетической системой страны к частично регулируемому государством рынку и иной организационно-правовой структуре энергетической отрасли.

Специалисты сожалеют о значительном снижении роли трудового коллектива в принятии решений относительно перспектив развития организации и отрасли в настоящем по сравнению с советским периодом. Топ-менеджеры, действующие в интересах акционеров предприятия, не являются для сотрудников не только членами трудового коллектива в отличие от советских руководителей, но, напротив, стали «чужими». К сожалению, у нас нет представления о сложившейся ситуации с точки зрения менеджеров, поэтому мы можем предполагать, что отторжение руководства коллективом идёт по упомянутым основным ценностям и принципам работы. Этому, как правило, противостоят современные распространённые «короткие стратегии» менеджмента, ориентации на быструю прибыль и, соответственно, быстрое выполнение заказов с характерным увеличением нагрузки, нарушением норм производительности труда, которые зачастую могут обернуться снижением качества работ. Последнее обстоятельство означает для энергетики повышение риска возникновения аварийных ситуаций, а для специалистов – потерю профессиональной репутации.

Преобразования в энергетической отрасли далеки от своего завершения, в частности они касаются и менеджмента. Автор полностью поддерживает замечание В. А. Ядова о том, что необходимость в подготовке квалифицированных отраслевых менеджеров – важнейшая задача, не менее важная, чем общенациональная борьба с коррупцией и утверждением правопорядка.

Пилотное исследование позволяет сделать вывод о многообразии форм коллективности и о разной степени их востребованности в зависимости от объективных (системных) и субъективных факторов (цели, задачи, интересы). Используемая методика выявления признаков коллективности в интервью – через принципы обучения, передачи опыта; оценки влияния

Часто советский трудовой коллектив ассоциируется с проявлениями конформности, подавления личной инициативы и даже личности. Собранные материалы этого не подтверждают. Если речь и шла о конформности, то скорее о показной (демонстрация на Красной площади начала 1950-х гг.). В нашем случае в процессе работы наряду с соблюдением трудовой дисциплины требовалась и остаётся актуальной именно личная инициатива.

Специалисты сожалеют о значительном снижении роли трудового коллектива в принятии решений относительно перспектив развития организации и отрасли в настоящем по сравнению с советским периодом.

различных факторов на формальные и неформальные взаимоотношения; позиционирование коллектива, представления о целях («миссии») организации – требует проверки в дальнейших исследованиях. Предполагается, что они будут проведены на предприятиях других отраслей с аналогичными группами сотрудников, заканчивающих свой трудовой путь, а также на «контрастных» группах, представляющих самое молодое поколение работников.

Библиографический список

Климова С. Г. 2006. Челноки: бегство от нужды или погоня за шансом // Социальная реальность. № 2. С. 26–40.

Нигматулин Б. И. 2011. Развитие электроэнергетики базируется на мифах... // Веб-сайт журнала «Энергосбережение». URL: http://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=5096 [Дата посещения: 09.11.2014].

Подмарков В. Г. 1973. Введение в промышленную социологию. М.: Мысль. 318 с.

Российская социологическая энциклопедия. 1998 / Под общей ред. Осипова Г. В. М.: Издательская группа Норма–Инфра М. 664 с.

Социология труда: Учебник. 1993 / Под ред. Дряхлова Н. И., Кравченко А. И., Щербины В. В. М.: Изд-во Моск. ун-та. 368 с.

Становление трудовых отношений в постсоветской России. 2004. / Под ред. Ядова В. А. М: Академический проект. 317 с.

Яновский Ф. Б., Михайлова С. А. 2003. Энергетическая стратегия и развитие теплоснабжения России // Веб-сайт журнала «Энергосбережение». URL: http://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=2270 [Дата посещения: 09.11.2014].

Hofstede G. 1994. Cultures and Organizations. London: Harper Collins Business. 279 p.

Changes in Teamwork: Between Demand and Breakup

Shcherbakova Irina Vyacheslavovna

Candidate of sociological sciences, researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: irasher@yandex.ru

Abstract. This article studies teamwork at an energy plant in Moscow as an example that helps analyze the changes that have occurred in workplace relations over the past few decades. We have carried out a number of in-depth interviews, revealing the employees' thoughts on the team's development stages, experience sharing, and relationship structure within their workplace. By reconstructing the principles of Soviet and modern teamwork, we reveal the factors that determine whether or not the team is close-knit. Special emphasis is given to such vital teamwork elements as professionalism, flexibility, and personal initiative. We have discovered a specific feature of teamwork: namely, the

team's active efforts to assert itself as an independent social and economic entity. Out of all the elements of teamwork, the workers' relationship with the management has experienced the most drastic transformation; this may be chiefly explained by the shift from a centralized energy sector that is fully controlled by the state to a market that is only partially governed by the state, combined with a completely new management and legal structure of the sector. This pilot research allows the development of more precise tools for studying teamwork, based on the data collected.

Keywords: labour collective, power engineering, engineers, collectivism, collectivity, managers.

References

Hofstede G. *Cultures and Organizations*. London, Harper Collins Business, 1994. 279 p.

Janovsky F. B., Mihaylova S. A. Energeticheskaja strategija i razvitie teplosnabzhenija Rossii [Energy Strategy and Development of Heat Supply in Russia]. *Energoberezhenie*. Official website. URL: http://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=2270 [date of visit 09.02.2015].

Klimova S. G. Chelnoki: begstvo ot nuzhdy ili pogonia za shansom ["Shuttles": Escape from Poverty or the Pursuit of Chance]. *Social'naja real'nost'*, 2006, no 2, pp. 26–40.

Nigmatulin B. I. Razvitie elektrojenergetiki baziruetsia na mifah... [Development of Electric Power Based on Myths]. «*Energoberezhenie*». Official website. URL: http://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=5096 [date of visit 09.02.2015].

Podmarkov V. G. *Vvedenie v promyshlennuju sociologiju* [Introduction to Industrial Sociology]. M.: Mysl'. 1973. 318 p.

Rossiyskaja sociologicheskaja enciklopedija [Russian Sociological Encyclopedia]. Ed. by ac. G. V. Osipov. Moscow, Norma–Infra M, 1998. 664 p.

Sociologija truda [Sociology of Labor]. Uchebnik. Ed. by N. I. Driahlov, A. I. Kravchenko, V. V. Scherbina. Moscow, MSU, 1993. 368 p.

Stanovlenie trudovykh otnosheniy v postsovetskoy Rossii [The formation of labor relations]. Ed. by V. A. Yadov. Moscow, Akademicheskij proekt, 2004. 317 p.

Социальная активность в современной России

Потенциал протестной активности молодежи в условиях риска: анализ случая

Шлыкова Елена Викторовна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: shlykova70@yandex.ru

Потенциал протестной активности молодёжи в условиях риска: анализ случая

Аннотация

В статье предпринята попытка расширить социологическое представление о риске как одном из факторов, формирующих протестный потенциал и способствующих протестной активности. Протестная активность интерпретируется с позиций социологии риска как ответ на неблагоприятное воздействие среды, проявление недостаточной защищённости от этого воздействия. Изучаются особенности протестной активности и протестного потенциала молодёжи в социальной общности, находящейся в ситуации риска. Анализируемые данные получены в ходе полевых исследований, проведённых в 2012–13 гг. при методическом сопровождении сотрудников сектора проблем риска и катастроф ИС РАН в одном из российских регионов, находящемся в ситуации риска и характеризующемся локальной протестной активностью населения. Базу данных составляют результаты формализованных интервью (501 – в 2012 г. и 394 – в 2013), доля молодёжи в обоих массивах составляет 21%. В молодёжной среде региона выявлены группы протестно-активных и тех, кто составляет протестный потенциал. Показаны различия этих групп молодёжи по социально-демографическим характеристикам, отношению к социально-политической ситуации в стране и регионе, отношению к окружающей природной среде, доверию различным субъектам социальной среды, общей оценке риска и отношению к развитию горнодобывающей промышленности в регионе. Определена граница в принятии молодёжью решения об участии в протестной активности, а именно – выбор между возможными ущербами для окружающей природной среды и здоровья населения и экономической выгодой от промышленного освоения месторождений. Выявлены условия, с одной стороны, снижения протестной активности молодёжи и, с другой – перерастания протестного потенциала в активность. Показана важность снижения риска от развития горнодобывающей индустрии до социально приемлемого уровня; выполнения в регионе обязательств по реализации заявленных экономических выгод; повышения уровня доверия государственным и властным структурам. Сделаны выводы о необходимости принятия социально-ответственных решений, строящихся на балансе между экономической выгодой и социально приемлемыми ущербами.

Ключевые слова: социология риска, риск, протестная активность, протестный потенциал, молодёжь

Постановка исследовательской задачи

Всплески протестной активности россиян, наблюдаемые в последние годы, вызвали рост научного интереса к причинам возникновения, особенностям механизмов формирования и способам реализации протестных настроений в современной России. Об этом свидетельствует значительное число научных публикаций по рассматриваемой проблематике. Так, поисковый запрос в электронной библиотеке «eLibrary.ru» по ключевым словам за последние восемь лет показывает следующие результаты: 696 публикаций с ключевым словом «протест» в названии и аннотации, 81 публикация с ключевым словом «протестная активность», 64 – «протестные настроения», 61 – «протестное поведение», 54 публикации – «протестный потенциал». Как правило, протестная проблематика изучается в предметных рамках социологии, политологии и смежных дисциплин: конфликтологии, социальной психологии, истории, социальной философии, педагогики. Подавляющее большинство представленных публикаций посвящены рассмотрению содержания и причин политических и экономических протестов. В ряде публикаций исследуются различные аспекты социокультурных и статусно-ролевых протестов. В фокусе внимания других работ находятся теоретическое осмысление протестных настроений, методология и методы изучения протестного поведения, региональные аспекты протестов, особенности протестного потенциала и активности различных категорий населения. Особое место в исследованиях занимает изучение протестных настроений в молодёжной среде, так как склонность к протесту – одна из социально-психологических характеристик молодёжи как особой категории населения.

В ряде публикаций протест соотносится с понятиями «риск» и «безопасность» [Волынчук, Соловченков 2013; Соловченков 2013; Гаранин 2009]. В этих публикациях проявление протестной активности рассматривается как фактор, снижающий безопасность на различных уровнях – групповом, региональном, общества в целом. Безусловно являясь фактором риска, влияющим на устойчивость общества, протестная активность вместе с тем в ряде случаев формируется в условиях риска как ответ на неблагоприятное воздействие среды, проявление недостаточной защищённости от этого воздействия. Наш исследовательский интерес состоит в изучении с позиций социологии риска особенностей протестной активности и протестного потенциала социальных общностей, находящихся в ситуации риска. Полагаем, что исследование характера связи протестной активности и протестного потенциала определённых социальных субъектов с их отношением к конкретному риску позволит расширить социологические

В рамках социологии риска причины и содержание протестных настроений рассматриваются в их связи с неравным распределением и накоплением рисков в обществе.

представления о риске как одном из факторов, формирующих протестный потенциал и способствующих протестной активности. На решение этой исследовательской задачи направлена данная статья.

В рамках социологии риска причины и содержание протестных настроений рассматриваются в их связи с неравномерным распределением и накоплением рисков в обществе. Как утверждает У. Бек, риски приводят к появлению гражданских инициатив и социальных движений, которые выступают проявлением рискованных ситуаций в обществе [Бек 2000]. В основе деятельности отдельных индивидов, групп, организаций и движений, борющихся против какого-либо конкретного риска (войны, социальной несправедливости, проблем окружающей среды и пр.), лежит протест. В данной статье под *протестом* понимается реакция на текущую ситуацию, специфика которой состоит в активных действиях (как мирных, так и насильственных) определённых социальных общностей, групп и индивидов, направленных на выражение недовольства существующим положением дел. Осуществляемые активные действия как факт участия в акциях протеста представляют собой *протестную активность*. Протестная активность формируется посредством развития *протестного потенциала* – субъективной готовности участвовать в акциях протеста при определённых условиях.

Протестная активность россиян, по данным последних исследований Левада-Центра, после подъёма в 2011 г. пошла на спад и в августе 2014 г. достигла минимального уровня. Сейчас с экономическими требованиями готовы протестовать 14% россиян, с политическими – 9% [Протестная активность россиян. 2014]. На фоне общероссийской тенденции снижения протестной активности существуют регионы с «точечной» протестной активностью, вызванной теми или иными локальными причинами. Сектор проблем риска и катастроф ИС РАН располагает данными двух социологических исследований, проведённых при нашем методическом сопровождении в 2012 и 2013 гг. в одном из российских регионов, находящемся в ситуации конкретного риска. Анализ эмпирических данных в статье осуществляется на основе результатов указанных исследований.

Описание ситуации риска

В одном из регионов России по решению правительства РФ запланировано строительство рудодобывающих шахт, обогательного комбината, хранилища отходов. Планируемые к разработке рудопрооявления известны давно, однако в советский период было решено их не разрабатывать в силу сложности залегания, аграрного профиля региона и непосредственной близости охраняемых природных объектов.

Протестная активность формируется посредством развития *протестного потенциала* – субъективной готовности участвовать в акциях протеста при определённых условиях.

Сотрудники сектора проблем риска и катастроф ИС РАН принимали участие в работе группы экспертов¹ по проведению комплексной оценки целесообразности и возможных последствий планируемых разработок. Выводы экспертов, специалистов разных научных областей, свидетельствуют о том, что реализация проекта по разработке месторождений связана с целым рядом серьёзных экологических, экономических, социальных рисков. По оценкам экологов, гидрогеологов, биологов вследствие развития горнодобывающего производства возможно падение грунтовых вод, осушение пойм рек, перенос загрязняющих веществ, что неизбежно приведёт к нарушению условий обитания в охраняемых природных комплексах и их разрушению. Экономисты утверждают, что разработка рудопроявлений может привести к выводу из оборота элитных чернозёмов и сокращению вовлечённых в аграрный оборот сельскохозяйственных земель. Реализация проекта в регионе связана и с серьёзными социальными последствиями: во-первых, неизбежна деградация окружающей среды; во-вторых, существует реальная угроза здоровью населения; в-третьих, перепрофилирование аграрного региона может привести к снижению уровня жизни, так как сельское хозяйство является главным источником средств существования населения.

В регионе действуют несколько общественных экологических организаций и движений, под эгидой которых на протяжении трёх лет проходят различные акции протеста против разработок месторождений (многотысячные митинги, пикеты, лагеря эоактивистов, интернет-акции и др.). В протестное движение вовлечены активисты из числа населения данного региона, а также целого ряда пограничных областей. За последние два года проведены более сорока различных акций протеста. В настоящее время на месторождениях начаты геологоразведочные работы, что стимулировало усиление протестных действий активистов, в том числе и вне правового поля: предпринимались попытки разгрома спецтехники на местах бурения.

Анализ местной прессы, интернет-источников, результатов интервью с участниками событий показывает, что жители региона испытывают серьёзное информационное давление как со стороны сторонников, так и противников разработок рудопроявлений. Сторонники обещают новые рабочие места, финансовые вливания в бюджет региона, развитие социальной инфраструктуры; противники заостряют внимание на возможном непоправимом ущербе природе региона и здоровью населения.

---

¹ По условиям нашего участия в данной работе, мы имеем право осуществлять научную оценку имеющейся у нас информации, не называя регион и участников событий.

С точки зрения социологии риска, социальная общность, проживающая в регионе, находится в ситуации эколого-экономического противоречия, суть которого состоит в противоречии между интересами экономики и сохранением природной среды. Проявляется оно через конфликт таких базисных ценностей, как право граждан на благоприятную окружающую среду и охрану здоровья, во-первых, и стремление отдельных лиц и групп населения к экономической выгоде любой ценой, во-вторых [Мозговая, Комарова 2004].

С одной стороны, исследуемая общность представляет собой социальный субъект в ситуации конкретного риска – потенциальной возможности нанесения ему (субъекту) тех или иных ущербов в связи с наличием источника неблагоприятного воздействия (разработки рудопроявлений). С другой стороны, жители региона в перспективе имеют определённую экономическую выгоду. Полагаем, что выбор между ущербом и выгодой в ситуации рассматриваемого риска может выступать границей в принятии решения об участии в протестной активности.

Устойчивые протестные настроения в регионе свидетельствуют о восприятии населением сложившейся ситуации как реального риска и указывают на недостаточную защищённость социальной общности от этого воздействия. Степень вовлечённости отдельных групп населения региона в протесты различна: определённая часть уже принимала участие в акциях протеста (осуществляла протестную активность), другие – нет, но могут включиться при определённых условиях (протестный потенциал). Полагаем, что сравнительный анализ участвовавших и неучаствовавших в акциях протеста респондентов по ряду показателей и выявление их сходств и специфических особенностей позволит охарактеризовать группы «протестно-активных» и «протестно-потенциальных» жителей региона, определить условия, при которых протестный потенциал может перерасти в активные действия.

Молодёжь как объект исследования мы выбрали по целому ряду причин. Во-первых, молодёжь является стратегическим ресурсом страны: от «культуры» предъявления молодёжью требований в защиту своих интересов, прав, идеалов зависит социальный порядок в стране как сегодня, так и в ближайшем будущем. Во-вторых, молодёжь, с точки зрения социологии риска, представляет собой специфическую категорию. В молодёжной среде проявляется двойственная объективно-субъективная природа риска. Молодёжь подвержена влиянию опасностей среды, то есть риск является *объективным* условием их жизни. *Субъективная* природа риска проявляется у молодёжи как социальной категории, которой, по утверждению Ю. А. Зубок, «риск присущ имманентно и может быть признан её своеобразным группообразующим фактором» [Зубок 2007: 170]. В-третьих, факторы риска, нарушающие

процесс самореализации и социального развития молодёжи, вынуждают её «активно действовать в ситуациях неопределённости и риска» [Матвеева 2010: 24].

Основная гипотеза, на проверку которой направлен наш анализ, состоит в предположении, что в молодёжной среде региона можно выделить группы протестно-активных и тех, чей протестный потенциал ещё не реализован. Выявленные по ряду показателей сходства и различия этих групп укажут на возможные условия перерастания протестного потенциала молодёжи региона в протестную активность. Для сравнительного анализа отобраны показатели, которые, на наш взгляд, в описанной ситуации риска с высокой степенью вероятности могут быть связаны с участием (неучастием) в акциях протеста, а именно: социально-демографические характеристики, отношение к социально-политической ситуации в стране и области, отношение к окружающей природной среде, доверие различным субъектам социальной среды, отношение к разработкам рудопроявлений, общая оценка риска. Наряду со сравнительным анализом, осуществим анализ специфических особенностей «протестно-потенциальной» группы молодёжи по такому показателю, как мотивация к активным действиям, что дополнит аргументацию условий перерастания молодёжного протестного потенциала в активность.

База анализа

Базой анализа служат результаты двух упомянутых выше социологических исследований, проведённых в указанном регионе в 2012 и 2013 гг. В обоих случаях формировалась многоступенчатая репрезентативная квотная выборка. Основой послужили сведения о генеральной совокупности, полученные из базы данных Федеральной службы государственной статистики на 1 января 2012 г., конкретно – база данных показателей муниципальных образований [База данных показателей...2012]. Квотирование проводилось по следующим признакам: тип поселения (город или село), пол, возраст.

В обоих массивах доля молодёжи¹ составляет 21% от всех опрошенных; внутри молодёжных групп доли по полу и типу поселения одинаковы и соответствуют генеральной совокупности, что открывает нам возможность проведения сравнительного анализа молодёжных групп по двум массивам.

¹ Молодёжь мы определяем в соответствии с «Основами государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утверждёнными распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р [Основы государственной молодёжной политики... 2014]: граждане в возрасте 14–30 лет. Опрашивались респонденты от 18 лет и старше, поэтому в статье под «молодёжью» мы имеем в виду респондентов в возрасте 18–30 лет.

В ходе предварительного анализа данных выяснилось, что молодёжные группы в двух массивах значительно различаются по признаку участия (неучастия) в активных действиях (митинги, пикеты, забастовки, голодовки) в защиту своих прав, свобод, позиций. В массиве 2012 г. 78% молодых людей отвечали, что уже участвовали в акциях протеста, 22% – что нет; в 2013 г., напротив, участвовавших в активных действиях оказалось 18%, не участвовавших – 82%. Для проведения сравнительного анализа эмпирических данных мы сформировали две группы молодёжи: участвовавшей в акциях протеста из массива 2012 г. ($n=79$) и не участвовавшей из массива 2013 г. ($n=65$). Первая характеризуется протестной активностью («протестно-активные»), вторая представляет собой протестный потенциал («протестно-потенциальные»). С методической точки зрения, сравнение двух массивов правомерно: во-первых, выборки идентичны и по типу (квотные), и по критериям; во-вторых, «поле» одно и то же; в-третьих, методика и инструментарий идентичны.

Проверку основной гипотезы о возможных условиях перерастания протестного потенциала молодёжи региона в протестную активность осуществим на базе сравнительного анализа выделенных групп по таким показателям, как социально-демографические особенности; отношение к социально-политической ситуации, окружающей природной среде; доверие социальным институтам и организациям; отношение к разработкам рудопроявлений и общая оценка риска.

Результаты сравнительного анализа молодёжи: факторы участия в акциях протеста

Социально-демографические особенности

Молодёжь, участвовавшая и не участвовавшая в акциях протеста, различается по ряду социально-демографических характеристик. Среди протестно-активных оказалось больше коренных жителей (87 против 77% среди не участвовавших в акциях протеста) и меньше приезжих (13 против 23% соответственно). В группе протестно-активной молодёжи выше доля респондентов со средним, средним специальным образованием (56 против 45%) и ниже – с высшим образованием (40 против 46%). В группе участвовавших больше состоящих в браке (56 против 49%), тогда как среди не участвовавших в акциях протеста никогда не состояли в браке (43 против 33%). В [таблице 1](#) представлено распределение рассматриваемых групп молодёжи по основному занятию.

Среди протестно-активных оказалось больше коренных жителей (87% против 77% среди не участвовавших в акциях протеста) и меньше приезжих (13% против 23% соответственно).

Таблица 1

Основное занятие молодёжи,
участвовавшей и не участвовавшей в акциях протеста, %

Группы молодёжи	Основное занятие			
	Работают	Студенты, учащиеся	Не работают и не ищут работу	Безработные, но ищут работу
Участвовавшие в акциях протеста	68	17	11	4
Не участвовавшие в акциях протеста	74	22	0	4

Среди молодёжи, не участвовавшей в акциях протеста, выше доли работающих и учащихся. Среди протестно-активной молодёжи, в отличие от не участвовавшей в акциях протеста, есть не работающие и не ищущие работу (в том числе из-за здоровья и семейных обстоятельств).

Не связанной с участием/неучастием в акциях протеста оказалась такая социально-демографическая характеристика, как наличие детей: доли имеющих детей в каждой из рассматриваемых групп молодёжи равны и составляют 44%.

Отношение к социально-политической ситуации

Отношение к социально-политической ситуации в стране в целом и конкретно в месте проживания (области) выступает одним из важных факторов, связанных с протестными настроениями. Оно интерпретируется через уровень заинтересованности событиями в стране и области, социально-политической грамотности и через специфику используемых источников информации о событиях в стране.

По всем трём индикаторам отношения к социально-политической ситуации выявлены существенные различия между группами молодёжи, участвовавшей и не участвовавшей в акциях протеста. На рис. 1 представлены результаты сравнительного анализа самооценок заинтересованности событиями в стране и области респондентов из рассматриваемых молодёжных групп.

Протестно-активная молодёжь, по сравнению с не участвовавшей в акциях протеста, характеризуется существенно более высоким уровнем интереса к событиям, происходящим как в стране в целом, так и в области.

Подавляющее большинство респондентов из обеих молодёжных групп (более 90%) для получения информации о ситуации в стране используют телевидение. Интернет используют 90% участвовавших в акциях протеста и 81% – не участвовавших. Значительно больше, по сравнению с не участвовавшими в акциях, протестно-активная молодёжь в качестве источников информации о событиях в стране использует радио (48 против 9%) и прессу (71 против 58%).

Протестно-активная молодёжь, по сравнению с не участвовавшей в акциях протеста, характеризуется существенно более высоким уровнем интереса к событиям, происходящим как в стране в целом, так и в области.

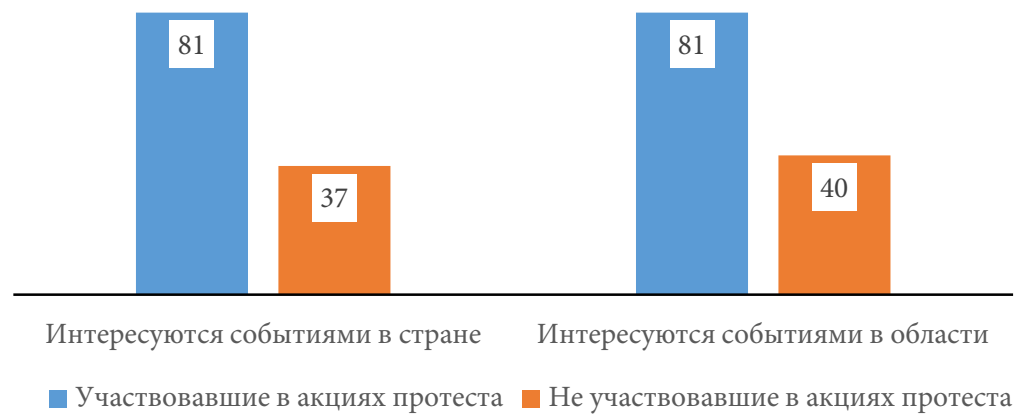

Рис. 1. Самооценки заинтересованности событиями в стране и области в группах молодёжи, участвовавшей и не участвовавшей в акциях протеста (суммарные доли в % ответивших «очень интересуются» и «интересуются» в каждой группе)

Ниже на рис. 2 демонстрируются результаты сравнительного анализа самооценок социально-политической грамотности в группах молодёжи, участвовавшей и не участвовавшей в акциях протеста.

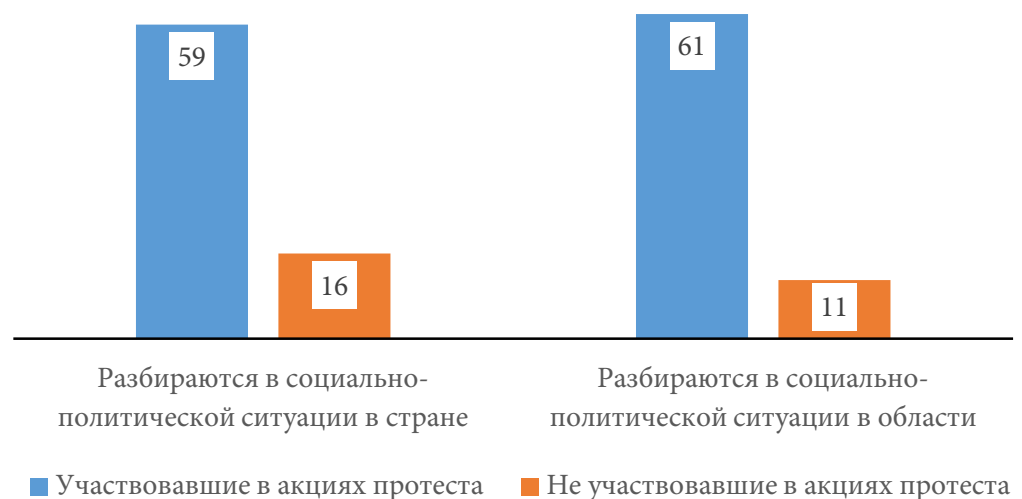

Рис. 2. Самооценки социально-политической грамотности молодёжи, участвовавшей и не участвовавшей в акциях протеста (суммарная доля в % ответивших «очень хорошо разбираются» и «разбираются» в каждой группе)

Протестно-активная молодёжь отличается высоким уровнем социально-политической грамотности по сравнению с не участвовавшими в акциях протеста.

Отношение к окружающей природной среде

Как уже отмечалось, основной угрозой, которую, по мнению экспертов, несёт в рассматриваемый регион разработка рудопроявлений, выступает деградация окружающей природной среды. В этой связи полагаем, что отношение к природной среде является существенным фактором, связанным с протестными настроениями в регионе.

Отношение к окружающей природной среде интерпретируется через оценку: потребности в информации о состоянии окружающей среды; информированности о состоянии окружающей среды; доверия различным источникам информации о состоянии окружающей среды; информированности о деятельности природоохранных организаций, заинтересованности различных организаций в охране окружающей среды.

Различия между группами молодёжи, участвовавшей и не участвовавшей в акциях протеста, наблюдаются по всем индикаторам отношения к окружающей природной среде. На рис. 3 представлены результаты сравнительного анализа оценок потребности молодёжи в информации о состоянии окружающей среды.

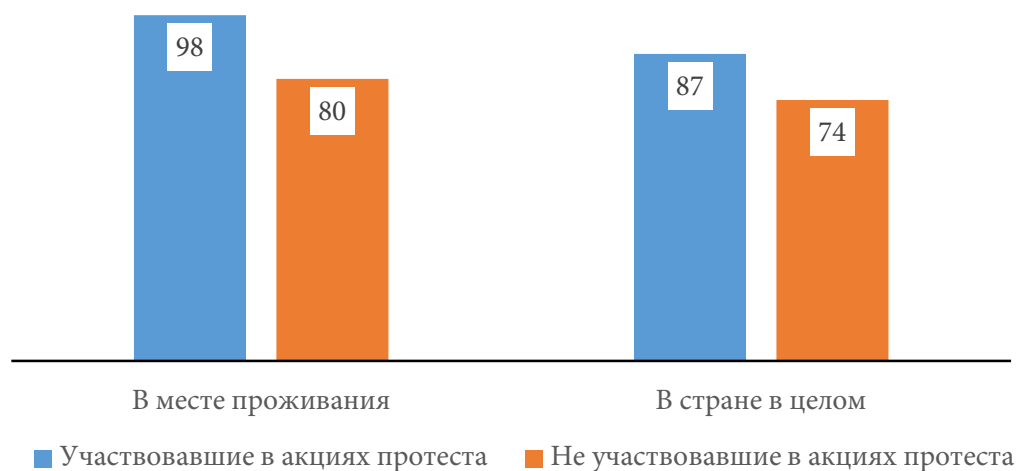

Рис. 3. Потребность в информации о состоянии окружающей среды молодёжи, участвовавшей и не участвовавшей в акциях протеста (% ответивших «информация нужна» в каждой группе)

Молодёжь, участвовавшая в акциях протеста, характеризуется более высокой потребностью в информации о состоянии окружающей среды как в месте проживания, так и в стране в целом. Вместе с тем, протестно-активная молодёжь выше оценивает собственную информированность о состоянии окружающей среды в месте проживания: среди участвовавших в акциях протеста считают себя хорошо информированными 35%, отчасти – 43%, среди не участвовавших – 25 и 0% соответственно. Слабо информированными о состоянии окружающей среды считают себя 63% из группы не участвовавших в акциях протеста и только 17% – из группы участвовавших.

Для сравнительного анализа оценок доверия различным источникам информации о состоянии окружающей среды построим индекс доверия¹ для каждой из рассматриваемых групп молодёжи. Результаты процедуры отражены в таблице 2.

¹ Индекс принимает максимальное значение, равное +1, когда все респонденты в группе доверяют тому или иному источнику информации. Индекс принимает минимальное значение, равное -1, когда все респонденты в группе не доверяют тому или иному источнику. Значение индекса равно 0, если число доверяющих в группе равно числу не доверяющих.

Таблица 2

**Доверие различным источникам информации
о состоянии окружающей среды, индекс**

Источники информации	Значения индекса	
	Участовавшие в акциях протеста	Не участвовавшие в акциях протеста
Общественные организации	0,51	-0,04
Соседи, друзья, коллеги по работе	0,26	0,17
Учёные-экологи	0,2	0,76
Специалисты-«технари»	-0,31	0,28
Органы районной власти	-0,81	0,39
Органы областной власти	-0,79	0,13
Интернет	0,38	-0,18
Средства массовой информации	-0,01	-0,06

Молодёжь, участвовавшая в акциях протеста, в отличие от не участвовавшей, больше всего доверяет информации о состоянии окружающей среды, полученной от общественных организаций¹ и из интернета, и совсем не доверяет такой информации от органов власти. Не участвовавшие в акциях протеста, по сравнению с участвовавшими, склонны больше доверять информации об окружающей среде, полученной от экспертов-экологов и «технарей».

Сравнительный анализ молодёжи по оценкам заинтересованности различных организаций и субъектов в охране окружающей среды показывает следующее. Не участвовавшие в акциях протеста, в отличие от протестно-активных, высоко оценивают заинтересованность органов власти (федеральных и региональных), госструктур и специалистов-«технарей» в охране окружающей среды в регионе. Участвовавшие в акциях протеста выше оценивают заинтересованность общественных организаций, движений и предпринимателей области в охране окружающей среды в регионе. Примерно одинаково респонденты из обеих групп оценивают заинтересованность в охране окружающей среды Общественной палаты и учёных-экологов. В целом молодёжь, участвовавшая в акциях протеста, в вопросах окружающей среды больше доверяет общественным организациям, движениям, не участвовавшая – органам власти и госструктурам. Развёрнутому сравнительному анализу доверия молодёжи из обеих групп социальным институтам и организациям посвящён следующий раздел статьи.

¹ Отметим, что протестно-активная молодёжь, по сравнению с не участвовавшей в акциях протеста, значительно больше информирована о деятельности природоохранных организаций в регионе: знают о таких организациях 38% респондентов из первой группы и только 15% – из второй.

Доверие социальным институтам и организациям

Доверие измеряется через оценку уровня доверия различным социальным субъектам, институтам и организациям в проблемных ситуациях, когда нужна помощь (в том числе в защите прав, свобод, здоровья, жизни), и через оценку зависимости улучшения жизни рядового человека от тех или иных субъектов, институтов организаций. Построим индекс доверия различным социальным субъектам, институтам и организациям¹. Результаты процедуры демонстрируются в [таблице 3](#).

Таблица 3

Доверие социальным субъектам, институтам, организациям, индекс

Социальные субъекты, институты, организации	Значения индекса	
	Участовавшие в акциях протеста	Не участвовавшие в акциях протеста
Муниципальные власти	-0,7	0,35
Областные власти	-0,68	0,11
Суды	-0,39	0,1
Полиция	-0,49	-0,12
Учреждения здравоохранения	-0,3	-0,06
Армия	0	0,27
Церковь	0,02	0,35
Органы соцзащиты	-0,42	0
Благотворительные организации, фонды	-0,42	-0,11
Друзья	0,69	0,73
Семья, родные	0,93	0,96

Молодёжь, участвовавшая в акциях протеста, по сравнению с не участвовавшей, в значительно меньшей степени доверяет всем обозначенным в [таблице 3](#) социальным организациям и институтам, особенно представителям власти. В оценках уровня доверия молодёжи из обеих групп ближайшему окружению (друзьям, семье, родным) различия не наблюдаются.

На [рис. 4](#) представлены результаты сравнительного анализа оценок молодёжью зависимости улучшения жизни рядового человека у нас в стране от тех или иных социальных субъектов, институтов, организаций.

¹ Индекс принимает максимальное значение, равное +1, когда все респонденты в группе доверяют тому или иному субъекту, институту, организации. Индекс принимает минимальное значение, равное -1, когда все респонденты в группе не доверяют тому или иному субъекту, институту, организации. Значение индекса равно 0, если число доверяющих в группе равно числу не доверяющих.

Рис. 4. Зависимость улучшения жизни рядового человека в стране от тех или иных социальных субъектов, институтов, организаций в оценках молодёжи, участвовавшей и не участвовавшей в акциях протеста (% ответивших «зависит» в каждой группе)

Молодёжь, не участвовавшая в акциях протеста, в отличие от протестно-активной, в улучшении жизни рядового человека в значимо большей степени полагается на власть различных уровней. Участвовавшие в акциях протеста более склонны возлагать ответственность за улучшение жизни в стране на самого человека и гражданские объединения.

Общая оценка риска и отношение к промышленным разработкам рудопроявлений

Общая оценка риска указывает на специфику отношения к рискам в целом и измеряется через оценку принятия/непринятия возможных ущербов различной природы¹. Построим индекс принятия риска². Результаты процедуры представлены в [таблице 4](#).

Сравнительный анализ значений индекса принятия риска показывает, что протестно-активная молодёжь более толерантна ко всем возможным ущербам, то есть в большей степени, по сравнению с не участвовавшими в акциях протеста, готова принять тот или иной риск.

¹ В основе интерпретации лежит типология рисков, построенная А. В. Мозговой [Мозговая 2001].

² Индекс принимает максимальное значение, равное +1, когда все респонденты в группе при определённых условиях принимают ущерб той или иной природы. Индекс принимает минимальное значение, равное -1, когда все респонденты в группе не принимают тот или иной ущерб. Значение индекса равно 0, если число принимающих риск в группе равно числу не принимающих.

Таблица 4

Принятие риска, индекс

Тип ущерба	Значения индекса	
	Участвовавшие в акциях протеста	Не участвовавшие в акциях протеста
Материальный – потеря имущества, собственности	-0,4	-0,84
Физический – ухудшение, утрата здоровья	-0,76	-0,94
Психологический – стресс, потеря контроля над своей жизненной ситуацией	-0,72	-1
Социальный – потеря работы, служебного положения, статуса	-0,3	-0,88
Духовный – обесценивание человеческой жизни	-0,78	-1
Моральный – изменение жизненного уклада, слом планов	-0,54	-0,9
Экономический – финансовые потери, утрата или обесценивание сбережений	-0,44	-0,96
Ущерб от деградации окружающей природной среды	-0,9	-0,88

Далее осуществим сравнительный анализ отношения рассматриваемых групп молодёжи к конкретному риску, а именно к промышленным разработкам рудопроявлений в регионе, которые, как уже отмечалось, несут в себе как возможные ущербы, так и выгоды. Отношение к промышленным разработкам месторождений измеряется через оценки их воздействия на жизнь населения в целом, влияние на окружающую природную среду, здоровье населения, экономическое развитие и решение социальных проблем в регионе; через оценку конкретных позитивных факторов влияния на жизнь населения в регионе; самооценки желания работать на горно-рудном производстве. Ниже в [таблице 5](#) представлены оценки воздействия развития горнодобывающей индустрии на жизнь респондентов, жизнь населения в районе и области.

Большинство протестно-активной молодёжи, в отличие от не участвовавшей в акциях протеста, полагает, что развитие горнодобывающей индустрии ухудшит как их собственную жизнь, так и жизнь населения в регионе.

Наряду с этим, абсолютное большинство участвовавших в акциях протеста (99–100%) склоняются к негативным оценкам влияния промышленных разработок рудопроявлений на окружающую природную среду и здоровье населения. В то время как около половины молодёжи из группы не участвовавших в акциях протеста (45–46%) склоняются к позитивным оценкам влияния промышленных разработок на экономическое развитие региона и решение социальных проблем.

Таблица 5

Воздействие горнодобывающей индустрии на жизнь респондентов, населения района и области в оценках молодёжи, участвовавшей и не участвовавшей в акциях протеста, %

Оценка	Воздействие на жизнь					
	Респондентов		Населения района		Населения области	
	Группа 1	Группа 2	Группа 1	Группа 2	Группа 1	Группа 2
Улучшит в той или иной степени	4	38	6	71	9	80
Не изменит	1	34	0	9	6	11
Ухудшит	95	28	94	20	85	9

Примечание. Группа 1 участвовавшие в акциях протеста; группа 2 – не участвовавшие.

Значимым образом расходятся и оценки молодёжи из рассматриваемых групп возможных позитивных факторов влияния освоения месторождений на жизнь населения региона. Так, возможность создания новых рабочих мест отмечают 97% не участвовавших в акциях протеста и только 26% – участвовавших; возможность вложений в инфраструктуру – 85 и 28% соответственно; финансирование социальных программ – 80 и 13%; возможность вложений в охрану окружающей среды в регионе – 57 и 1%; развитие промышленности региона – 79 и 18%; финансовые поступления в казну региона – 88 и 30%; развитие «глубинки» – 51 и 1% соответственно.

Желание работать на горнорудном производстве высказывают 29% не участвовавших в акциях протеста и никто из участвовавших. Напротив, не хотели бы работать на горнорудном производстве 34 и 97% соответственно.

Развитие горнорудной индустрии неучаствовавшие в акциях протеста связывают в первую очередь с экономическими выгодами, причём как для региона, так и для себя лично. В отличие от них протестно-активная молодёжь рассматривает промышленные разработки рудопроявлений прежде всего как источник риска для природной среды и здоровья населения, практически отрицая возможность экономических выгод как для региона в целом, так и для себя лично. Напомним, что молодёжь, участвовавшая в акциях протеста, по общей оценке риска является более толерантной к риску в целом. Сопоставление общей оценки риска и отношения протестно-активной молодёжи к разработкам месторождений как к источнику риска указывает на социально неприемлемый уровень именно этого риска для данной группы респондентов. Полагаем, что неприемлемый уровень риска промышленных разработок рудопроявлений выступает одним из ключевых факторов протестной активности молодёжи в регионе.

Для определения возможных условий перехода протестного потенциала молодёжи в протестную активность рассмотрим групповые особенности не участвовавших в акциях протеста по такому показателю, как мотивация на активные действия.

Мотивация на активные действия молодёжи, не участвовавшей в акциях протеста

Только 11% молодёжи, не участвовавшей в акциях протеста, утверждают, что «ничто не смогло бы заставить их» участвовать в активных действиях в защиту собственных интересов, позиций, идеалов. Среди причин, которые смогли бы побудить их к участию в активных действиях, не участвовавшие в акциях протеста называют следующие: резкое ухудшение здоровья (собственного или близких) – 75%; невозможность содержать себя и семью – 72%; разрушение природной среды, гибель животных – 19%; религиозные или политические убеждения – 2%.

В рассматриваемой ситуации риска условиями перехода протестного потенциала молодёжи в протестную активность могут выступать рост негативных последствий развития горнодобывающей промышленности для окружающей природной среды и здоровья населения, снижение уровня и качества жизни.

Резюме

Результаты сравнительного анализа молодёжи, участвовавшей и не участвовавшей в акциях протеста, позволяют очертить «социальные портреты» этих групп населения применительно к рассматриваемой ситуации риска.

Протестно-активная молодёжь характеризуется высоким уровнем социально-политической грамотности и интереса к происходящим в стране и регионе событиям, является хорошо информированной о состоянии окружающей среды в регионе, отличается низким уровнем доверия властным структурам, склонна возлагать ответственность за улучшение жизни в стране на самого человека. Оценки ситуации риска от развития горнорудной индустрии в регионе в группе протестно-активной молодёжи смещены в сторону негативных для окружающей природной среды и здоровья населения.

Молодёжь, составляющая протестный потенциал региона, характеризуется низким уровнем социально-политической грамотности и средним уровнем интереса к событиям в стране и регионе, слабо информирована о состоянии окружающей среды в регионе, отличается достаточно высоким уровнем доверия властным структурам, склонна возлагать ответственность за улучшение жизни в стране на власти различных уровней. Оценки ситуации риска от развития горнорудной индустрии в регионе в группе протестно-потенциальной молодёжи смещены в сторону позитивных для экономической выгоды населения региона в целом и своей собственной.

Протестный потенциал пассивной части молодёжи может перерасти в активность при условии роста негативных последствий развития горнодобывающей промышленности для окружающей природной среды и здоровья населения, а также при снижении уровня и качества жизни.

В условиях наблюдаемого эколого-экономического противоречия границей в принятии решения об участии в протестной активности выступает выбор между возможными ущербами и выгодой от промышленного освоения рудопроявлений. *Основными факторами снижения протестной активности молодёжи* в рассматриваемой ситуации выступают снижение риска от развития горнодобывающей индустрии до социально приемлемого уровня, выполнение обязательств по реализации заявленных экономических выгод, повышение уровня доверия государственным и властным структурам.

Двойственная природа риска делает выгоду и ущерб взаимосвязанными сторонами любой ситуации риска. В рассматриваемом случае наблюдается противопоставление выгоды и ущерба, более того, риск экологический выступает способом защиты от риска экономического: в условиях экономического кризиса в стране рост благосостояния региона осуществляется за счёт ущерба окружающей природной среде и здоровью населения. Поэтому учесть все выявленные факторы снижения протестной активности молодёжи в регионе возможно, на наш взгляд, только в процессе принятия социально ответственных решений, строящихся на балансе между экономической выгодой и социально приемлемыми ущербами.

Библиографический список

База данных показателей муниципальных образований. 2012 // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm [Дата посещения: 06.10.2012].

Бек У. 2000. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой; Послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция. 384 с.

Волынчук А. Б., Соловченков С. А. 2013. Социальная напряжённость и протестная активность в контексте анализа социальной безопасности // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. № 1 (19). С. 25–36.

Гаранин О. Ю. 2009. Протестная активность российской молодёжи в условиях обострения глобальных и региональных модернизационных рисков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. № 2 (16). С. 137–140.

Зубок Ю. А. 2007. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодёжи. М.: Мысль. 296 с.

Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. 2014. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> [Дата посещения: 21.04.2015].

Матвеева К. А. 2010. Адаптационные практики студенческой молодёжи к воздействиям рискогенной социальной среды // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Выпуск 1. С. 24–27.

Мозговая А. В. 2001. Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания // Риск в социальном пространстве / Под ред. А. В. Мозговой. М.: Изд-во Института социологии РАН. 347 с. С. 9–37.

Мозговая А. В., Комарова В. А. 2004. Социологическое обеспечение рискованной коммуникации // Риск: социологический анализ, коммуникация, региональное управление / Под ред. А. В. Мозговой. М.: Изд-во Института социологии РАН. 194 с. С. 143–155.

Протестная активность россиян. 2014. Пресс-выпуск от 25.12.2014 // Официальный сайт «Левада-Центр». URL: <http://www.levada.ru/25-12-2014/protestnaya-aktivnost> [Дата посещения: 20.01.2015].

Соловченко С. А. 2013. Современная протестная активность как один из показателей социальной безопасности региона // Вестник НГУ. Серия: Философия. Том 11. Выпуск 3. С. 95–102.

Young People's Protest Potential in a High-Risk Environment: Case Study

Shlykova Elena Viktorovna

Candidate of sociological sciences, senior researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: shlykova70@yandex.ru

Abstract. This article attempts to expand the sociological perception of risk as one of the factors that build up protest potential and provoke protest activity. In this context, protest activity is reviewed from the risk sociology standpoint, as a response to unfavorable conditions, which stem from a person's vulnerability to such conditions. The study concerns the characteristic features of protest activity and protest capacity of young people who live in a high-risk environment. The data under analysis was collected during 2012–2013 on-site research carried out with the help of research consultants from the RAS Sociology Institute Risk and Disaster Department, in a Russian region that was characterized by a high-risk environment and vigorous protest activity of the local youth, caused by controversy surrounding the local mining industry. This research resulted in the creation of a database, which comprises several hundred formalized interviews (501 in 2012 and 394 in 2013), with the share of young people amounting to 21% in both cases. The present study divides the youth from the aforementioned region into those who took part in protests and those who showed potential for doing so. The analysis reveals certain differences between these two groups, in terms of social and demographic traits, attitude towards the social and political environment in their region and in the country as a whole, trust towards various social entities, overall estimate of the risk level, and attitude towards the development of the local mining industry. We have managed

to establish the priorities that influence young people when they decide whether to take part in protests, namely the choice between the adverse impact on the environment and the locals' health and the economic benefits that the community will reap from exploiting mineral deposits. We have also described the factors that, on the one hand, diminish young people's protest capacity, and on the other, turn this capacity to action. The study highlights the importance of such actions as: lowering the risk associated with the mining industry to a socially acceptable level; fulfilling the regional government's obligation to provide the community with the promised economic benefits; and increasing the level of trust towards the authorities. The analysis helps us arrive at the conclusion that it is vital to make responsible decisions, balancing between economic benefits and socially acceptable disadvantages.

Keywords: risk sociology, risk, protest activity, protest capacity, young people.

References

Baza dannykh pokazateley munitsipal'nykh obrazovaniy. [Database of Indicators of Municipalities]. Ofitsial'nyi Sait Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiky. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm [date of visit 06.03.2015].

Beck U. Obschestvo riska. Na puty k drugomu modernu [The Risk Society. On the Way to Another Modern]. Translated by V. Sidel'nik and N. Phiodorova; afterworded by A. Philippov. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000. 384 p.

Garanin O. Yu. Protestnayaaktivnost' rossiiskoymolodiozhi v usloviyakh obostreniya global'nykh i regional'nykh modernizatsionnykh riskov [The Protest Activity of the Russian Youth in the Conditions of Increasing Global and Regional Modernization Risks]. VestnikVolgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 4: Istoriya, 2009, no 2 (16), pp. 137–140.

Osnovy gosudarstvennoy molodiozhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda [Fundamentals of State Youth Policy of the Russian Federation for the Period till 2025]. Sait Pravitel'stva Rossii. URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> [date of visit 21.04.2015].

Matveeva K. A. Adaptatsionnyie praktiki studencheskoy molodiozhy k vozdeistviyam riskogennoi sotsial'noy sredy [Adaptation Practices of Students with Risk-Causing Effects of the Social Environment]. Vestnik Udmurtskogo universiteta, Seriya: Philosophiya, Psikhologiya, Pedagogika, 2010, Vypusk 1, pp. 24–27.

Mozgovaya A. V. Sotsiologiyariska: vozmozhnosti sinteza teorii i empiricheskogo znaniya [Sociology of Risk: the Possibility of Synthesis of Theory and Empirical Knowledge]. Risk v sotsial'nom prostranstve. Ed. by A. V. Mozgovaya. Moscow, Institut Sotsiologii RAN, 2001, pp. 9–37.

Mozgovaya A. V., Komarova V. A. Sotsiologicheskoe obespecheniye riskovoi kommunikatsii [Sociological Support of Risk Communication]. Risk: sotsiologicheskii analiz, kommunikatsiya, regional'noe upravleniye / Ed. by A. V. Mozgovaya. Moscow, Institut Sotsiologii RAN, 2004, pp. 143–155.

Protestnaya aktivnost' rossiyan [The Protest Activity of Russians]. Press-vypusk ot 25.12.2014. Ophitsial'niy sait "Levada-Tsentr". URL: <http://www.levada.ru/25-12-2014/protestnaya-aktivnost> [date of visit 20.01.2015].

Solovchenkov S. A. Sovremennaya protestnaya aktivnost' kak odin iz pokazateley sotsial'noy bezopasnosti regiona [Modern Protest Activity as One of the Indicators of Social Security in the Region]. Vestnik NGU, 2013. Seriya: Philosophiya, Tom 11, Vypusk 3, pp. 95–102.

Volynchuk A. B., Solovchenkov S. A. Sotsial'naya napriazhionnost' i protestnaya aktivnost' v kontekste analiza sotsial'noy bezopasnosti [Social Strain and Protest Activity in the Social Security Analysis Context]. VestnikVladivostokskogo gosudarstvennogo universitetaekonomiki i servisa, 2013, no 1 (19), pp. 25–36.

Zubock Yu. A. Phenomen riska v sotsiologii. Opyt issledovaniya molodiozhy [The Phenomenon of Risk in Sociology. The Experience of Youth Research]. Moscow, Mysl', 2007. 296 p.

К методологии научных исследований

Всегда ли социальный капитал – капитал? К теории социальной ренты

Давыдов Дмитрий Александрович – младший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург

Email: davydovdmitriy90@gmail.com

Всегда ли социальный капитал – капитал? К теории социальной ренты

Аннотация

Статья посвящена концептуальному анализу теории социального капитала. Показано, что многие трактовки термина «социальный капитал» не соответствуют классическим и современным представлениям экономистов о капитале. Это приводит к концептуальной путанице. К социальному капиталу сегодня относят социальные нормы, ценности, связи. Теоретики анализируют позитивные экономические эффекты данных феноменов. Однако в статье показано, что поведение социальных агентов, как правило, нельзя описать как процесс рациональных инвестиций. Индивиды нередко руководствуются принципами, отличными от корысти и эгоизма. По мнению автора, позитивные экономические эффекты, о которых говорят теоретики, являются попросту побочными продуктами повседневной социальной жизни. В связи с этим делается вывод, что многие социальные феномены словом «капитал» называть некорректно. Автор пытается внести ясность в данную ситуацию. По его мнению, социальный капитал – это результат инвестиций. Инвесторы вкладываются в социальные отношения, чтобы получить соответствующую выгоду в будущем. Тем не менее, в большинстве случаев непросто отличить инвестиции в социальный капитал от каких-либо других действий и мотивов, вроде любви, преданности или заботы. Автор считает, что некоторые социальные феномены нельзя называть капиталом по чисто этическим соображениям (например, любовь отца к сыну и т. п.). В связи с этим показано, что для некоторых вариаций теории социального капитала больше подходит аналогия экономической теории ренты. В классической экономической теории рента – это блага, извлекаемые индивидами помимо труда и капитала. Это есть некий «дар природы». Неспроста теория ренты изначально возникла как теория земельной ренты: разные участки земли дают разный урожай при равном приложении труда и капитала. Относительно социальных феноменов автор даёт новую интерпретацию термину «социальная рента». По его мнению, социальная рента определяется благоприятным социальным окружением. Тот или иной индивид может родиться в благоприятной социальной среде или познакомиться с кем-то, не задумываясь о возможных выгодах от знакомства. Кроме того, зачастую социальная рента определяется особенностями социальной структуры (доверие, социальные нормы и ценности и т. п.). Автор считает, что некоторые формы социальной ренты актуальны как раз по причине их отнесённости к миру повседневных социальных взаимодействий. Следовательно, здесь нужен более чуткий подход, скептически относящийся к человеку экономическому и уделяющий пристальное внимание человеку социальному.

Ключевые слова: инвестиции, социальный капитал, социальная рента, социальные связи

Сегодня проблематике социального капитала ежегодно посвящены сотни научных публикаций. В основе соответствующих изысканий лежит предположение, что, наряду с капиталом физическим и человеческим (совокупность знаний и способностей индивидов [Becker 1964]), существует также социальный капитал в виде заключённых в общественных структурах ресурсов, которые могут извлекаться индивидами в своих целях. Немаловажная особенность теории социального капитала – акцент на эмпирических исследованиях при выявлении строгих корреляций между социумом и экономикой [Thomson 2005].

Тем не менее, до сих пор нет единомыслия относительно того, чем социальный капитал является в действительности. Более того, некоторые исследователи сомневаются в том, что вообще можно говорить о таком феномене, как социальный капитал [Arrow 1999: 4]. Так, к социальному капиталу относят социальные связи и сети (*social ties and networks*), нормы, доверие и даже «эмоциональные скрепы» (например, [Фукуяма 2004а]). С другой стороны, в экономике концепция капитала включает вполне определённую модель рационального поведения, руководимого стремлением к увеличению совокупного богатства путём инвестиций. Проблема в том, что реальное поведение социальных агентов зачастую не соответствует данной «экономической» модели. Иными словами, нередко (как правило?) индивиды вступают в социальные отношения по мотивам, радикально отличающимся от экономических (читай: нацеленных на извлечение материальных выгод). Например, *альтруизм*, свойственный любящим друг друга индивидам или членам некоторых социальных общностей.

Данную проблему можно попытаться решить, если научиться отличать социальный капитал от того, что им принципиально не является. Настоящая статья представляет собой попытку разделить понятие «социальный капитал» на два самостоятельных концепта: собственно *социальный капитал* и *доступ к ренте*. Наша цель – понять, к каким ситуациям применим инструментарий теории социального капитала, а к каким – нет. На наш взгляд, некоторые «старые» аспекты теории социального капитала могут быть вынесены в *отдельные* области теоретических и эмпирических исследований.

Сначала мы рассмотрим концептуальный базис теории социального капитала, попутно осветив некоторые аспекты исследований в этой области. Затем перейдём к критике этой теории, показывающей несоответствие некоторых её версий устоявшимся представлениям о *капитале* как таковом. Во второй части статьи рассмотрим оригинальную концепцию чешского исследователя П. Халупничека. В этой концепции дан набор чётких критериев, которым должен соответствовать социальный капитал в отличие от других феноменов. В третьей

Необходимо разделить понятие «социальный капитал» на два самостоятельных концепта: собственно *социальный капитал* и *доступ к ренте*.

части автор переосмысливает теорию социального капитала, обосновывая необходимость «выведения» из теории социального капитала самостоятельной концепции, описывающей такой феномен, как *социальная рента*.

Является ли социальный капитал капиталом?

В основании теории социального капитала лежит допущение о том, что «социальные отношения имеют значение». То есть социальные взаимодействия являются важным фактором, влияющим на хозяйственную деятельность.

Одним из первых о социальном капитале заговорил французский социолог П. Бурдьё. Он понимает социальный капитал как совокупность благ, заключённых в социальных сетях (внутри социальной группы): «Объём социального капитала, коим располагает агент, зависит от размера сети связей, которые он может эффективно мобилизовать, и от объёма капитала (экономического, культурного или символического), которым в свою очередь обладает каждый, кто с ним связан» [Бурдьё 2002: 66].

На наш взгляд, именно с трудами Бурдьё связана последующая концептуальная путаница. Дело в том, что Бурдьё во многих местах спорит с общепринятыми догмами экономической теории. По его представлению, реальное поведение экономических агентов не соответствует математическим абстракциям *homo economicus* [Бурдьё 2005]. У него экономический агент – это *социализированный* индивид со всеми вытекающими отсюда следствиями. Бурдьё мало говорит об экономических концепциях капитала, останавливаясь на том, что капитал – это просто извлекаемый *ресурс*.

Примерно в то же самое время появляется концепция Дж. Коулмена, который подходит к экономической теории чуть ближе. В его трактовке социальный капитал облегчает взаимодействие хозяйствующих *рациональных* индивидов (стремящихся к увеличению собственного благосостояния). Коулмен пишет, что «подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен, <так как> способствует достижению определённых целей, добиться которых при его отсутствии невозможно» [Коулмен 2001: 124]. Однако в теории Коулмена социальный капитал не обязательно является результатом инвестиций. Это могут быть уже существующие социальные структуры, возникшие в результате неэкономической деятельности (вроде норм или связей внутри этнических групп).

Кроме того, Коулмен говорит о существовании *эмоциональных* компонентов социального капитала. Так, согласно экономической теории, отдельным рациональным индивидам

невыгодно инвестировать в общественные блага, поскольку они потребляются всеми представителями общества без исключения. В случае с общественными благами велик риск того, что кто-то воспользуется ими и при этом не внесёт какого-либо вклада в их производство. Таким образом, инвестировать в производство общественных благ не будет никто, так как никто не пожелает кормить нахлебников. Поэтому производство общественных благ обычно связывают с «социальной» деятельностью государства. Но, по Коулмену, можно говорить также об особом роде *альтруистическом* поведении, когда индивиды производят общественные блага, не задумываясь о возможных для себя выгодах. Как пишет Коулмен, здесь нужно говорить о социальной норме, «побуждающей каждого жертвовать своими интересами и действовать в интересах коллектива» [Коулмен 2001: 129]. Норма такого рода, «усиленная социальной поддержкой, статусом, достоинством и другими качествами, представляет форму социального капитала, на котором воспитывается молодое поколение, укрепляются семьи путём бескорыстных действий её членов в «интересах семьи», обеспечивает развитие новоявленных социальных движений посредством небольших групп, ориентированных на взаимопомощь и взаимную поддержку» [Коулмен 2001: 129].

Труды Бурдые и Коулмена стали уже своеобразной классикой теории социального капитала. При этом данные авторы включили в категорию «социальный капитал» то, что можно подвести под критерий условной полезности для экономических агентов. Но не всё, что выглядит как капитал, является им в действительности. Неудивительно, что дальнейшие эмпирические исследования не лишены концептуального полиморфизма, который свойственен их теоретическим подходам.

Например, можно рассмотреть «критические» теории Р. Патнэма и Ф. Фукуямы. Как Патнэм, так и Фукуяма анализируют, по их мнению, негативные тенденции в современных капиталистических западных обществах. У Патнэма, в основном, это связано со стремлением индивидов справляться со своими проблемами в одиночку. Это выражается снижением численности добровольных ассоциаций (гражданское общество), которые в концепции Патнэма необходимы для функционирования демократических институтов [Putnam 1995; Putnam, Feldstein 2003].

Фукуяма также подчёркивает деградацию социальных ценностей, ранее скреплявших общество в единое целое. По его убеждению, размывание семейных ценностей приводит к снижению рождаемости и росту уровня преступности (из-за проблем неполных семей). В связи с этим люди меньше доверяют друг другу. А там, где нет доверия, слабее кооперация [Фукуяма 2004а; Фукуяма 2004b].

Но говорят ли Патнэм и Фукуяма о *капитале*? У Патнэма добровольные ассоциации, как правило, не являются коммерческими – их члены не гонятся за материальными благами. Фукуяма, в свою очередь, вовсе признаёт, что социальный капитал немислим без морального фундамента. Он отмечает, что индивиды следуют социальным «нормам не потому, что это выгодно, а потому, что следование нормам становится самоцелью благодаря ярко выраженному эмоциональному отклику» [Фукуяма 2004а: 252].

Конечно, общение индивидов где-нибудь в кегельбане способствует установлению доверия, которое, возможно, является экономическим благом. Однако не стоит торопиться называть подобные вещи капиталом.

Чем капитал является на самом деле? У Маркса, например, капитал – не просто средства производства, а «самовозрастающая стоимость». Это возможно только тогда, когда капиталист присваивает часть материальных благ, произведённых рабочими [Маркс 2001]. У представителей австрийской экономической школы капитал – это материальные блага, которые не потребляются сейчас, а используются в производственном процессе с целью увеличения совокупного богатства в будущем [Вцхм-Ваверк 1890].

Сегодня принято считать, что капитал обладает рядом признаков и свойств. Однако то, о чём повествуют Патнэм и Фукуяма (и многие другие авторы), не соответствует данным критериям. Так, по мнению Дж. Филда, «у социальных связей отсутствуют очевидные свойства капитала, такие как сводимость к единой валюте, заменяемость [substitutability], перемещаемость и возможность прямых инвестиций» [Field 2003: 158]. Филд замечает, что иные формы капитала обычно могут быть куплены или проданы на рынке, но социальные отношения «непросто перевести на язык рыночных цен. И уж тем более они не могут обмениваться на другие товары» [Field 2003: 159].

Гораздо более значимо то, что социальные отношения нередко основываются на чувствах и переживаниях. К ним нельзя применить экономическую логику, ибо мотивации индивидов оказываются альтруистическими, а не эгоистическими. «Доверие, честность, вера, связность, взаимность и т. п., – пишут Б. Файн и К. Лапавицас, – не являются капиталом, эти вещи могут генерироваться в контексте, не имеющем ничего общего с экономикой» [Fine, Lapavitsas 2004: 32].

Некоторые исследователи связывают упадок социальной общности с *капитализмом* [Lane 2000]. Как раз по причине того, что люди становятся более эгоистичными и рациональными, то есть стремятся к накоплению разных форм капитала, общество переживает упадок доверия и «духа коллективности» [Давыдов 2014].

Некоторые не согласны с данной критикой. Например, Л. Робинсон и соавторы допускают, что контакты между людьми удовлетворяют базовые эмоциональные потребности, а потому могут быть оценены как экономическое благо. По их словам, «человеческим взаимоотношениям можно установить цену и утилизировать их точно так же, как это делается по отношению, например, к холодильнику или какому-либо другому благу, используемому потребителями» [Robison et al. 2002]. Тем не менее, данные авторы не замечают очевидного: в некоторых случаях связь между людьми *бесценна*. Вряд ли любящие друг друга индивиды согласятся продавать свои чувства на рынке. Более того, их связь, скорее всего, распадется в тот момент, когда один из агентов решит монетизировать своё отношение к другому (или узнает, что другой с ним – по расчёту). Робинсон с коллегами утверждают, что даже любящие агенты инвестируют в общение друг с другом (например, пользование мобильным интернетом для связи на расстоянии). Но это не затрагивает глубинных оснований, скрепляющих индивидов. Одно дело купить телефон для связи, а другое – полюбить.

Таким образом, мы видим, что некоторые концепции социального капитала имеют несколько очевидных концептуальных уязвимостей. Разумеется, существуют такие концепции, авторы которых стремятся отделить социальный капитал от всего того, что им принципиально не является [Lin 2001]. Среди них примечателен труд чешского исследователя П. Халупничека [Chalupnicek 2010].

Социальный капитал как результат инвестиций

П. Халупничек придерживается упоминавшейся ранее концепции австрийской экономической школы: капитал – совокупность благ, которые не потребляются сегодня, а инвестируются в будущее. Следовательно, социальным капиталом не является всё то, что «потребляется» здесь и сейчас [Chalupnicek 2010: 1234]. Более того, Халупничек исключает связи, в которые не инвестируют из корыстных побуждений (я могу, например, ценить дружбу просто потому, что мне интересно дружить с тем или иным человеком («нас что-то связывает»)).

В результате инвестиций в социальный капитал образуются *взаимные обязательства*. Например, некто одалживает своему соседу по лестничной площадке лампочку. Делает он это в данном случае отнюдь не из альтруистических соображений. Он рассчитывает на ответную помощь в будущем (лампочек у него в достатке, а вот соль уже заканчивается).

Как отмечает Халупничек, нередко наблюдаются ситуации только внешне похожие на нечто связанное с социальным капиталом. Некоторый индивид может пригласить приятеля в кафе и мило с ним побеседовать. Если при этом беседа в кафе ценится исключительно как «беседа в кафе», то речь идёт не об инвестициях, а о наслаждении общением («здесь и сейчас»). Но в другой ситуации беседа в кафе рассматривается не как самоцель, а как *средство*: завести выгодное знакомство, напомнить о себе и т. п. [Chalupnicek 2010: 1239].

На наш взгляд, подход чешского исследователя примечателен своей экономической логикой, избавленной от частых отсылок к таким социальным феноменам, которые зачастую связаны с экспрессивным и альтруистическим поведением. Тем не менее, Халупничек не решается полностью отойти в своей концепции от экспрессивного поведения. Он считает, что «чистый» социальный капитал достаточно редок. Альтруистические и эгоистические мотивации, по его мнению, могут *смешиваться*. В качестве примера Халупничек приводит плату отца за обучение своего сына. С одной стороны, это инвестиция, так как в будущем сын будет обязан помогать престарелому отцу. Но, с другой стороны, данное поведение может быть проявлением бескорыстной любви и заботы [Chalupnicek 2010: 1238].

На наш взгляд, здесь Халупничек смешивает несмешиваемое. Как уже было сказано, есть вещи, к которым не применима логика «капиталовложений». Если отец рассчитывает на ответную помощь, это не значит, что он рассматривает своего сына как совокупность капиталовложений. Любовь отца к сыну (в большинстве случаев) питается взаимностью *бескорыстия*, а не обязательств. Нет сомнений, расчётливость в той или иной степени повсеместна, но данная расчётливость может являться просто совокупностью «приятных бонусов». Может ли сын быть составной частью социального капитала там, где отцовская/материнская любовь подразумевает готовность отдать жизнь за своего ребенка?

В нашей интерпретации там, где речь идёт о *ярко выраженном* альтруизме, говорить о капитале бессмысленно. Это касается во многом всего того, что связано с семьёй и в большей мере с родственными связями, исключая, разумеется, такие вещи, как брак по расчёту или те ситуации, когда агенты аморальны, корыстны и индифферентны по отношению к родственникам.

На более масштабном уровне к *не-капиталу* можно отнести объединения индивидов, о которых Ф. Тённис в своё время говорил как об *общностях* (Gemeinschaft) [Тённис 2002]. В принципе, социальная группа может быть капиталом. Например, тот или иной индивид инвестирует в групповую принадлежность, рассчитывая на положительную реак-

цию других в будущем (научиться играть в гольф и вступить в сообщество любителей гольфа, чтобы расширить круг общения с перспективными партнёрами и т. п.). В данном случае у «инвестора» нет иных мотиваций, кроме как экономических (читай: корыстных). Но в случае с общностью индивидуальное «Я» *вытесняется* групповым «Мы», так как принадлежность к группе определяется уже чувством сопричастности или «кровной» близости. Члены общности (например, этническая или религиозная группировка) готовы умереть во имя процветания того, что их объединяет. Здесь вновь доминирует не эгоизм, а *взаимный* альтруизм.

Итак, социальный капитал всегда есть результат инвестиций, не стеснённый какого-либо рода альтруистическими побуждениями. Если это так, то социальный капитал действительно оказывается достаточно редким явлением. Из аналитического инструментария теории социального капитала вычёркивается, к примеру, всё то, о чём писали Патнэм и Фукуяма.

Теория социального капитала в своём концептуально неопределённом виде оказалась востребованной в экономике, поскольку позволила описать то, как эмоции взаимных симпатий влияют на распределение ресурсов [Robison et al. 2012]. Но стоит ли называть вещи не своими именами? На наш взгляд, можно найти иные концептуальные схемы, не потеряв при этом основной функционал и инструментарий. Рассмотрим метафорику «социальной ренты» в качестве альтернативы социальному капиталу как «эмоциональному» механизму распределения материальных благ.

Доступ к ренте и социальные связи

Первое, что приходит на ум при упоминании понятия «социальный капитал» – это *блат*. Говорят, что чем больше у тебя связей, благодаря которым ты можешь устроиться на работу вне конкурса или не платить штраф за превышение скорости, тем больше у тебя социального капитала. Но во всех ли случаях, связанных с блатом, речь идёт о социальном *капитале*?

Иногда это действительно так. «Обрастать связями» можно вполне сознательно и с определённым корыстным умыслом. В теории социального капитала такое явление принято называть нетворкингом [Lin 1999]. Однако в большинстве случаев индивиды просто пользуются теми или иными социальными каналами, которые у них *уже* есть – возникли по причинам, отличным от инвестиций (например, связь между *любящим* отцом и сыном вряд ли следует называть результатом инвестиций). Кроме того, нередко фраза «поднять связи» означает «помочь близкому человеку» (влиятельный отец,

«помогающий» устроиться своему сыну в престижный вуз). То есть речь идёт о ситуациях, в которых альтруистические мотивы значительны. В таких случаях говорить о социальном капитале бессмысленно (сын попросту пользуется влиянием и любовью отца). Здесь уместен другой концепт – *доступ к ренте*.

Классическое определение ренты принадлежит Д. Рикардо. В его интерпретации рента «всегда является разницей в продукте, полученном посредством приложения двух одинаковых количеств капитала и труда» [Рикардо 1955].

В энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона о ренте сказано следующее: рента – это тот вид «дохода, который получается в силу каких-либо особенных преимуществ или благоприятных условий. Подобными преимуществами могут быть для земледельца – плодородие почвы или выгодные условия местоположения, для промышленника – обладание секретом производства или привилегией, для лица какой-нибудь либеральной профессии – талант или выходящее за пределы среднего уровня искусство и т. п. Таким образом, рента, в широком смысле слова, есть доход, обусловливаемый разницей между продуктом или ценностью, получаемыми при данных более выгодных и менее выгодных, несмотря на одинаковое количество затраченного труда и капитала» [Брокгауз, Ефрон 1890–1907].

Сегодня под рентой также подразумевают всякую выгоду от использования какого-либо фактора производства, превосходящую выгоду от его использования альтернативным образом. Например, некоторый индивид – выдающийся спортсмен и получает 100 000 \$ в месяц. При этом он имеет диплом автомеханика и может в лучшем случае устроиться по специальности на зарплату в 300 \$ в месяц. Столь существенная разница доходов (рента) объяснима неэластичностью предложения (уникальность спортсмена).

Чистая экономическая рента образуется независимо от качества ресурса по причине *ограниченности его предложения* (стабильно в долгосрочной перспективе). Поэтому один из способов заполучить ренту – *ограничить доступ* к тому или иному ресурсу. Неспроста в качестве наглядного примера в учебниках по экономике приводится деятельность монополий. Монополии способны продавать продукцию по завышенным ценам, манипулируя предложением (ограничивая его и не пуская на рынок новых агентов).

Как уже было сказано выше, источником ренты могут являться *привилегии*. Чем больше привилегий, тем большую ренту получает хозяйствующий субъект. Государство – основной «генератор» привилегий. Д. Норт с соавторами сравнивают так называемые естественные государства с государствами «открытого доступа». В естественном государстве доступ

Чистая экономическая рента образуется независимо от качества ресурса по причине ограниченности его предложения (стабильно в долгосрочной перспективе). Поэтому один из способов заполучить ренту – ограничить доступ к тому или иному ресурсу.

к ренте имеют только узкие слои элит. Правящие элиты силой (или посредством «промывки мозгов») устанавливают порядок, дающий привилегии тем или иным слоям населения (например, дворянству) в ущерб другим. Это обеспечивает относительную стабильность: власть получает поддержку привилегированных сословий [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011].

Ренты можно наблюдать и в современных демократических государствах «открытого доступа». Не так давно получил распространение термин «поиск ренты» (rent-seeking), введённый Г. Таллоком [Таллок 2011; Tullock 1989]. Таллок рассматривает, в основном, логроллинг – торговлю голосами в Конгрессе США. Торговля голосами позволяет представителям некоторых штатов получать привилегии путём перераспределения общественных благ в свою пользу.

Немаловажно отметить, что термин «рента» постепенно переходит в социологию. А. Соренсен, например, утверждает, что доступ к ренте является признаком социального неравенства. На основании этого он создаёт собственную концепцию социальной стратификации [Sorensen 1996].

Как вышесказанное о ренте соотносится с темой настоящей статьи? На сегодняшний день можно выделить ряд работ, в которых соотносятся термины «рента» и «социальный капитал» [Sabatini, Sarracino, Yamamura 2014]. Однако социальный капитал здесь выступает в качестве инструмента борьбы индивидов за перераспределение общественных ресурсов в свою пользу (поиск ренты). Так, Б. Файн и К. Лапавицас пишут, что эффекты социального капитала могут с такой же частотой быть негативными, как и позитивными. Критики нередко ссылаются на Мафию, Ку-клукс-клан, межэтническую эксплуатацию и т. д. [Fine, Lapavitsas 2004: 27].

Разумеется, социальный капитал выглядит чем-то неразрывно связанным с «поиском ренты». Похожую интерпретацию даёт Л. Н. Васильева, для которой социальная рента – «это реализация в экономической сфере результатов отбора социальных институтов, приспособляющих паразитизм к естественной ограниченности природных и человеческих ресурсов» [Васильева 2014: 242]. Согласно Васильевой, «Каждое общество создаёт разного рода страты в соответствии с наличием привилегий (права на получение социальной ренты): аристократия и рабы, классы и касты, права собственников и бесправие неимущих. Социальная рента существует при любом экономическом строе, но опирается на разный ресурсный потенциал, как внутренний, так и внешний» [Васильева 2014: 242].

Иными словами, исследователи изучают вопрос о том, как социальные отношения используются в борьбе за ренту. Но такой подход не учитывает того, что сами по себе *социальные отношения могут иметь рентную природу* (и термин

«социальный капитал» в таких случаях будет неуместен). Мы считаем, что вопрос здесь необходимо поставить иначе. Необходимо выяснить, *какова доля ренты в тех социальных отношениях, которые у меня уже имеются? какова доля связей и т. п., появление которых у меня не зависело от моей целенаправленной экономической деятельности в прошлом? На наш взгляд, термин «рента» (вернее – «социальная рента») позволяет описывать некоторые явления, только внешне похожие на социальный капитал, но по факту им не являющиеся.*

В классической политэкономии рента – это «дар природы». В натуральном хозяйстве рента обуславливается плодородием (качеством земли): два землевладельца могут иметь разный урожай при одинаковом приложении труда и капитала (удобрения и т. п.). По нашей гипотезе, в социальном мире также есть нечто вроде «плодородия социальной почвы». Индивиды появляются на свет в определённом социальном окружении, общаются, знакомятся, любят и т. п. просто постольку, поскольку у них есть потребность в общении. «Социальная почва» может быть неодинаково благоприятной. То, насколько благоприятно социальное окружение индивида, сформированное независимо от его целенаправленной экономической деятельности (труд и капитал), определяет его *социальную ренту*.

Доступ к социальной ренте опосредуется особенностями социальных структур. В патримониальных культурах, например, решающее значение имеет степень родства. Некоторый индивид может «по связям» иметь преимущества, по сравнению с другими его сверстниками или коллегами, только постольку, поскольку он родился в семье богатого и влиятельного чиновника (привилегии). При этом допустимо, что и сын, и отец расценивают помощь отца как проявление взаимной заботы и любви. Сын здесь ни во что не инвестирует, он просто пользуется случаем и принимает «подарки судьбы».

В некоторых случаях рента и капитал исключают друг друга. Многие формы рент имели место на протяжении истории только потому, что нечто мешало капитализации тех или иных экономических ресурсов. Феодалы, к примеру, владели исключительным правом на землю, что давало им известные преимущества. В тот момент, когда земля начинает свободно продаваться и покупаться на рынке, рента (как совокупность привилегий на право владения) начинает исчезать, так как любой теперь может её приобрести. Она становится капиталом, в который вложены деньги, и потому дальнейший доход от неё – обычная прибыль, а не рента.

В случае с социальной рентой можно предположить нечто аналогичное. Можно говорить о наследственных привилегиях, связях и т. д. Они – ресурс, «свалившийся с неба».

То, насколько благоприятно социальное окружение индивида, сформированное независимо от его целенаправленной экономической деятельности (труд и капитал), определяет его *социальную ренту*.

Многие формы рент имели место на протяжении истории только потому, что нечто мешало капитализации тех или иных экономических ресурсов.

Если начинает осуществляться практика, когда аналогичные связи, привилегии и возможности становится возможным приобрести путём целенаправленных вложений, то их приобретают все, кто может себе это позволить. Привилегии, которые ранее принципиально рыночной цены не имели, теперь её приобретают.

Социальная рента – это не только привилегии. Это есть любая выгода, полученная сверх дивидендов от «чистых инвестиций» (см. выше). При этом потенциально некоторая связь, приносящая ренту, может частично стать социальным капиталом в будущем. Тем не менее, необходимо отделять рентную и капитализированную составляющие социальной связанности. Рента может скрываться под результатами инвестиций. Например, индивид «А» знаком с индивидом «В». В какой-то момент времени «А» понимает, что «В» может помочь ему устроиться на работу. «А» прилагает определённые усилия, чтобы установить контакт с «В» (например, попросить общего товарища уговорить «В» помочь «А» устроиться на работу «не без благодарности» со стороны «А» в будущем). Всё здесь выглядит так, будто бы выгоды «А» от знакомства с «В» – это дивиденды от социального капитала. Однако «А» был знаком с «В» до того, как стал рассматривать «В» в качестве предмета для инвестиций. Следовательно, весомая доля выгод, получаемых «А», есть рента, обусловленная благоприятным стечением обстоятельств.

Относительное благополучие социальной среды (в тех или иных странах) нередко ошибочно принимается теоретиками (выше уже упоминались имена Р. Патнэма и Ф. Фукуямы) за дивиденды от капитала. Конечно, социальная структура может приносить отдельным индивидам те или иные выгоды в виде доверия или работоспособности социальных и политических институтов (социальная среда). В действительности же в основании социальных структур зачастую лежит некоторое множество множеств рутинных действий, составляющих основу той или иной культуры. В таком виде особенности социальных структур – это аналог плодородия почвы в экономике. И подобно плодородию, всё, что может давать бессознательно сотканная социальная структура (в экономическом отношении) – это *рента* или преимущества, независимые от труда и капитала отдельных хозяйствующих единиц.

Заключение

Сегодня мы наблюдаем нечто вроде гиперинфляции трактовки термина «социальный капитал». Проблема заключается здесь не столько в многомерности самого рассматриваемого феномена, сколько в концептуальных ошибках – попытках называть словом «капитал» всё то, что капиталом

Необходимо отделять рентную и капитализированную составляющие социальной связанности.

Сегодня мы наблюдаем нечто вроде гиперинфляции трактовки термина «социальный капитал». Проблема заключается здесь не столько в многомерности самого рассматриваемого феномена, сколько в концептуальных ошибках – попытках называть словом «капитал» всё то, что капиталом в реальности не является.

в реальности не является. Социальный капитал ложно отождествляется с любым источником материальных благ, опосредуемым социальными отношениями. Однако позитивный экономический эффект – это зачастую просто-напросто благоприятное стечение обстоятельств, тогда как реальные индивиды действуют из соображений, противоположных логике «накопления капитала» (любовь, забота, дружба и т. п.).

В настоящей статье мы попытались показать, что небезыңтересные наблюдения некоторых теоретиков социального капитала можно облачить в более корректные концептуальные рамки теории социальной ренты. Социальная рента – это все те блага или преимущества, получаемые индивидами независимо от их труда и капитала (социального капитала как результата целенаправленных инвестиций) только в силу благоприятного социального окружения. Мы надеемся, что различение социального капитала и социальной ренты позволит избежать дальнейшей концептуальной неурядицы.

Библиографический список

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. 1890–1907. Энциклопедический словарь. СПб: Ф. А. Брокгауз - И. А. Ефрон. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> [Дата посещения: 14.03.2015].

Бурдые П. 2005. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя. 576 с.

Бурдые П. 2002. Формы капитала // Экономическая социология. Т.3. № 5. С. 60–74.

Васильева Л. Н. 2014. Элитологическая онтология. М.: Социум. 372 с.

Давыдов Д. А. 2014. Теория социального капитала и её нормативные противоречия // Политика. № 3. С. 30–41.

Коулмен Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 121–139.

Маркс К. 2001. Капитал. Т. 3. М.: АСТ. 548 с.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. 2011. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара. 480 с.

Рикардо Д. 1955. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: Государственное издательство политической литературы. URL: <http://ek-lit.narod.ru/ricsod.htm> [Дата посещения: 14.03.2015].

Таллок Г. 2011. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М.: Издательство Института Гайдара. 221 с.

Тённис Ф. 2002. *Общность и общество*. СПб.: Владимир Даль. 452 с.

Фукуяма Ф. 2004а. *Великий разрыв*. М.: АСТ. 474 с.

Фукуяма Ф. 2004б. *Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ. 730 с.

Arrow K. J. 1999. *Observations on Social Capital*. In: Dasgupta P., Serageldin I. (eds) *Social Capital – A Multifaceted Perspective*. Washington, DC: World Bank. P. 3–5.

Becker G. 1964. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. Chicago: University of Chicago Press. 412 p.

Bohm-Bawerk E. v. 1890. *Capital and Interest: A Critical History of Economical Theory*. London: Macmillan and Co. URL: <http://www.econlib.org/library/BohmBawerk/bbCI.html> [Дата посещения: 14.03.2015].

Chalupnicek P. 2010. *The Capital on Social Capital: An Austrian Perspective* // *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 69. № 4. P. 1230–1250.

Field J. 2003. *Social Capital (Key Ideas)*. London: Routledge. 176 p.

Fine B., Lapavitsas C. 2004. *Social Capital and Capitalist Economics* // *South Eastern Europe Journal of Economics*. Vol. 2. № 1. P. 17–34.

Lane R. 2000. *The Loss of Happiness in Market Democracies*. New Haven, CT: Yale University Press. 480 p.

Lin N. 1999. *Building a Network Theory of Social Capital Theory* // *Connections*. Vol. 22. № 1. P. 28–49.

Lin N. 2001. *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*. N.Y.: Cambridge University Press. 294 p.

Putnam R. D. 1995. *Bowling Alone: America's Declining Social Capital* // *Journal of Democracy*. Vol. 6. № 1. P. 65–78.

Putnam R. D. 2003. *Feldstein M. L. Better Together: Restoring the American Community*. New York: Simon & Schuster. 336 p.

Robison L. J. et al. 2002. *Is Social Capital Really Capital?* // *Review of Social Economy*. Vol. 60. № 1. P. 1–21.

Robison L. J. et al. 2012. *The Relative Importance of Selfishness and Social Capital Motive* // *The Journal of Socio-Economics*. Vol. 41. № 1. P. 118–127.

Sabatini F., Sarracino F., Yamamura E. 2014. *Social Norms on Rent Seeking and Preferences for Redistribution* // *Munich Personal RePEc Archive*. URL: <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/57151/> [Дата посещения: 29.01.2015]

Sorensen A. B. 1996. *The Structural Basis of Social Inequality* // *The American Journal of Sociology*. Vol. 101. № 5. P. 1333–1365.

Thomson I. 2005. *The Theory That Won't Die: From Mass Society to the Decline of Social Capital*. Sociological Forum. Vol. 20. № 3. P. 421–448.

Tullock G. 1989. *The Economic of Special Privilege and Rent Seeking*. Boston: Kluwer Academic. 104 p.

Is Social Capital Actually Capital? Thoughts on the Theory of Social Rent

Davydov Dmitriy Alexandrovich

Junior research fellow, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Abstract. The article contains the conceptual analysis of the social capital theory. It reveals that most interpretations of the “social capital” phenomenon do not reflect the classical and contemporary notions of capital in economics. This leads to a confusion of concepts. Today, social capital is described as social norms, values, and connections. Economists theorize about the positive influence of these phenomena. However, this article reveals that, as a rule, the behavior of social actors cannot be described as a rational investment process. More often than not, individuals’ decisions are governed by principles other than the desire to make a profit or fulfill egocentric needs. We believe that the positive impact on economics that researchers speculate about is merely a byproduct of day-to-day social activity. This prompts a conclusion that it would be incorrect to refer to certain social phenomena as “capital”. This article attempts to bring some clarity into the matter. In our view, social capital is the return on investment. Individuals invest in social connections, hoping to profit from them in the future. That said, in most cases it is difficult to distinguish social capital investments from actions that are guided by other motives, such as love, loyalty, or empathy. We believe that some social phenomena (for instance, fatherly love, etc.) cannot be referred to as “capital” for purely ethical reasons. In this context, our research shows that some versions of the social capital theory are best described through the prism of the economic rent theory. In classical economics, the term “rent” refers to the benefits that individuals receive from sources other than labor or capital. In a way, it could be described as a “gift of nature”. After all, it is hardly surprising that the rent theory initially started out as the study of land rent: the labor and capital investments being equal, different plots of land can provide different yield. When reviewing social phenomena, we propose a new interpretation of the so-called “social rent”. We believe the social rent is determined by a favorable social environment. A given individual may be born in a comfortable environment, or they may befriend someone without thinking that this friendship could potentially be beneficial. In addition, social rent is frequently determined by the specific features of social structure (trust, social norms and values, etc.). In our opinion, the reason why certain forms of social rent are relevant is their connection to everyday social interactions. All of this means that research on the matter needs a more careful approach, with a more skeptical attitude towards individuals as economic actors and a greater emphasis on individuals as social actors.

Keywords: investments, social capital, social rent, social connections.

References

Arrow K. J. Observations on Social Capital. – Dasgupta P., Serageldin I. (eds). *Social Capital – A Multifaceted Perspective*. Washington, DC, World Bank, 1999, pp. 3–5.

Becker G. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. Chicago, University of Chicago Press, 1964. 412 p.

Bohm-Bawerk E. V. *Capital and Interest: A Critical History of Economical Theory*. London: Macmillan and Co., 1890. URL: <http://www.econlib.org/library/BohmBawerk/bbCI.html> [date of visit 14.03.2015].

Brokgauz F. A., Efron I. A. *Enciklopedicheskij slovar'*. SPb: F. A. Brokgauz - I. A. Efron, 1890–1907. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> [date of visit 14.03.2015].

Burd'e P. *Formy kapitala [Formula of the Capital]*. *Ekonomicheskaja sociologija*, 2002, T. 3, no 5, pp. 60–74.

Burd'e P. Social'noe prostranstvo: polja i praktiki [Social Space: Fields and Practices]. Moscow, Institut Eksperimental'noi sociologii; Saint-Petersburg, Aletejja, 2005. 576 p.

Chalupnicek P. The Capital on Social Capital: An Austrian Perspective. *American Journal of Economics and Sociology*, 2010, Vol. 69, no 4, pp. 1230–1250.

Davydov D. A. Teoriia sotsial'nogo kapitala i ee normativnye protivorechiia [Theory of Social Capital and its Normative Contradictions]. *Politija*, 2014, no 3, pp. 30–41.

Field J. *Social Capital (Key Ideas)*. London, Routledge, 2003. 176 p.

Fine B., Lapavitsas C. Social Capital and Capitalist Economics. *South Eastern Europe Journal of Economics*, 2004, Vol. 2, no 1, pp. 17–34.

Fukujama F. Velikij razryv [The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order]. Moscow, AST, 2004. 474 p.

Fukujama F. *Doverie: Social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniju*. M.: AST. 730 s.

Koulmen Dzh. 2001. Kapital social'nyj i chelovecheskij [The Capital – Social and Human]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 2004, no 3, pp. 121–139.

Lane R. *The Loss of Happiness in Market Democracies*. New Haven, CT, Yale University Press, 2000. 480 p.

Lin N. Building a Network Theory of Social Capital Theory. *Connections*, 1999, Vol. 22, no 1, pp. 28–49.

Lin N. *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*. New York, Cambridge University Press, 2001. 294 p.

Marks K. *Kapital*. T. 3. Moscow, AST, 2001. 548 p.

Nort D., Uollis Dzh., Vajngast B. Nasilie i social'nye porjadki. Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva [Violence and Social Orders. The Conceptual Framework for the Interpretation of Written History of Mankind]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2011. 480 p.

Putnam R. D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*, 1995, Vol. 6, no 1, pp. 65–78.

Putnam R. D. Feldstein M. L. *Better Together: Restoring the American Community*. New York, Simon & Schuster, 2003. 336 p.

Rikardo D. Nachala politicheskoi jekonomii i nalogovogo oblozhenija [Principles of Political Economy and Taxation]. *Izbrannoe*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. URL: <http://ek-lit.narod.ru/ricsod.htm> [date of visit 14.03.2015].

Robison L. J. et al. Is Social Capital Really Capital? *Review of Social Economy*, 2002, Vol. 60, no 1, pp. 1–21.

Robison L. J. et al. The Relative Importance of Selfishness and Social Capital Motive, *The Journal of Socio-Economics*, 2012, Vol. 41, no 1, pp. 118–127.

Sabatini F., Sarracino F., Yamamura E. Social Norms on Rent Seeking and Preferences for Redistribution. *Munich Personal RePEc Archive*, 2014. URL: <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/57151/> [date of visit 29.01.2015].

Sorensen A. B. The Structural Basis of Social Inequality. *The American Journal of Sociology*, 1996, Vol. 101, no 5, pp. 1333–1365.

Talok G. Obshhestvennye blaga, pereraspredelenie i poisk renty [Public Goods, Redistribution and Rent-Seeking]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2011. 221 p.

Thomson I. The Theory That Won't Die: From Mass Society to the Decline of Social Capital. *Sociological Forum*, 2005, Vol. 20, no 3, pp. 421–448.

Tjonnis F. Obshhnost' i obshhestvo [Public and Society]. Saint-Petersburg, Vladimir Dal', 2002. 452 p.

Tullock G. *The Economic of Special Privilege and Rent Seeking*. Boston, Kluwer Academic, 1989. 104 p.

Vasil'eva L. N. *Elitologicheskaja ontologija [Elite Ontology]*. Moscow, Sotsium, 2014. 372 p.

Онлайн приложение

Красин Ю. А.

Прорыв – в эпоху реформации

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук
Издатель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:
Владимир Александрович Ядов

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>